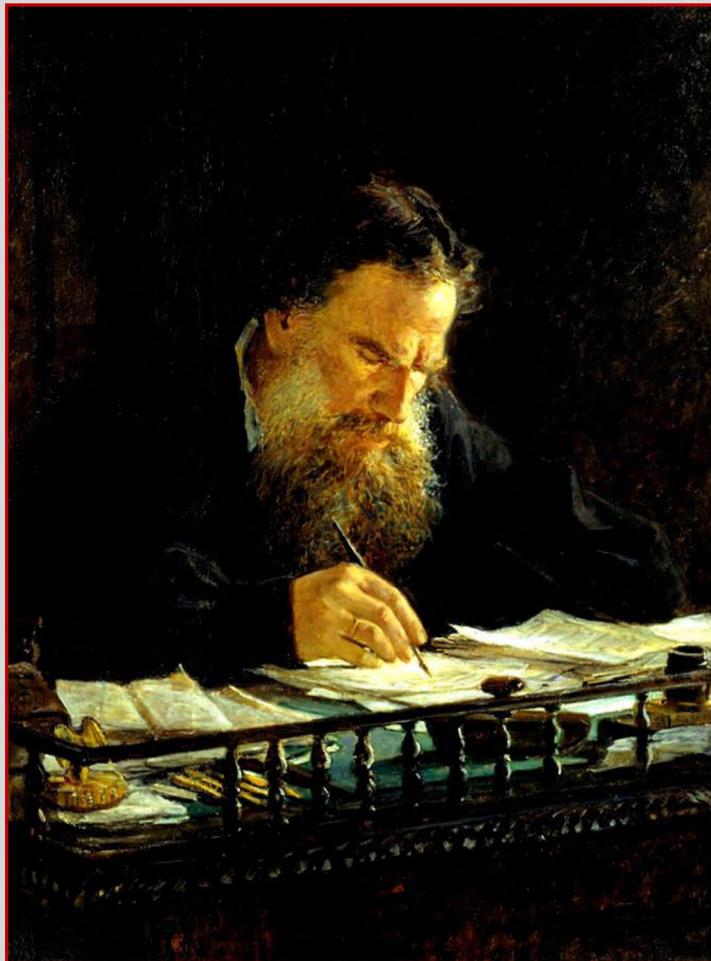

Толстовский Альманах

Н.Н.Ге. Портрет Л.Н.Толстого. 1884 г.
Картичная галерея Альманаха, № 1

№ 1 •• Январь •• 2016

Не в силе Бог, а в правде.

16+

Издание
религиозно-философское,
общественно-социальное и
литературно-художественное

Толстовский Альманах

№ 1 · Январь · 2016

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	3
ГОЛОС Л. Н. ТОЛСТОГО	
Единение. Мысли Л. Н. Толстого	5
Из книги Л. Н. Толстого «В чём моя вера?»	9
ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ Л. Н. ТОЛСТОГО. ПРОШЛОЕ	
И. Зверев. В Новый Год	27
И. И. Горбунов-Посадов. Нам жизнь дана.....	28
А. И. Аполлов. Борьба света с тьмою	29
М. П. Новиков. Наш долг перед Толстым	36
А. П. Сергеенко. Ограбление	46
А. С. Малород. Не забывай	59
И. А. Гордеева. Радикально-пацифистское движение в России в XX веке	60
Из истории Толстовского общества в Казани	84
ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ Л. Н. ТОЛСТОГО. СОВРЕМЕННОСТЬ	
А. Фетисов. Современное толстовство	87
А. Фетисов. Выход из насилия	92

В. Адаменко. Востребованность взглядов	
Л. Н. Толстого в начале XXI века	96
П. Ефремов. Значение текущих событий	101
И. Овчаренко. Три стихотворения	105

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

В. Кокосов. „Не наш”	109
Л. Перно. Общество Друзей (квакеров)	130
Манифест против воинской повинности	143
Луи Лекуан. <i>Краткая биография</i>	146

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

Б. де Сен-Пьер. Суратская кофейная	150
Н. С. Лесков. Под Рождество обидели	158
Е. И. Замятин. Арапы. Церковь Божия	176

ОБМЕН МНЕНИЯМИ

В. Адаменко. Л. Н. Толстой самиздатом	179
Размышления о пацифистском видео-канале и толстовской газете	181

ОБЪЯВЛЕНИЯ, НОВЫЕ КНИГИ

О библиотеке «Вне насилия»	185
Новые книги: Из Дневников Л.Н. Толстого;	
Э. Фукс. Христос в трагические времена	191
Воззвание Б. А. Золотова	196
<i>Пояснения к иллюстрациям</i>	196

В подготовке альманаха принимают участие:

*В. Адаменко (Россия), П. Ефремов (Россия—Германия),
И. Овчаренко (Украина) и др.*

Замечания и предложения просим читателей
направлять в редакцию по адресу:
tolst.almanah@gmail.com

Дорогие читатели!

От всей души поздравляем вас с наступившим Новым 2016 годом и рады представить вам первый номер Толстовского Альманаха. В 1991 году прекратился выпуск журнала «Ясная Поляна», — последнего, насколько нам известно, периодического издания, представлявшего взгляды Л. Н. Толстого. Сегодня, спустя четверть века, мы хотели бы возродить эту традицию.

Название «Толстовский Альманах» обозначает круг наших интересов: личность Л. Н. Толстого, его взгляды, жизнь его последователей и духовных наследников. Нам интересно все то, что было интересно в свое время ему и что было бы интересно человеку с подобными взглядами в современном мире.

Это, прежде всего, христианское учение, дополненное духовным опытом всего человечества. Любовь к Богу и ближнему; евангельское учение о ненасилии — и в личной, и в общественной жизни, распространение его на всех живых существ; умеренность, трезвость и прощение жизни, ясность и разумность мышления; решение социальных проблем через самосовершенствование и духовный рост каждого отдельного человека.

Мы планируем включить в наш Альманах фрагменты основных сочинений Л. Н. Толстого и многое из того, что в свое время было опубликовано толстовским издательством «Посредник» и на страницах толстовских журналов.

Мы также хотели бы дать возможность печататься тем, кто в настоящее время пишет в этом русле.

Редакция намеренно не называет себя «толстовским движением» и тем более не считает себя единственными законными духовными наследниками Л. Н. Толстого. Мы выпускаем Альманах не для того, чтобы предложить самих себя в качестве образца для подражания или единственно верных интерпретаторов его взглядов. Мы всего лишь группа людей, изучающих и популяризирующих идейное наследие Л. Н. Толстого.

Каждый может и должен изучать его самостоятельно — поэтому, при общей основе, оценка разных событий у читателей может быть своя. В том числе и у нас самих: мнение одного из авторов может в определенной мере отличаться от мнений других авторов Альманаха.

Все участники нашего издания живут в разных странах, объединенные только русским языком, но не гражданством и не национальностью. Интернет, в котором будет распространяться Альманах, — тем более интернационален.

Издание Альманаха подготовлено к выпуску исключительно силами редакции, без какой бы то ни было финансовой помощи извне, и в ближайшее время будет представлено только в электронной форме. Нам хотелось бы печатать его и в бумажном виде, поэтому, если вам понравилась идея нашего Альманаха, и вы готовы сделать пожертвования, мы с радостью их примем.

Если вы хотите получать очередные выпуски нашего издания — обращайтесь по адресу: tolst.almanah@gmail.com.

Единение

Мысли Л. Н. Толстого

Представляю себе мир храмом, в котором свет падает только сверху в середине. Этот свет есть божеская истина.

Все люди, любящие свет, стремятся к нему и с разных сторон мира собираются в середине и соединяются.

Искать нужно не единения между людьми, а только того, чтобы быть в истине: истина же неизбежно соединит всех.

Есть свет истины, и есть люди, со всех сторон приближающиеся к нему, с стольких разных сторон, сколько есть радиусов в круге, — стало быть, до бесконечности разнообразными путями. Будем всеми силами стремиться к свету истины, объединяющему всех,

а на сколько мы близки к нему и объединены — судить не нам.

Об единении хочется сказать еще следующее: мешает единению еще и то, что люди, сойдясь у света и придя к нему разными путями, вместо того, чтобы радоваться своему единению, начинают спорить о том, каким путем удобнее и следует другим идти.

Слова могут разделить нас, но не чувство религиозное, не стремление. В этом я уверен, что мы вместе. Слова важны, но в сравнении с чувством религиозным, с стремлением к Богу — ничтожны.

Чтобы не расходиться, будем иметь в виду стремиться к Богу, будем сознавать, что ис-

тинная, спокойная, твердая жизнь только в Боге, — и мы все будем вместе.

Насколько мы близки к тому, чем хотим жить, настолько близки друг к другу.

Связь моя не прямая от меня к вам, а через Бога, казалось бы самая отдаленная, а, напротив, самая близкая и твердая, не по хордам или дугам, а по радиусам.

Сближение между людьми и народами, о котором вы говорите, без сомнения, должно составлять лучшую цель деятельности людей, но сближение, я думаю, как между людьми, так и между народами, достигается не выражениями желания сближения, а стремлением как каждого отдельного человека, так и всякого народа к познанию истины и исполнению ее в жизни. Только при таком стремлении истинно иочно сближаются люди, если бы даже они никогда и не думали о сближении.

Одиноким никто из нас быть не может, потому что каждый из нас может перенести свою жизнь в Бога и в Боге найти общение со всем миром.

Одна и та же основа соединяет тебя с людьми, с которыми ты не видался никогда, которые живут далеко от тебя, но которые живут духовно одним и тем же, чем живешь ты.

Дорого и важно не личное, а духовное общение.

Вечный этот обман, что важным кажется видимое дело: дошить сапоги или дописать книгу, а приблизиться к другим людям кажется ничем; а на волосок приближение к людям важнее всех сапог и делов и книг. И как оглянешься назад на свою жизнь, так и видишь очевидное подтверждение этого. Плохо не от того, что нет сапог, дома, книги, а от того, что разъединился, когда мог соединиться.

Из журнала
«Единение», № 1, 1916.

Из «Круга Чтения»

Все дети Адама — члены одного тела. Когда страдает один член, все другие страдают. Если ты равнодушен к страданиям других, ты не заслуживаешь названия человека.

Саади.

Жизнь отдельного человека должна совершенно плотно срастись с общей жизнью человечества, ибо все творение проникнуто согласием и единством. Как во внешней природе, так и в области духовной все явления жизни состоят в тесной связи между собою.

Марк Аврелий.

Все живое боится мучения, все живое боится смерти; пойми самого себя во всяком живом существе, не мучай и не убивай, не причиняй страданий и смерти.

Все живое хочет того же, чего и ты, все живое дорожит

своей жизнью; пойми же самого себя во всяком живом существе.

Буддийская мудрость.

Разумные существа, призванные трудиться вместе за одной и той же работой, исполняют в общей мировой жизни то назначение, которому служат члены в человеческом теле. Они сотворены для разумного единодействия. В сознании, что ты — член великого духовного братства, есть что-то ободряющее и утешительное.

Марк Аврелий.

Человечество живо начинает сознавать то, что все должны подниматься или падать вместе. Люди все больше и больше прислушиваются к тому голосу, который не переставая говорит внутри нас.

Люси Малори.

Нет такого дурного дела, за которое был бы наказан только тот, кто его сделал. Мы не можем так уединиться, чтобы то зло, которое есть в нас, не распространялось. Наши дела, как наши дети: они живут и действуют независимо от нашей воли.

Джордж Элиот.

Всякое неподдельное благодеяние, всякая вполне и поистине бескорыстная помощь, имеющая, стало быть, в виду исключительно чужую нужду, оказывается, строго говоря, при исследовании дела до последних основ, поступком таинственным и необъяснимым, потому что вытекает из таинственного сознания единства всего существующего и не поддается никакому иному объяснению. В самом деле, погдай хотя бы милостыню, не имея в виду, даже в отдаленных соображениях, ничего другого, как только уменьшить нужду, давящую другого, — возможно лишь потому, что подающий познает, что то, что является ему сейчас под видом того жалкого нищего, есть он

же сам, потому что он узнает свое собственное существоование само по себе в этом ином, чуждом явлении.

Шопенгауэр.

Мы должны всегда стараться отыскивать не то, что нас отделяет от других людей, а то, что у нас с ними общего.

Джон Рёскин.

Люди, проповедующие нравственность и ограничивающие ваши обязанности пределами вашей семьи и родины, проповедуют вам эгоизм, более или менее широкий, но тем не менее вредный и вам и другим. Семья и родина — два круга, заключающиеся в еще более широком круге — человечестве. Это две ступени, которые нужно пройти, но на которых не следует останавливаться.

Иосиф Мадзини.

Ты стонешь от своих несчастий. Если б ты помнил то, что испытывают другие, ты меньше жаловался бы на свои страдания.

Солон.

Л. Н. Толстой

Непротивление злу насилием

Из книги «В чем моя вера?»

I

Из всех Евангелий, как что-то особенное, всегда выделялась для меня Нагорная проповедь. И ее-то я читал чаще всего. Нигде, кроме как в этом месте, Христос не говорит с такою торжественностью, нигде он не дает так много нравственных, ясных, понятных, прямо отзывающихся в сердце каждого правил, нигде он не говорит к большей толпе всяких простых людей. Если были ясные, определенные христианские правила, то они должны быть выражены тут. В этих трех главах Матфея я искал разъяснения моих недоумений.

Много и много раз я перечитывал Нагорную проповедь и всякий раз испытывал одно и

то же: восторг и умиление при чтении тех стихов — о представлении щеки, отдаче рубахи, примирении со всеми, любви к врагам — и то же чувство неудовлетворенности. Слова Бога, обращенные ко всем, были неясны. Поставлено было слишком невозможное отречение от всего, уничтожавшее самою жизнь, как я понимал ее, и поэтому отречение от всего, казалось мне, не могло быть непременным условием спасения. А как скоро это не было непременное условие спасения, то не было ничего определенного и ясного. Я читал не одну Нагорную проповедь, я читал все Евангелия, все богословские комментарии на них. Богословские объяснения о том, что изречения Нагорной проповеди суть указания того совершенства, к которому дол-

жен стремиться человек, но что падший человек — весь в грехе и своими силами не может достичнуть этого совершенства, что спасение человека в вере, молитве и благодати, — объяснения эти не удовлетворяли меня.

Я не соглашался с этим, потому что мне всегда казалось странным, для чего Христос, вперед зная, что исполнение его учения невозможно одними силами человека, дал такие ясные и прекрасные правила, относящиеся прямо к каждомуциальному человеку? Читая эти правила, мне всегда казалось, что они относятся прямо ко мне, от меня одного требуют исполнения.

Читая эти правила, на меня находила всегда радостная уверенность, что я могу сейчас, с этого часа, сделать все это. И я хотел и пытался делать это; но как только я испытывал борьбу при исполнении, я невольно вспоминал учение

церкви о том, что человек слаб и не может сам сделать этого, и ослабевал.

Мне говорили: надо верить и молиться.

Но я чувствовал, что я мало верю и потому не могу молиться. Мне говорили, что надо молиться, чтобы Бог дал веру, ту веру, которая дает ту молитву, которая дает ту веру, которая дает ту молитву и т. д., до бесконечности.

Но и разум и опыт показывали мне, что средство это недействительно. Мне все казалось, что действительны могут быть только мои усилия исполнять учение Христа.

И вот, после многих, многих тщетных исканий, изучений того, что было писано об этом в доказательство божественности этого учения и в доказательство небожественности его, после многих сомнений и страданий, я остался опять один со своим сердцем и с таинственной книгою пред со-

“Читая эти правила, на меня находила всегда радостная уверенность, что я могу сейчас, с этого часа, сделать все это”

Л. Н. Толстой — Из книги «В чем моя вера?»

бой. Я не мог дать ей того смысла, который давали другие, и не мог придать иного, и не мог отказаться от нее. И только изверившись одинаково и во все толкования ученой критики, и во все толкования ученого богословия, и откинув их все, по слову Христа: если не примете меня, как дети, не войдете в Царствие Божие... я понял вдруг то, чего не понимал прежде. Я понял не тем, что я как-нибудь искусно, глубокомысленно переставлял, сличал, перетолковывал; напротив, все открылось мне тем, что я забыл все толкования. Место, которое было для меня ключом всего, было место из V главы Матфея, стих 39-й: «Вам сказано: око за око, зуб за зуб. А я вам говорю: не противьтесь злу»... Я вдруг в первый раз понял этот стих прямо и просто. Я понял, что Христос говорит то самое, что говорит. И тотчас не то что появилось что-нибудь новое, а отпало все, что затемняло истину, истина восстала предо мной во всем ее значении. «Вы слышали, что сказано древним: око за око, зуб за зуб. А я вам

говорю: не противьтесь злу». Слова эти вдруг показались мне совершенно новыми, как будто я никогда не читал их прежде.

Прежде, читая это место, я всегда по какому-то странному затмению пропускал слова: *а я говорю: не противься злу*. Точно как будто слов этих совсем не было, или они не имели никакого определенного значения.

Впоследствии при беседах моих со многими и многими христианами, знавшими Евангелие, мне часто случалось замечать относительно этих слов то же затмение. Слов этих никто не помнил, и часто, при разговорах об этом месте, христиане брали Евангелие, чтобы проверить — есть ли там эти слова. Также и я пропускал эти слова и начинал понимать только со следующих слов: «И кто ударит тебя в правую щеку... подставь левую...» и т.д. И всегда слова эти представлялись мне требованием страданий, лишений, не свойственных человеческой природе. Слова эти умиляли меня. Мне чувствовалось, что было бы

прекрасно исполнить их. Но мне чувствовалось тоже и то, что я никогда не буду в силах исполнить их только для того, чтобы исполнить, чтобы страдать. Я говорил себе: ну хорошо, я подставлю щеку, — меня другой раз прибьют; я отдаам, — у меня отнимут все. У меня не будет жизни. А мне дана жизнь, зачем же я лишусь ее? Этого не может требовать Христос. Прежде я говорил это себе, предполагая, что Христос этими словами восхваляет страдания и лишения и, восхваляя их, говорит преувеличенно и потому неточно и неясно; но теперь, когда я понял слова о непротивлении злу, мне ясно стало, что Христос ничего не преувеличивает и не требует никаких страданий для страданий, а только очень определенно и ясно говорит то, что говорит. Он говорит: «Не противьтесь злу; и, делая так, вперед знайте, что могут найтись люди, которые, ударив вас по одной щеке и не встретив отпора, ударят и по другой; отняв рубаху, отнимут и кафтан; воспользовавшись вашей работой, заставят еще рабо-

тать; будут брать без отдачи... И вот если это так будет, то вы все-таки не противьтесь злу. Тем, которые будут вас бить и обижать, все-таки делайте добро». И когда я понял эти слова так, как они сказаны, так сейчас же все, что было темно, стало ясно, и что казалось преувеличенно, стало вполне точно. Я понял в первый раз, что центр тяжести всей мысли в словах: «не противься злу», а что последующее есть только разъяснение первого положения. Я понял, что Христос несколько не велит подставлять щеку и отдавать каftан для того, чтобы страдать, а велит не противиться злу и говорит, что при этом придется, может быть, и страдать. Точно так же, как отец, отправляющий своего сына в далекое путешествие, не приказывает сыну — недосыпать ночей, недоедать, мокнуть и зябнуть, если он скажет ему: «Ты иди дорогой, и если придется тебе и мокнуть и зябнуть, ты все-таки иди». Христос не говорит: подставляйте щеки, страдайте, а он говорит: не противьтесь злу, и, что бы с вами ни было, не противьтесь

злу. Слова эти: ***не противься злу или злому***, понятые в их прямом значении, были для меня истинно ключом, открывшим мне все. И мне стало удивительно, как мог я так навыворот понимать ясные, определенные слова. Вам сказано: зуб за зуб, а я говорю: не противься злу или злому и, чтобы с тобой ни делали злые, терпи, отдавай, но не противься злу или

злым. Что же может быть яснее, понятнее и несомненнее этого? И стоило мне понять эти слова просто и прямо, как они сказаны, и тот-

час же во всем учении Христа, не только в Нагорной проповеди, но во всех Евангелиях, все, что было запутано, стало понятно, что было противоречиво, стало согласно; и главное, что казалось излишне, стало необходимо. Все слилось в одно целое и несомненно подтверждало одно другое, как куски разбитой статуи, составленные так, как они должны

быть. В этой проповеди и во всех Евангелиях со всех сторон подтверждалось то же учение о непротивлении злу.

В этой проповеди, как и во всех местах, везде Христос представляет себе своих учеников, то есть людей, исполняющих правило о непротивлении злу, не иначе как представляющих щеку и отдающих кафтан, как гонимых, побивае-

мых и нищих.

Везде много раз Христос говорит, что тот, кто не взял крест, кто не отрекся от всего, тот не может быть его учени-
ком,

ником, то есть кто не готов на все последствия, вытекающие из исполнения правила о непротивлении злу. Ученикам Христос говорит: будьте нищие, будьте готовы, не противясь злу, принять гонения, страдания и смерть. Сам готовится на страдания и смерть, не противясь злу, и отгоняет от себя Петра, жалеющего об этом, и сам умирает, запрещая

“Слова эти: не противься злу или злому, понятые в их прямом значении, были для меня истинно ключом, открывшим мне все”

противиться злу и не изменяя своему учению.

Все первые ученики его исполняют это правило непротивления злу и всю жизнь проводят в нищете, гонениях и никогда не воздают злом за зло.

Стало быть, Христос говорил то, что говорил. Можно утверждать, что всегдашнее исполнение этого правила очень трудно; можно не соглашаться с тем, что каждый человек будет блажен, исполняя это правило; можно сказать, что это глупо, как говорят неверующие, что Христос был мечтатель, идеалист, который высказывал неисполнимые правила, которым и следовали по глупости его ученики; но никак нельзя не признавать, что Христос сказал очень ясно и определенно то самое, что хотел сказать: именно, что человек, по его учению, должен не противиться злу и что потому тот, кто принял его учение, не может противиться злу. А между тем ни верующие, ни неверующие не понимают такого простого, ясного значения слов Христа.

II

Когда я понял, что слова «не противясь злу» значит: не противясь злу, все мое прежнее представление о смысле учения Христа вдруг изменилось, и я ужаснулся пред тем не то что непониманием, а каким-то странным пониманием учения, в котором я находился до сих пор. Я знал, мы все знаем, что смысл христианского учения — в любви к людям. Сказать: подставить щеку, любить врагов — это значит выразить сущность христианства. Я знал это с детства, но отчего же я не понимал этих простых слов просто, а искал в них какой-то иносказательный смысл? Не противясь злому — значит не противиться злому никогда, то есть никогда не делай насилия, то есть такого поступка, который всегда противуположен любви. И если тебя при этом обидают, то перенеси обиду и все-таки не делай насилия над другим. Он сказал так ясно и просто, как нельзя сказать яснее...

С детства меня учили тому, что Христос — Бог и учение

Л. Н. Толстой — Из книги «В чем моя вера?»

его Божественно, но вместе с тем меня учили уважать те учреждения, которые насилием обеспечивают мою безопасность от злого, учили меня почитать эти учреждения священными. Меня учили противостоять злому и внушали, что унизительно и постыдно покоряться злому и терпеть от него, а похвально противиться ему. Меня учили судить и казнить. Потом меня учили воевать, то есть убийством противодействовать злым, и воинство, которого я был членом, называли христолюбивым воинством; и деятельность эту освящали христианским благословением. Кроме того, с детства и до возмужалости меня учили уважать то, что прямо противоречит закону Христа. Дать отпор обидчику, отмстить насилием за оскорбление личное, семейное, народное; все это не только не отрицали, но мне внушали, что все это прекрасно и не противно закону Христа.

Все меня окружающее: спокойствие, безопасность моя и семьи, моя собственность, все построено было на законе, отвергнутом Христом, на законе:

зуб за зуб.

Церковные учители учили тому, что учение Христа Божественно, но исполнение его невозможно по слабости людской, и только благодать Христа может содействовать его исполнению. Светские учители и все устройство жизни уже прямо признавали неисполнимость, мечтательность учения Христа, и речами и делами учили тому, что противно этому учению. Это признание неисполнимости учения Бога до такой степени понемножку, незаметно всосалось в меня и стало привычно мне, и до такой степени оно совпадало с моими похотями, что я никогда не замечал прежде того противоречия, в котором я находился. Я не видел того, что невозможно в одно и то же время исповедовать Христа-Бога, основа учения которого есть непротивление злому, и сознательно и спокойно работать для учреждения собственности, судов, государства, воинства, учреждать жизнь, противную учению Христа, и молиться этому Христу о том, чтобы между нами исполнялся закон

непротивления злому и прощения. Мне не приходило еще в голову то, что теперь так ясно: что гораздо бы проще было устраивать и учреждать жизнь по закону Христа, а молиться уж о том, чтобы были суды, казни, войны, если они так нужны для нашего блага.

И я понял, откуда возникло мое заблуждение. Оно возникло из исповедания Христа на словах и отрицания его на деле.

Положение о непротивлении злому есть положение, связующее все учение в одно целое, но только тогда, когда оно не есть изречение, а есть правило, обязательное для исполнения, когда оно есть закон.

Оно есть точно ключ, отпирающий всё, но только тогда, когда ключ этот просунут до замка. Признание этого положения за изречение, невозможное к исполнению без сверхъестественной помощи, есть уничтожение всего учения. Каким же, как не невозможным, может представляться людям то учение, из которого вынуто основное, связующее все положение? Неверующим же оно

даже прямо представляется глупым и не может представиться иным.

Поставить машину, затопить паровик, пустить в ход, но не надеть передаточного ремня — это самое сделано с учением Христа, когда стали учить, что можно быть христианином, не исполняя положение о непротивлении злу.

Я недавно с еврейским раввином читал V главу Матфея. Почти при всяком изречении раввин говорил: это есть в Библии, это есть в Талмуде, и указывал мне в Библии и Талмуде весьма близкие изречения к изречениям Нагорной проповеди. Но когда мы дошли до стиха о непротивлении злу, он не сказал: и это есть в Талмуде, а только спросил меня с усмешкой: — И христиане исполняют это? подставляют другую щеку? — Мне нечего было отвечать, тем более что я знал, что в это самое время христиане не только не подставляли щеки, но били евреев по подставленной щеке. Но мне интересно было знать, есть ли что-нибудь подобное в Библии или Талмуде, и я спросил

его об этом. Он сказал: — Нет, этого нет, но вы скажите, исполняют ли христиане этот закон? — Вопросом этим он говорил мне, что присутствие такого правила в христианском законе, которое не только никем не исполняется, но которое сами христиане признают неисполнимым, есть признание неразумности и ненужности этого правила. И я не мог ничего отвечать ему.

Теперь, поняв прямой смысл учения, я вижу ясно то странное противоречие с самим собой, в котором я находился. Признав Христа Богом и учение его Божественным и вместе с тем устроив свою жизнь противно этому учению, что же оставалось, как не признавать учение неисполнимым? На словах я признал учение Христа священным, на деле я исповедовал совсем не христианское учение и признавал и поклонялся учреждениям не христианским, со всех сторон обнимающим мою жизнь.

Весь Ветхий Завет говорит, что несчаствия народа иудейского происходили оттого, что он верил в ложных богов, но не

в истинного Бога. Самуил в первой книге, в главах 8-й и 12-й, обвиняет народ в том, что ко всем прежним своим отступлениям от Бога он прибавил еще новое: на место Бога, который был их царем, поставили человека-царя, который, по их мнению, спасет их. Не верьте в «тогу», в пустое, говорит Самуил народу (ХII, 21 стих). Оно не поможет вам и не спасет вас, потому что оно «тогу», пустое. Чтобы не погибнуть вам с царем вашим, держитесь одного Бога.

Вот вера в эти «тогу», в эти пустые кумиры и заслоняла от меня истину. На дороге к ней, заграждая ее свет, стояли предо мной те «тогу», от которых я не в силах был отречься.

На днях я шел в Боровицкие ворота; в воротах сидел старик, нищий-калечка, обвязанный по ушам ветошкой. Я вынул кошелек, чтобы дать ему что-нибудь. В это время с горы из Кремля выбежал бравый молодой румяный малый, гренадер в казенном тулупе. Нищий, увидав солдата, испуганно вскочил и вприхромку побежал вниз к Александровскому саду.

Гренадер погнался было за ним, но, не догнав, остановился и стал ругать нищего за то, что он не слышал запрещения и садился в воротах. Я подождал гренадера в воротах. Когда он поравнялся со мной, я спросил его: знает ли он грамоте?

— Знаю, а что? — Евангелие читал?
— Читал. — А читал: «и кто накормит голодного?...» — Я сказал ему это место. Он знал его и выслушал. И я видел, что он смущен. Два прохожие остановились, слушая. Гренадеру, видно, больно было чувствовать, что он, отлично исполняя свою обязанность, — гоняя народ оттуда, откуда велено гонять, — вдруг оказался неправ. Он был смущен и, видимо, искал отговорки. Вдруг в умных, черных глазах его блеснул свет, он повернулся ко мне боком, как бы уходя. — А воинский устав читал? —

спросил он. Я сказал, что не читал. — Так и не говори, — сказал гренадер, тряхнув победоносно головой, и, запахнув тулуп, молодецки подошел к своему месту.

Это был единственный человек во всей моей жизни, строго логически разрешивший

тот вечный вопрос, который при нашем общественном строе стоял передо мной и стоит перед каждым человеком, называющим себя христианином.

“А читал: «и кто накормит голодного?...»”

*— А воинский устав читал? — спросил он.
Я сказал, что не читал.
— Так и не говори...”*

III

Напрасно говорят, что учение христианское касается личного спасения, а не касается вопросов общих, государственных. Это только смелое и голословное утверждение самой очевидной неправды, которая разрушается при первой серьезной мысли об этом. Хо-

рошо, я не буду противиться злу, подставлю щеку, как частный человек, говорю я себе, но идет неприятель или угнетают народы, и меня призывают участвовать в борьбе со злыми — идти убивать их. И мне неизбежно решить вопрос: в чем служение Богу и в чем служение «тогу». Идти ли на войну, или не идти? Я — мужик, меня выбирают в старшины, судьи, в присяжные, заставляют присягать, судить, наказывать — что мне делать? Опять я должен выбирать между законом Бога и законом человеческим. Я — монах, живу в монастыре, мужики отняли наш покос, меня посылают участвовать в борьбе со злыми — просить в суде на мужиков. Опять я должен выбирать. Ни один человек не может уйти от решения этого вопроса. Я не говорю уже о нашем сословии, деятельность которого почти вся состоит в противлении злым: военные, судейские, администраторы, но нет того частного, самого скромного человека, которому бы не предстояло это решение между служением Богу, исполнением

его заповедей, или служением «тогу», государственным учреждениям. Личная моя жизнь переплетена с общей государственной, а государственная требует от меня нехристианской деятельности, прямо противной заповеди Христа. Теперь с общей воинской повинностью и участием всех в суде в качестве присяжных, дилемма эта с поразительной резкостью поставлена перед всеми. Всякий человек должен взять орудие убийства: ружье, нож, и если не убить, то зарядить ружье и отточить нож, то есть быть готовым на убийство. Каждый гражданин должен прийти в суд и быть участником суда и наказаний, то есть каждый должен отречься от заповеди Христа непротивления злому не словом только, но делом.

Вопрос гренадера: Евангелие или воинский устав? закон Божий или закон человеческий? — теперь стоит и при Самуиле стоял перед человечеством. Он стоял и перед самим Христом и перед учениками его. Стоит и перед теми, которые теперь хотят быть христи-

анами, стоял и передо мной.

Закон Христа, с его учением любви, смирения, самоотвержения, всегда и прежде трогал мое сердце и привлекал меня к себе. Но со всех сторон, в истории, в современной окружающей меня, и в моей жизни я видел закон противоположный, противный моему сердцу, моей совести, моему разуму, но по-такающий моим животным инстинктам. Я чувствовал, что, прими я закон Христа, я останусь один, и мне может быть плохо, мне придется быть гонимым и плачущим, то самое, что сказал Христос. Прими закон человеческий — меня все одобрят, я буду спокоен, обеспечен, и к моим услугам все изощрения ума, чтобы успокоить мою совесть. Я буду смеяться и веселиться, то самое, что сказал Христос. Я чувствовал это и потому не только не углублялся в значение закона Христа, но старался понять его так, чтобы он не мешал мне жить моей животной жизнью. А понять его так нельзя было, и потому я вовсе не понимал его...

IV

Я понял теперь, что говорит Христос, когда он говорит: вам сказано: око за око, зуб за зуб. А я вам говорю: не противься злу, а терпи его. Христос говорит: вам внушено, вы привыкли считать хорошим и разумным то, чтобы силой отставаться от зла и вырывать глаз за глаз, учреждать уголовные суды, полицию, войско, отставаться от врагов, а я говорю: не делайте насилия, не участвуйте в насилии, не делайте зла никому, даже тем, которых вы называете врагами.

Я понял теперь, что в положении о непротивлении злу Христос говорит не только, что выйдет непосредственно для каждого от непротивления злу, но он, в противоположение той основы, которою жило при нем по Моисею, по римскому праву и теперь по разным кодексам живет человечество, ставит положение непротивления злу, которое, по его учению, должно быть основой жизни людей вместе и должно избавить человечество от зла, наносимого им самому себе. Он говорит:

вы думаете, что ваши законы исправляют зло, — они только увеличивают его. Один есть путь пресечения зла — делание добра за зло всем без всякого различия. Вы тысячи лет пробовали ту основу, попробуйте мою — обратную.

Удивительное дело! В последнее время мне часто слушалось говорить с самыми различными людьми об этом законе Христа — непротивления злу. Редко, но я встречал людей, соглашавшихся со мною. Но два рода людей никогда, даже в принципе, не допускают прямого понимания этого закона и горячо отстаивают справедливость противления злу. Это люди двух крайних полюсов: христиане патриоты-консерваторы и атеисты-революционеры.

Ни те, ни другие не хотят отказаться от права насилием противиться тому,

что они считают злом. И самые умные, ученые люди из них никак не хотят видеть той простой, очевидной истины, что если допустить, что один человек может насилием противиться тому, что он считает злом, то точно так же другой может насилием противиться тому, что этот другой считает злом.

Недавно у меня была в руках поучительная в этом отношении переписка

православного славянофила с христианином-революционером. Один отстаивал насилие войны во имя угнетенных братьев-славян, другой — насилие революции во имя угнетенных братьев — русских мужиков. Оба требуют насилия, и оба опираются на учение Христа...

Наименьшее, что можно требовать от людей, судящих о чьем-нибудь учении, это то, чтобы судили об учении учи-

*“Два рода людей горячо
отстаивают
справедливость
противления злу. Это
христиане патриоты-
консерваторы и атеисты-
революционеры”*

теля так, как он сам понимал его. А он понимал свое учение не как какой-то далекий идеал человечества, исполнение которого невозможно, не как мечтательные поэтические фантазии, которыми он пленял простодушных жителей Галилеи; он понимал свое учение как дело, такое дело, которое спасет человечество, и он не мечтал на кресте, а кричал и умер за свое учение. И так же умирали и умрут еще много людей. Нельзя говорить про такое учение, что оно — мечта.

Всякое учение истины — мечта для заблудших. Мы до того дошли, что есть много людей (и я был в числе их), которые говорят, что учение это мечтательно, потому что оно несвойственно природе человека. Несвойственно, говорят, природе человека подставить другую щеку, когда его ударяют по одной, несвойственно отдать свое чужому, несвойственно работать не на себя, а на другого. Человеку свойственно, говорят, отстаивать себя, свою безопасность, безопасность своей семьи, собственность, другими словами,

— человеку свойственно бороться за свое существование. Ученый правовед научно доказывает, что самая священная обязанность человека есть отстаивание своего права, то есть борьба.

Но стоит на минуту отрешиться от той мысли, что устройство, которое существует и сделано людьми, есть наилучшее, священное устройство жизни, чтобы возражение это о том, что учение Христа несвойственно природе человека, тотчас же обратилось против возражателей. Кто будет спорить о том, что не то что мучить или убивать человека, но мучать собаку, убить курицу и теленка противно и мучительно природе человека. (Я знаю людей, живущих земледельческим трудом, которые перестали есть мясо только потому, что им приходилось сажать убивать своих животных.) А между тем все устройство нашей жизни таково, что всякое личное благо человека приобретается страданиями других людей, которые противны природе человека. Все устройство нашей жизни, весь

сложный механизм наших учреждений, имеющих целью насилие, свидетельствует о том, до какой степени насилие противно природе человека. Ни один судья не решится задушить веревкой того, кого он приговорил к смерти по своему правосудию. Ни один начальник не решится взять мужика из плачущей семьи и запереть его в острог. Ни один генерал или солдат без дисциплины, присяги и войны не убьет не только сотни турок или немцев и не разорит их деревень, но не решится ранить ни одного человека. Все это делается только благодаря той сложнейшей машине государственной и общественной, задача которой состоит в том, чтобы разбивать ответственность совершаемых злодейств так, чтобы никто не почувствовал противовесственности этих поступков. Одни пишут законы, другие прилагают их, третьи муштруют людей, воспитывая в них привычки дисциплины, то есть бессмысленного и безответного повиновения, четвертые — эти самые вымуштрованные люди — делают всякого рода

насилия, даже убивают людей, не зная зачем и для чего. Но стоит человеку хоть на минуту мысленно освободиться от этой сети устройства мирского, в которой он запутался, чтобы понять, что ему несвойственно.

Не будем только утверждать, что привычное зло, которым мы пользуемся, есть несомненная Божественная истина, и тогда ясно, что естественно и свойственно человеку: насилие или закон Христа? Знать ли, что спокойствие и безопасность моя и семьи, все мои радости и веселья покупаются нищетой, развратом и страданиями миллионов, — ежегодными виселицами, сотнями тысяч страдающих узников и миллионом оторванных от семей и одуренных дисциплиной солдат, городовых и урядников, которые оберегают мои потехи заряженными на голодных людей пистолетами; покупать ли каждый сладкий кусок, который я кладу в свой рот или рот моих детей, всем тем страданием человечества, которое неизбежно для приобретения этих кусков; или знать, что какой ни есть кусок — мой

кусок только тогда, когда он никому не нужен и никто из-за него не страдает. Стоит только понять раз, что это так, что всякая радость моя, всякая минута спокойствия при нашем устройстве жизни покупается лишениями и страданиями тысячи, удерживаемых насилием; стоит раз понять это, чтобы понять, что свойственно всей природе человека, то есть не одной животной, но и разумной и животной природе человека; стоит только понять закон

Христа во всем его значении, со всеми последствиями его для того, чтобы понять, что не учение Христа несвойственно человеческой природе, но все оно только в том и состоит, чтобы откинуть несвойственное человеческой природе мечтательное учение людей о противлении злу, делающее их жизнь несчастною.

“Жизнь людей, в душу которых вложена жалость и любовь друг к другу, проходит в устройстве костров, пыток, виселиц, в устройстве побоищ десятками тысяч на войне”

Учение Христа о непротивлении злу — мечта! А то, что жизнь людей, в душу которых вложена жалость и любовь друг к другу, проходила и теперь проходит для одних в устройстве костров, кнутов, колесований, плетей, рванья ноздрей, пыток, кандалов, катогр, виселиц, расстреливаний, одиночных заключений, острогов для женщин и детей, в устройстве побоищ десятками тысяч на войне, в устройстве периодических

революций и пугачевщин, а жизнь других — в том, чтобы исполнять все эти ужасы, а третьих — в том, чтобы избегать этих страданий и отплачивать за них, — такая жизнь не мечта.

Стоит понять учение Христа, чтобы понять, что мир, не тот, который дан Богом для радости человека, а тот мир, ко-

торый учрежден людьми для погибели их, есть мечта, и мечта самая дикая, ужасная, бред сумасшедшего, от которого стоит только раз проснуться, чтобы уже никогда не возвращаться к этому страшному сновидению.

Бог сошел на землю; Сын Бога — одно лицо Святой Троицы, — вочеловечился, искупил грех Адама; Бог этот, нас приучили так думать, должен был сказать что-нибудь таинственно-мистическое, такое, что трудно понять, что можно понять только помощью веры и благодати, и вдруг слова Бога так просты, так ясны, так разумны. Бог говорит просто: не делайте друг другу зла — не будет зла. Неужели так просто откровение Бога? Неужели только это сказал Бог? Нам кажется, что мы это все знаем. Это так просто.

Илья-пророк, убегая от людей, укрылся в пещере, и ему было откровение, что Бог явится ему у входа пещеры. Сделалась буря — ломались деревья. Илья подумал, что это Бог, и посмотрел, но Бога не было. Потом началась гроза; гром и

молния были страшные. Илья вышел посмотреть — нет ли Бога, но Бога не было. Потом сделалось землетрясение: огонь шел из земли, трескались скалы, валились горы. Илья посмотрел, но Бога не было. Потом стало тихо, и легкий ветерок пахнул с освеженных полей. Илья посмотрел — и Бог был тут. Таковы эти простые слова Бога: не противься злу.

Они очень просты, но в них выражен закон Бога и человека, единственный и вечный. Закон этот до такой степени вечен, что если и есть в исторической жизни движение вперед к устраниению зла, то только благодаря тем людям, которые так поняли учение Христа и которые переносили зло, а не сопротивлялись ему насилием. Движение к добру человечества совершается не мучителями, а мучениками. Как огонь не тушит огня, так зло не может потушить зла. Только добро, встречая зло и не заражаясь им, побеждает зло. То, что это так, есть в мире души человека такой же непреложный закон, как закон Галилея, но более непре-

ложный, более ясный и полный. Люди могут отступать от него, скрывая его от других, но все-таки движение человечества к благу может совершаться только на этом пути. Всякий ход вперед сделан только во имя непротивления злу. И ученик Христа может увереннее, чем Галилей, ввиду всех возможных соблазнов и угроз, утверждать: «И все-таки не насилием, а добром только вы

уничтожите зло». И если медленно это движение, то только благодаря тому, что ясность, простота, разумность, неизбежность и обязательность учения Христа скрыты от большинства людей самым хитрым и опасным образом, скрыты под чужим учением, должно называемым его учением.

1884

Отрывки из I, II и IV глав книги. Впервые на русском языке она была выпущена в Женеве, без указания года; там же в 1888, 1892 гг.

В России была запрещена цензурой и до 1906 г. распространялась нелегально. Книга вызвала целый поток критических отзывов, но нашла сочувствие у некоторых людей, прежде всего у В. Г. Черткова и П. И. Бирюкова, которые самостоятельно пришли к тем же выводам о несовместимости военной службы и христианства. Они и стали ближайшими единомышленниками и друзьями Л. Н., распространителями его сочинений. За рубежом, опять же, большинство отзывов было критических; свое сочувствие выражали, в основном, те, кто и раньше придерживался подобных же взглядов: квакеры, меннониты, А. Баллу и др. Дальнейшим развитием учения о ненасилии и ответом на критику стал трактат «Царство Божие внутри вас...» (1890-93), фрагменты из которого мы планируем поместить в следующих выпусках нашего Альманаха.

Иван Зверев

В Новый Год

Как дети, мы вечно себя утешаем

Надеждой на счастье средь горьких невзгод,

Взаимно друг другу блаженства желаем

И с тем поздравленья мы шлем в Новый Год.

Мы верим наивно в грядущее время,

Что рай нам готовит оно впереди;

Что скоро-нескоро тяжелое бремя

Спадет с наболевшей, усталой груди.

Пронасятся годы, сменяясь годами,

Мы видим, что тщетно надеждой живем;

Что в собственном горе виновны мы сами,

Что цепи несчастья мы сами куем;

Что только под маской мы в жизни желаем

Всем равенства, братства, свободы, любви;

На деле ж, как звери, себя истребляем

И тонем мы в братской невинной крови...

К чему же вся ложность таких пожеланий?

Ведь время не может нам счастья послать;

Нам нужно всеобщих душевных слияний;

Нам нужно блаженство самим создавать,

И строгим рассудком понять, что былое

Опять возродится от зла впереди;

Что благо все наше, что счастье святое,

Что рай заповедный есть в нашей груди.

Так сбросим же маски, душой возродимся,

Зажжем в ней свет правды с любовью святой,

На творческий подвиг добра устремимся

И рай создадим мы всем в жизни земной.

«Открытое слово». Харьков. Январь-Февраль 1919.

И. И. Горбунов-Посадов

Нам жизнь дана...

Нам жизнь дана, чтобы любить,
Любить без меры, без предела,
И всем страдальцам посвятить
Свой разум, кровь свою и тело.

Нам жизнь дана, чтоб защищать
Униженных и оскорбленных,
И согревать и насыщать
Нуждой и скорбью угнетенных.

Нам жизнь дана, чтоб до конца
Бороться с тьмою злой и дикой
И сеять в братские сердца
Один лишь правды свет великий.

А правда в том, чтобы любить,
Любить без меры, без предела,
И всем страдальцам посвятить
Свой разум, кровь свою и тело.

1890

И. И. Горбунов-Посадов. Песни Братства и Свободы.
Том I. 1882-1913 гг., М., Издание автора, 1928.

А. И. Аполлов

Борьба света с тьмою

(Ормузд и Ариман)

Персидское сказание.

Видел всеведущий Ормузд*, что люди не так живут на земле, как должно. Одни владеют богатствами и живут в роскоши, а другие — в нищете и убожестве. И счастливого нет между людьми. Богатых терзает забота и совесть, а бедных — забота и зависть.

Стало жалко Ормузду людей, и задумал он сойти с неба и научить их истинной жизни, показать им пример доброго жития.

Не пришел Ормузд на землю человеком богатым или знатным, потому что хотел он учить мудрости не одних слав-

ных мира сего, но и всех людей. Не явился он ни царем, ни мудрецом, ибо тогда люди сказали бы о нем: «Не трудно ему, богатому, или царю, или мудрецу, исполнять волю Божию, а нам, бедным и нищим, он не в пример: нищему невозможно подражать богатому». Хотел Ормузд показать, что можно жить благочестиво всякому человеку, и потому явился на землю в образе бедного нищего.

Ариман же, злой бог, был завистник и враг Ормузда, а также и всего рода человеческого.

Больше всего на свете боялся Ариман того, чтобы люди не стали жить во взаимной любви и братском согласии. Потому и

* Персы признают двух богов, добро — Ормузда и злого — Аримана.

он, как Ормузд, решил явиться на землю, чтобы помешать Ормузду. Ормузд пришел на землю простым нищим, а Ариман принял образ великого царя и воцарился над всеми народами.

Жизнь Ормузда во плоти была такова:

Он ходил по селениям и городам, всюду уча людей. Своего ничего не имел, но все, что ему давали, — отдавал другим. Он учил, что все люди — братья и должны по-братьски жить.

«Любите всех, — проповедовал он, — не различая своих от чужих; трудитесь не для себя, но для других; заботьтесь не о себе, но о других. Вы все нужны друг для друга; вы все вместе — одно тело. Если рука болит у человека, страдает с нею и все тело; так должно быть и в людях: если один человек находится в беде, все должны утешать его и помогать ему. Как в чаще вина нельзя разделить одной капли от другой, так надо, чтобы и люди жили в неразрывной любви и согласии. Если будете искать своего счаствия, то не найдете его; а найдете только тогда, ко-

гда будете заботиться о счаствии друг друга».

Бедных,увечных, плачущих, бездомных и голодных Ормузд утешал и служил им. Богатых же и сильных увещевал переменить жизнь свою, жалеть бедных и обличал беззакония их.

Люди разно принимали его учение. Одни совсем отвергали его, говоря, что при таком учении все обнищают и никто не будет иметь достатка. Другие же говорили, что невозможно не заботиться о себе: надо и других не оставлять, и себя не забывать.

Богатым не нравилась его проповедь потому, что им жалко было отдавать свои богатства; бедные же говорили, что если они станут заботиться о других, тогда прямо обнищают и перернут с голода.

Только немногие из людей приняли учение Ормузда и стали жить по нем.

Ариман царствовал на земле. Услышав о проповеди Ормузда, он велел привести его к себе.

— Видишь, — сказал Ариман: — твое учение не годится

А. И. Апостолов — Борьба света с тьмою

людям. Признай, что зло сильнее добра. Преклонись перед злом, проповедуй мое учение, и тогда все люди пойдут за тобою.

Ничего не ответил ему Ормузд. Не мог он согласиться возвещать людям погибельное учение.

И отдал Ариман Ормузда слугам своим, а те отвели его в темницу, где и умертвили его.

Видимо умерщвленный, вознесся невидимо светлый бог Ормузд на небо с великою печалью о неразумии человеческом. Он не хотел насильно вести людей к добру, но хотел, чтобы они на опыте изведали, хорошо ли жить в мире под началом Аримана. «Когда мир переполнится беззаконием и неправдою, — думал он, — тогда они сами обратятся к отринутому ими учению».

Тогда замыслил Ариман лукавое обольщение на весь мир. Прежде всего велел он всем жрецам, учителям и начальникам внушать народу в капищах, школах, на улицах и на торжищах, что нужно своих любить больше, чем чужих, о своих заботиться, а об иноплеменных

нет. «Я желаю вам добра, — говорил хитрый Ариман: — пусть каждый народ живет сам по себе, и пусть каждый человек прежде всего любит своих». Родителям же наказал воспитывать в таком наставлении и детей своих.

Всем понравилось повеление Аримана.

Только Ормуздовы ученики не приняли новой заповеди; но их никто не хотел слушать. О них говорили, что они не имеют любви к своему народу. Обвиняли и в непослушании к повелению царскому.

Тогда одном народу стало видно богатство других царств.

«Зачем сеять, зачем жать и трудиться, когда все можно добывать и без труда — войной и насилием!»

И все народы стали заводить войска для нападения и защищаться.

Так воцарилась вражда между народами. Царство восстало на царство и язык на язык. И много людей погибло от кровопролития, и много разбежалось по лесам и пустыням. Опустели места заселенные, и

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ Л. Н. ТОЛСТОГО. ПРОШЛОЕ

не стало слышно веселия в городах и селениях.

Аrimан же возрадовался в сердце своем, что человеконенавистное учение его приносит плод обильный, и сказал:

— Времена стали трудные, а я желаю вам добра. Даю вам еще заповедь: *Любите друзей больше, чем чужих; о близких заботьтесь, а о чужих нет.*

«Правильно слово его, — думали люди: — времена тяжелые, где же заботиться тут о чужих?»

Всякая семья стала жить сама по себе. Каждый отец только о своей семье заботился — лишь бы его дети были сыты, а того не хотел знать, что и у других есть дети, которым тоже жить надо.

Началось разделение. Умножились разбои и грабительства. В темницах стало тесно от множества заключенных. Но правосудия не было, потому что судьи заботились не о правде, а о своей выгоде. Проливалась кровь человеческая и обагряла землю. И вопиала земля на небо к светлому Ормузду, но не пришло еще время Ормуздово.

Тяжело было жить на свете, но душевые очи людей еще не прозрели. Все еще не обращались они к учению Ормуздову.

Только верные ученики Ормузда сохраняли заповеди его. Но их все осуждали, презирали их учение и хулили самое имя Ормуздово.

Тогда выпустил Arиман-обольститель третью заповедь: *Каждый люби себя больше всего на свете.*

И не поняли люди, как было пагубно повеление это, но прославляли Arимана, говоря:

— Нет лучше, как его учение. И на самом деле давно бы следовало так жить. Своя рубашка ближе к телу. Пусть Бог за всех заботится, а мы не боги, чтобы о всех болеть. Для каждого довольно своей заботы. Если всякий будет любить себя одного, всем будет хорошо, потому что всякий о себе лучше промышлять может, чем кто другой о нем.

Так и жить стали.

Вышло же то, что всем тесно стало на земле. Сильные и богатые угнетали слабых и бедных, и обиженные нищие не имели заступника. Отцы поки-

А. И. Апостолов — Борьба света с тьмою

дали детей, дети восставали против родителей. Матери еще до рождения тайно убивали детей своих, потому что стали тяготиться деторождением. Не стало совсем любви на земле, удалилась с земли правда. Всякий дрожал за свою жизнь. Умирали от голода и холода и от убийства. Только сильному было раздолье, но и сильные грозили истребить друг друга.

Но и тогда не отчаялись совсем ученики Ормузда. Все еще верили они, что добро победит зло в жизни людской. Видели они, что совесть в сердцах не у всех была заглушена и жестоко казнила за беззакония.

Чтобы окончательно победить все доброе в человеке, Ариман возвестил всему миру так:

— Вы исполнили все три мои заповеди. Я рад, что вы так послушны мне, и в награду за ваше ко мне послушание я открою вам всю истину жизни. Узнайте же теперь, что **жизнь дана для наслаждения и радости**. Ешьте, пейте, веселитесь, все должно служить для наслаждения вашего.

Тогда пошли по свету пьяни-

ство и всякое распутство. В вине хотели люди погасить угрызения совести и развратом заглушали голос правды Божией.

От пьянства, от разврата, от неумеренности, похотливости и не воздержания стал недолговечен род человеческий. Появилась чума, язвы и всякие болезни на людей, а кровопролития и насилия еще более увеличились.

И когда кровь залила землю, а страдания людей дошли до пределов своих, преисполнился жалостью к людям человеколюбивый Ормезд и восстал великою бранью на Аримана.

Было видно тогда чудесное видение на небе. С востока восстал некий всадник на белом коне. Лицо его было как солнце, и в руке своей он держал стрелы, подобные лучам солнечным. И вот он возгласил:

— Я тот, который учил вас любви и которого вы убили, отвергнув мое учение.

И все люди вострепетали великим страхом и ждали себе смертной казни за непослушание воле светлого Ормузда.

И вот упали все на колена и, проклиная беспутную жизнь свою, просили у Ормузда помилования, чтобы он, наказав по своему правосудию, не отвергнул их до конца по милосердию своему.

Но не в громе и молнии и не в завывании бури, а в тихом веянии ветра изрек Ормузд людям:

— Дети мои!.. — кротко сказал он.

И каждый из людей почувствовал в сердце своем, что и вправду он сын светлого бога душою своею. Исчез страх, и осталась одна сыновняя любовь к вечному отцу всех людей. И зарыдали люди от раскаяния и радости.

— ...Дети мои, — говорил Ормузд, — не для наказания вашего пришел я, но для помилования.

Мне жалко стало вас, и я изгнал вашего ненавистника.

— Накажи нас, — возопияли люди, — что служили мы этому демону!

— Перемените жизнь свою, — отвечал Ормузд. — А наказывать вы сами себя наказали по мере беззаконий ваших, са-

ми себя измучили вы злобою и ненавистью.

— Но мы хулили имя твое, — говорили люди, — и были врагами твоими; накажи нас, чтобы не тяготило это душу нашу, чтобы не совестно нам было перед очами твоими.

— Неразумные! — сказал тогда Ормузд: — ужели вы думаете, что я накажу вас за хулу моего имени, когда сам же учил вас не мстить за обиды, но прощать всякое оскорбление и злословие? Живите в любви и мире, а прошедшее — все прощено, все забыто.

И вдохнул Ормузд дух свой в учеников своих, и ходили они всюду, возвещая учение Ормуздово и провозглашая начало нового века.

Они учили, как учитель их Ормузд, что все люди — братья и должны по-братски жить.

«Любите всех, — проповедовали они, — не различая своих от чужих; трудитесь не для себя, но для других; заботьтесь не о себе, но о других. Вы все нужны друг для друга; вы все вместе — одно тело. Если рука болит у человека, стра-

А. И. Апостолов — Борьба света с тьмою

дает с нею и все тело; так должно быть и в людях: если один человек находится в беде, все должны утешать его и помогать ему. Как в чаше вина нельзя разделить одной капли от другой, так надо, чтобы и люди жили в неразрывной любви и согласии. Если будете искать своего счаствия, то не найдете его; а найдете только тогда, когда будете заботиться о счаствии друг друга».

С радостью слушали их люди и, изгоняя зло из сердец своих, принимали все, что они проповедовали. А когда не стало зла в сердцах людских, не стало и самого Аrimана, ибо он и жив был злобою людскою. И остался один светлый Ормузд, вечный и радостный.

Так окончилось царство

Аrimана, и наступил золотой век Ормузда, которому не будет конца.

Воцарилась правда на земле, и любовь господствовала надо всеми. Прекратились войны, мечи перековались на орала и копья на серпы, исчезла вражда. Судьи сидели без дела: некому было судиться у них.

Люди доживали до преклонной старости, и когда приходила смерть, они встречали ее с душою, чистою как у новорожденного младенца, а после смерти соединялись духом во единое с Ормуздом, источником жизни, от которого и получили жизнь свою.

Не было слышно плача по всей земле, но были радость и ликовование от края земли до края.

А.Аполлов. «Борьба света с тьмою», № 641, М., «Посредник», 1911.

Текст был отредактирован Л. Н. Толстым. «Ормузд и Аrimан есть фантазия автора по моему, прелестная, и ее надо постараться напечатать. То, что это вымышлено, ничего не значит, и под заглавием Персидское сказание может быть напечатано» (письмо Л. Н. к В. Г. Черткову от 20 апр. 1889 г.) Впервые напечатано в Англии: Периодический сборник «Свободного Слова», под ред. П. И. Бирюкова, № 1, 1898; в России: «Посредник», 1908.

Александр Иванович Аполлов (1864-1893) — ставропольский священник, под влиянием сочинений Л. Н. Толстого отказавшийся от сана.

Наш долг перед Толстым

Статья крестьянина М. Новикова

Михаил Петрович Новиков — крестьянин Тульской губернии, которому Лев Николаевич за несколько дней до ухода из Ясной Поляны обращался в письме с просьбой дать приют в его избе. Новиков не успел ответить на просьбу Толстого во-время, и тогда Л. Н., твердо решив уйти из дома, избрал другое направление.

Лев Николаевич не только любил М. П. Новикова как друга и единомышленника, но и высоко ценил его литературные способности, выразившиеся в нескольких талантливых статьях о народной жизни всегда в связи с горячо переживаемыми автором событиями данного времени.

Вполне соглашаясь с автором, что в первые моменты настоящей великой революции имя Толстого как бы стояло в тени и казалось забытым среди горячей агитации, ведущейся интеллигентными двигателями революции, мы, однако можем указать и на то, что в народной массе все сильнее и сильнее просыпается тяготение к идеалам Толстого, и за последнее время с каждым днем возрастает огромный спрос на его произведения, который до сих пор положительно неутолим. Также и среди интеллигенции с большим удовлетворением замечаем мы все возрастающий спрос на Толстого и интерес к тому: „что сказал бы Толстой теперь, если бы жил среди нас?“

В. Чертков.

М. П. Новиков (1870-1937) после революции перенес еще немало гонений. Мы планируем опубликовать у себя ряд его сочинений. В 2004 году вышел сборник воспоминаний и открытых писем М. П. Новикова «Из пережитого»; сейчас он доступен в интернете.

В переживаемые дни общей радости и пробуждения политического самосознания русского народа, когда с такими восторгом и триумфом встречались и провожались политические деятели из мест ссылок и заключений, а равно и заграничные эмигранты, как-то странно, что забыто совсем имя великого писателя земли русской Л. Н. Толстого, уста которого до самой смерти не могли молчать и всегда говорили только одну правду, не считаясь ни с какими запретами и цензурными стеснениями в то время, как другие литературные корифеи принуждены были скрывать свои мысли или заваливать их в длинных статьях и трактатах, не доступных пониманию простым смертным. А между тем с самых 80-х годов прошлого столетия и по день своей смерти, 7 ноября 1910 г. Лев Николаевич был самым мощным колоколом, будившим чистым голосом своей религиозной правды совесть людей всего мира, к которому чутко прислушивались во всех странах и не в одной только Европе. И,

если правда, что для простого русского народа имя его было искусственно скрыто цензурными запрещениями и даже облито помоями церковного отлучения и всяческими нелепицами и баснями, на которые были только способны церковные и государственные верхи с Победоносцевыми и Сипягинными во главе, то ведь для интеллигентного общества он не был скрыт никакими каверзами старого режима, и оно, русское общество, не могло не знать и не любить его. На нем воспиталось не одно молодое поколение! Как ни старались запрещать и гнать его писания слуги старого света, которым всегда выгоден мрак и духовная спячка подвластного народа, им все же никогда не удавалось вполне закрыть своей темнотой света его мыслей, и они, как золото из грязи, все же светили всем нуждающимся в свете и искашившим его. Как Сократ для афинян, так и Толстой для русского общества был тем же самым оводом, жалившим его совесть и пробуждающим самые нежные и чуткие струны души при разрешены нрав-

ственных и религиозных вопросов личной и общественной жизни. Разве не он возвел нашу совесть на такую нравственную высоту, на которой она уже не мирилась ни с какими телесными наказаниями и смертной казнью. И теперь, как только произошел этот внешний переворот, так наша общественная совесть властно потребовала отмены ее, этих пережитков варварского возмездия. Ведь революции были и в Англии и во Франции, в Турции и в Китае, но там не было Толстого, и смертная казнь после переворотов не только не прекращалась, но даже усиливалась. Разве не он громко и властно осуждал все насилия и жестокости правительства по отношению к политическим и религиозным преступникам. Разве не он писал Александру III, прося отмены приговора смертной казни для Желябова, Перовской и других? Разве не он безбоязненно просил министров и царя судить и наказывать его, Льва Толстого, как главного виновника „преступлений“ его единомышленников, ссылаемых и сажаемых в

тюрьмы? Разве не он властно и громко обличал старое фарисейство церковно-обрядовой веры, которая тысячу лет удерживает в тисках человеческие души в их стремлении от земли к небу, от неподвижной лицемерной праведности к живому Богу любви и милосердия? Разве не он звал нас искать царство Божие не где-то и когда-то, не на том свете, а здесь, сейчас, внутри нас, в очищенной и возвышенной любви и братской жизни? Разве не он, наконец, написал „Воскресение“, в котором осудил страшный грех землевладения и которым заставил спесивое дворянское барство пересмотреть свою культуртрегерскую деятельность по отношению к рабочему народу и признать его равноправие на все блага жизни и самую жизнь?..

И вот повторяю, как-то, странно, что в такое время, когда люди получили возможность говорить и писать безбоязненно, никому из этой передовой интеллигенции не придет мысль вспомнить это величкое имя с благодарностью и

благоговением... То, что Толстой был самым сильным и опасным противником старому режиму и его слугам, это знает всякий образованный человек. И, насколько мне известно, никакая революционная литература не преследовалась и не запрещалась так сурово и беспощадно, как его писания религиозного содержания. И чем яснее и ярче выступала в них правда христианского жизне-понимания, тем они были ненавистнее для охранителей старого порядка.

А между тем кто же не знает того положения, что Толстой не призывал к борьбе с правительством, не призывал ни свергать его, ни устанавливать другой строй с той или иной конституцией, а звал лишь всех жить по божьи, звал разобраться в исповедуемом нами евангельском учении и в нем найти непосредственные ответы на запросы человеческой души — в служении Богу и ближнему — помимо всяких догматических измышлений казенной веры с ее внешне-обрядовыми надстройками культа?! И за такую-то добрую и возвышен-

ную проповедь он все же считался слугами старого режима тяжким преступником, более тяжким, чем самые крайние революционные деятели. И, однако, все это очень понятно и ясно.

Старому правительству не были страшны революционные пропагандисты, активно боровшиеся с ним и призывавшие к его свержению, так как оно, чувствуя свою внешнюю силу, знало, что с ними делать: виселицы, ссылки и заточения не смущали совесть правителей, и они ни мало не скучились на них по отношению к революционерам: „они нас, а мы их“, „око за око, зуб за зуб“ — философия понятная.

Совсем другое дело, когда перед судилищами их являлись „преступники“ с Евангелием в руках и в сердце, ни за что не хотевшие быть его слугами и преступниками закона Божьего. Их тоже ссылали, заточали, держали по 20 лет в Сузdalской крепости, как старообрядческих архиереев, держали в сумасшедших домах десятками лет (Малеванного), рассылали по горным ущельям Закавказья

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ Л. Н. ТОЛСТОГО. ПРОШЛОЕ

(духоборов) и т. д. Но действуя так, они, правители, не могли заражаться пылом борьбы, и поневоле на их совести оставался горький осадок стыда. Учитель Дрожжин, крестьяне-солдаты Ольховик, Суворов, Сиксне и сотни других заключенных по тюремам и дисциплинарным батальонам, страдавших и умиравших за исповедание своей веры, не забывались правительством так скоро, как забывались казненные ими революционеры.

„Лежачего не бьют", говорят русская поговорка, а они били этих лежачих, но и сами чувствовали бессилие и бесстыдство этого боя.

В 1893—97 гг., будучи на военной службе и зная по службе об огромной много-миллионной смете на предстоящие тогда коронационные расходы в 1896 г., я, как расчетливый крестьянин, возмущался этими расходами, осуждал их в письмах к родным и знакомым и за это попал в переделку военных и жандармских властей, кончившуюся сперва разжалованием и вы-

сылкой в Варшаву по приказу Ванновского, а после коронации — в Тургайскую область, где, как говорили мне в Казани, „нет никакой политики". Но не в этом дело, — мне хочется лишь сказать коротко о том, как в мое это незначительное „дело" был впутан Л. Н. Толстой и как на всех официальных и неофициальных допросах у разного начальства Москвы, Варшавы, Нижнего, Оренбурга, Казани и других маленьких этапов на этом дальнем пути выходило как-то так, что я был только подставное лицо, а во всем судился и обвинялся в моем лице Л. Н. Толстой. Точно сговорясь, начальство в этих городах злорадно издевалось над ним и в один голос говорило, что „вашего сумасшедшего Толстого следовало бы выпороть розгами и посадить на цепь, чтобы он не расложил безбожников и сумасшедших!" Разница была лишь в определении ударов, которым, по их мнению, следовало бы подвергнуть Толстого и нас, последователей его учения. В Москве, например, ему сулили „всыпать горячих“

50 ударов, а мне 25, в Варшаве повысили до 100 ему, и 50 мне. А в Тургайской области пьяный комендант маленьского укрепления, где по приказу Банновского я должен был кончать рядовым свою службу, сотни раз твердил перед ротой солдат, что сумасшедшему Толстому надо бы всыпать 200 горячих, а мне и другим его почитателям по 100. Тогда бы, по его мнению, перевелись в России все бунтовщики и социалисты, и наступил бы порядок. Но кроме таких однородных суждений о Толстом, как о сумасшедшем, было и умное начальство, которое во время разных допросов снисходило чуть ли не до дружеских бесед со мной и высказывало о нем свои сокровенные мысли.

— Н-да, ваш Толстой мудрец, философ, и пускай бы как хотел мудрствовал, а зачем он нас-то своей особою мучит? — спрашивал меня генерал граф Б. при первом допросе в Москве. — Мы святых людей и сами любим, а только нам и святые повиноваться должны, а он неповиновение проповедует.

На мое возражение, что Толстой не только никого не мучит, но и других призывает не участвовать ни в каком мучительстве и насилии, граф вспыхнул.

— Как не мучит! Сулержицкий не мучит? Дрожжин не мучит? Духоборы, штундисты не мучат? Вот этот солдат Новиков не мучит? — ткнул он меня пальцем, заикаясь от раздражения. — Что нам прикажете делать со всякой такой дрянью? Повесить — не знаю за что, в тюрьмах держать — Толстой рычит на весь свет да и сами вы того не стоите, а гулять вас нельзя отпустить. Тот, видите ли, присяги не признает, тот от винтовки отказывается —sarcastically улыбаясь и делая реверансы в мою сторону, перечислял генерал, — тот стрелять отказывается, а вот сей солдатишко недоволен коронацией! У него не спросили расходы делать, по его царюто должен был пешком в Москву идти! Скоты! — выругался он. Попал бы ты в Туркестанский округ, тебя бы там на заборе повесили, а тут с вами головы ломают, Толстого те-

шат... мерзавцы!

— Толстой ваш — большая умница, — говорил мне другой генерал в Варшаве, фамилии которого не помню, — а только нехорошо, что он нас, людей, отводит и в какое-то другое царство ведет. Может быть, его царство и лучше, а только люди-то нам для нашего царства нужны, и мы никак их отдать ему не можем.

— Толстой верующий человек, это бесспорно, — говорил мне протоиерей, академик Ковальницкий, к которому в Варшаве начальство посыпало меня для увещания, — а только он другими дорогами к Богу идет. Шел бы с нами вместе — мы бы его обер-прокурором синода поставили. А так он что? Только рычит и бунтует, не может же в самом деле церковь его тропинкой пойти? Нам нужны большие дороги, торные, как миллионы вести, а на его тропинке и гуськом запутаешься. Бесспорно — ближе, только не всем доступно. Он кумиры отвергает, а без них как же веру утвердить? Народ — Фома неверный, не увидит, не пощупает, — и верить не

будет. А что будет с ним, если он веры лишится? Зверь он!...

— Гм... „насильники“! Они нас, братцы, насильниками почитают, — философствовал пьяный комендант крепости перед ротой солдат, тыча кулаком мне под нос. — Мерзавцы вот эти! Ну, сколько их всех-то на Руси? — спрашивал он солдат, вытянувшихся в струнку. — Ну, сколько? Ну, наберется тысяча десять, а нас-то, нас-то во сколько, — развел он руками в сторону, — ведь если бы мы захотели, мы бы вас в порошок истерли! — показывал он на ладонь солдатам, сжимая кулаки. — А мы их терпим, всякую сволочь терпим, а они нас: „насильники!“ Толстой-то ихний! Дурак он, братцы, скотина! „Так-точно!“ — гремела рота в ответ, и дурак и скотина, все вместе!

Отказываясь на допросе формально признать себя православным и раздражая этим жандармского подполковника, между прочими, недоумевая, зачем им так нужно определить мою веру, я вызвал его на такую запальчивую тираду: „А черт вас знает, вы с Толстым,

пожалуй, такое придумаете, что и начальства не нужно, а уж этого совсем не допустим, потому что без начальства люди никогда не жили и жить не умеют. Про Бога думай, как знаешь, а начальства не трожь, иначе в Туруханске и для тебя место найдется!"

А в 1902 г., попавши в распоряжение департамента полиции, при покойном Плеве, за докладную записку в комитет по выяснению нужд сельскохозяйственной промышленности (учрежденный тогда министр Витте) и будучи снова тягаем по разным допросам, я опять подвергался не столько допросам по существу дела, сколько частным расспросам о Л. Н-че. Опять выходило, что больше виноват он, Толстой, заставляя страдать по тюрьмами „неопытных и доверчивых" людей.

— Христос сам шел на крест, а ваш Толстой дураков посылает, — говорил мне наставительно старейший генерал в департаменте полиции, сильно похожий на убитого Сипягина, — ты хоть святым будь, а в министры не попа-

дешь, а Толстой завтра им будет, если захочет, какой же он вам брат? Как ты с ним не якшайся, а все он тебе не ровня. Его Победоносцев не мог в тюрьму посадить, а ты не успел слова сказать, и у нас очутился. Пойдешь в Сибирь — Толстой тебя не защитит, понапрасну ты к нему льнешь.

На мое возражение, при чем тут Толстой, раз о нем в докладной записке не упоминается, старичок этот с видом знакомого покровительственно сказал:

— Да уж ты нам не рассказывай басни: кабы не был с ним знаком и в тюрьме бы не был, а то уж по второму разу у нас, теперь подальше Тургайской области угодишь.

В это время допрашивавший меня жандармский подполковник, найдя в отобранных у меня при обыске письмах опасное место, поставил мне такой вопрос:

— Вот здесь доктор Архангельский сомневается, чтобы вас удовлетворила трудовая крестьянская жизнь, он уверен, что вы вскоре также пойдете по общей дороге служения

своему ближнему. Что это за служение: делать революции, бить начальство?

— Ну, уж вы это оставьте, — сказал прохаживавшийся по комнате чиновник с академическим значком, называя жандарма по имени и отчеству, — Толстой на революцию не зовет и террористов не хвалит, *они*, — кивнул в мою сторону, — вообще этим не занимаются.

— Хуже того, — понижая голос, — быстро сказал генерал, — они нас не признают: их учитель особое царство проповедует; мы, дескать, не от мира сего и нам никакое начальство не нужно. Что прикажете делать — со службы уходит?

— Это другое дело, ваше превосходительство, — уклончиво сказал чиновник, — я по вопросу говорю. Здесь ясно подразумевается нравственное служение ближнему, а не борьба политическая.

— И мы это поощряем, — засмеялся генерал, — а только зачем он Александра II душегубом обзывают, — кивнул он на меня, — он здесь пишет, — указали он на мою записку, —

что их правительство выкупными платежами как мертвый петлей удавило, и будто все это намеренно, чтобы они до-сыта хлеба не ели...

— Об этом не спорю, это уже уголовное преступление, наказуемое известной статьей, — поправился чиновник, — но и в этом, по-моему, выражена чисто крестьянская идеология, а никак не толстовская...

— Неправда, неправда, — перебил его полковник, — Толстой на каждом шагу об этом кричит, у него от урядника до царя все сговорились народ обманывать, это его мысли, только в более резком, крестьянском выражении.

— Я с вами совершенно согласен, — покровительственно заявил старик генерал, обращаясь к полковнику, — это толстовская история. Это он присыпает нам таких мужиков из комитетов. Без него они сидели бы по своим конурам со своими мыслями.

И не стесняясь моего присутствия, начальство пустилось в отвлеченный спор о значении толстовской философии для их государственного строя, за-

М. П. Новиков — Наш долг перед Толстым

помнить который дословно я, разумеется, не имею никакой возможности, но общий смысл которого, однако, сводился к тому, что „толстовщина“ для них гораздо неприятнее социализма, так как она не борется с ними, как социалисты, а просто не признает, игнорирует их, почему ее и нельзя одолеть, как революционеров.

Так говорили и думали о Толстом на верхах власти. А здесь, в низах, в гуще народной жизни, и урядники, и становые, и миссионеры, жандармы и земские начальники, которые в продолжение многих лет настойчиво убеждали меня разными угрозами вернуться в мою старую казенную веру, эти, точно сговорясь, не находили достаточно бранных и позорных слов, которыми они в моем присутствии старались грязнить передо мной его великое имя.

Имена Плеханова, Кропоткина, Лаврова, Каутского и т. п. их не пугали, потому что не мешали их материальному благополучию. Толстой же стоял

перед ними во весь свой рост, и своим обличием их самих, их праздной жизни, своим призывом в праведной жизни всего человечества он вытаскивал из их фундамента камень за камнем, которые им нечем было заменить. И чувствуя свое перед ним бессилие, они только шипели и анафематствовали по его адресу. И теперь, когда пал этот старый, приказный строй, мы не будем сметь называться свободными гражданами, если теперь же не отадим должное его имени. Мы должны знать, что в строительстве новой свободной жизни Толстой нам будет нужен в первую голову, на нем мы будем созидать наши лучшие моральные устои жизни, и потому мы обязаны по долгу свободных граждан воскресить перед собою это дорогое нам и великое имя с благодарностью и благоговением, — счастливые сознанием, что мы были современниками его.

Крестьянин **М. Новиков.**

Тульской губ.,
с. Боровково.

«Единение», № 2, Июль-Август 1917.

Алексей Сергеенко

ОГРАБЛЕНИЕ

(Действительное происшествие)

Как-то раз в апреле 1918 года, в первом часу ночи, мне пришлось возвращаться домой. На душе у меня было хорошо, бодро, и я, идя через неосвещенную, пустынную Москву и почти никого не встречая на улице, не чувствовал, однако, себя одиноким среди уснувшего города.

Войдя в глухой переулок, где находилась моя квартира, я подошел к воротам, которые обыкновенно в это время были заперты. Но сейчас, к удивлению своему, я нашел их открытыми. Решив, что это, должно быть, произошло по какой-нибудь случайной причине, я накинул на калитку громко стукнувшую щеколду и направился к находившемуся в глубине двора домику. Не успел, однако, я подойти к крыльцу и поднять руку к звонку, как открылась дверь и

из темноты вышла темная фигура, не то женская не то мужская — разобрать в темноте нельзя было. Так как раньше нередко случалось, что Лиза, прислуга моей хозяйки, очень поздно засиживалась с своими подругами на лавочке, пользуясь теплыми вечерами, то при появлении фигуры я подумал, что это, вероятно, она. Может быть, она только что рассталась с подругами и входила в дом, но услыхавши стук запирающейся калитки, вернулась, чтобы открыть мне.

— Ах, Лиза, это вы? Вот хорошо, что еще не спали! — сказал я. — Не понадобилось вам вставать...

Но человек, вышедший ко мне, оказался не Лизой. Он заговорил со мной незнакомым мне мужским голосом:

— Какая там еще Лиза! Вы кто такой?

А. П. Сергеенко — Ограбление

— Я живу здесь, квартирант,
— ответил я.

— Ну так входите, входите!
— быстро и сдавленным голосом проговорил мужчина.

Я подумал, что это, вероятно, брат или жених Лизы, приехавший из деревни, и сказал:

— Я не узнаю вас! Вы кто такой?

Мужчина, старавшийся, по-видимому, говорить возможно тише, повторил поспешно:

— Входите, входите!

— Но кто вы такой?

— Входите, входите!

— Все-таки кто вы, и в чем дело? — заинтересованный его настойчивостью, но ничего еще не подозревая, спросил я.

Хотя было очень темно, я увидел, как мужчина вдруг быстро вынул руку из кармана, поднял ее кверху и поднес чуть-ли не вплотную к моему виску блеснувший стальным дулом револьвер.

— Входите! — повелительно повторил он. — Здесь обыск производится.

— Ах, вот что! — сказал я и, поняв, что дальше мне нечего больше пререкаться с мужчиной, вошел в дверь. Я стал

подниматься по небольшой лестнице, а незнакомый мужчина шел сзади меня, и я ожидал, что вот-вот он выстрелит мне в спину. Но, ожидая этого, я не испытывал решительно никакого испуга или страха. Относительно же дальнейшего, что могло меня ожидать, я с особенной остротой сознания в одно мгновение твердо решил, что ни в коем случае никакого насильственного сопротивления никому оказывать не стану.

Подойдя к двери, ведущей в кухню, я дернул ее, но она оказалась запертой, и я стал стучать. Мне не открывали. Я стал стучать громче. Дверь широко распахнулась. На пороге стоял молодой, встревоженный человек. В кухне было полное освещение и много народа.

Шедший за мной мужчина сказал молодому человеку: «это — квартирант!» и закрыл за мною дверь. Меня впустили во внутрь.

Ко мне сразу подошло несколько человек. У них были револьверы, длинные ручные гранаты, кинжалы. Все были очень молодые, почти все бри-

тые, некоторые одеты в ученические шинели, у одного была фуражка технического училища, и большинство из них, очевидно, принадлежало к интеллигенции. Лица у большинства мне показались хорошими и добрыми. «Странно, что все такие хорошие на вид. Казалось бы, у них должны были быть звероподобные лица», — подумал я.

В несколько голосов, торопливо они стали задавать мне вопросы:

— Вы кто такой? — Вы здесь живете? — Как вас зовут? — Откуда пришли?

Но еще не получив от меня ответа, так как в том душевном спокойствии, в котором я находился, мне не хотелось поддаваться их суете и торопиться отвечать, — они повели меня из кухни в большую переднюю, тоже ярко освещенную, очевидно ими же.

— Оружие есть?.. Есть оружие? — стали они меня спрашивать.

Человек шесть окружили меня и начали меня ощупывать.

— Говорите — оружие есть?

— Нет, оружия у меня нет. И вы подождите меня трогать, а послушайте, что я вам скажу, — заявил я. Как мне показалось, их удивило спокойствие и решительность, с которыми я произнес это. Они перестали ощупывать меня и подготовились меня слушать.

— Скажу я вам, друзья мои, вот что, — начал я с некоторой даже деланной, как сам почувствовал, размеренностью и спокойствием. И признаюсь у меня даже шевельнулась, несмотря на всю опасность момента, тщеславная мысль: «какая у меня выдержка!» — Я давно и твердо, — продолжал я, — держусь того убеждения, что ни один человек ни над кем не может и не должен делать насилия. И никогда я не имел и не имею никакого оружия. Считаю большим грехом иметь его и пользоваться им. Какая бы опасность мне ни грозила, если бы — скажем — вы захотели сейчас даже убить меня, и я мог бы оружием защититься от вас, я все-таки никогда не воспользовался бы оружием. Скажу вам откровенно что считаю, что и вы делаете, друз-

зья, большой грех, что имеете револьверы, гранаты, все это — средства для убийства людей. А убийство — величайшее преступление. Советовал бы и вам освободиться от всего этого...

Поднявшееся было во мне самолюбование, с первых же слов моей маленькой речи прошло, и я произнес ее решительно, с чувством настоящего доброжелательства к молодым людям и, как мне кажется, искренно.

— Ну, ладно, ладно! Не обыскивайте его! А деньги есть?

Тут я понял, что эти люди не обыск производили, а были грабители, каких в Москве в то время было очень много.

— Да, у меня немного есть денег. Я сейчас вам дам, — сказал я.

Несколько рук сразу же потянулось к моей куртке.

— Подождите! что вы сейчас же хватаетесь за меня? Я вам сам дам, — сказал я, и они отстранили руки. Не спеша, я вынул из бокового кармана ее большой сильно потрепанный бумажник и подал им.

В бумажнике лежала пачка царских кредиток трехрублевого и пятирублевого достоинства, всего рублей на семьдесят, но могло бы показаться и больше, так как пачка разбухла и на вид была толстой. Вместе с кредитками лежали и некоторые бумаги.

— Только, пожалуйста, не выроните бумаги, — сказал я.

— Да, да осторожнее! Может быть для товарища какие-нибудь нужные документы... Поаккуратнее! — сказал кто-то из молодых людей.

Как ни странно показалось мне, что грабившие меня люди назвали меня «товарищем», но я тогда же понял, что, очевидно, благодаря тому, что в первую минуту нашей встречи я отнесся к ним безбоязненно и доброжелательно, то и они в свою очередь почувствовали благожелательство ко мне. Я, по крайней мере, определенно сознавал, что в моих отношениях с ними уже установилось что-то человеческое и что у меня было как будто даже какое-то влияние на них.

Они продолжали рассматривать бумажник. Как вдруг один

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ Л. Н. ТОЛСТОГО. ПРОШЛОЕ

из них, с некоторой как бы страдательностью в голосе, проговорил:

— Товарищи, а отдайте ему! Может быть у него это последствие.

— Да, да, отдайте, отдайте, — заговорили другие.

— Пожалуйста! — произнес просматривавший мой бумажник молодой румяный человек, в белом чистом воротничке, и вернул мне бумажник, ничего решительно из него не взявши.

— А в комнате у вас есть деньги?

— Нет, у меня больше никаких денег нет.

— А ценные вещи есть?

— И ценных вещей нет.

— Ну, так пожалуйте сюда, — сказал один из них, отперев дверь в маленький чуланчик. В чуланчике ярко горело электричество, и я увидел там несколько загнанных человек.

Еще раньше этого, заметив через дверь в мою комнату необычайный беспорядок в ней и кучу наваленных на полу бумаг, я сказал:

— Дайте, я покажу вам все вещи в моей комнате, хотя ничего интересного у меня для

vas нет, а то вы только наделаете мне беспорядок.

— Нет, нет, не надо! Идите сюда!

— Да давайте же я вам покажу вещи! — еще раз предложил я.

— Не надо, не надо! Мы верим, что у вас ничего нет. А у хозяйки есть что-либо ценное, золотые, серебряные вещи?

— Насколько мне известно, у нее все лежало в банке, а дома никаких драгоценностей не было.

— Ну, хорошо. Так идите сюда! Входите!

Я вошел в чуланчик, и они сейчас же заперли за мной на замок дверь.

В чуланчике оказались все жители нашего дома: хозяйка — низкого роста, толстая старая женщина с бледным испуганным лицом и с повязанной полотенцем головой, сквозь которое просачивалась кровь; тут же была ее прислуга, Лиза, со связанными назад руками, а у стены стоял студент, второй жилец квартиры, тоже с испуганным бледным лицом. Я оглянулся на них, и они мне показались необыкновенно

жалкими и несчастными в своем страхе за жизнь, особенно Лиза, которая, забившись в угол, как затравленный звереныш, тряслась всем телом. У нее дрожали губы и постукивали челюсти.

За дверью было слышно, как торопливо возились грабители, двигали мебелью, рылись в вещах.

— Что с вами, отчего у вас голова в крови? — спросил я хозяйку.

— Тсс!.. с ужасом на лице остановил меня студент. — Они велели молчать. Это они ее ударили револьвером.

Я сокрущенно покачал головой, и нагнувшись к хозяйке, тихо спросил:

— А очень больно?

— Невыносимо, — процидила она сквозь зубы и подняла на меня свое лицо, с умоляющим взором — спасти, защитить ее и готовая, по-видимому, каждую, минуту расплакаться.

— Не падайте, дорогая моя, духом, крепитесь! — сказал я.

Она несколько раз вздохнула:

— Ох! Ох! — и, очевидно,

не в силах более сдерживать клокочущего чувства, вдруг неожиданно для меня (так как я думал, что она кротко и терпеливо переносила свалившееся на нее испытание), почти полным голосом, произнесла:

— Проклятые! душегубцы! погибели на них нет!

— Екатерина Васильевна! Бога ради! Не губите нас! Ведь им все слышно! — взмолился с отчаянием в лице студент.

Злобное состояние хозяйки так не соответствовало моему душевному спокойствию! Каждую минуту можно было ожидать смерти. К чему же было в такую минуту жить ненавистью? Когда все расчеты с жизнью заканчиваются, не остается ли только одно: стремиться стать возможно выше духом, всепрощающими, все-любящими? И я невольно сказал ей:

— Вы простите им! Они не ведают, что творят. Подумайте о душе...

— Мерзавцам, подлецам, простить? никогда! — еле сдерживая дыхание от негодования, произнесла старуха.

Я подумал: «как она, бедная,

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ Л. Н. ТОЛСТОГО. ПРОШЛОЕ

не развита духовно, не понимает того, что так ясно мне: что душа важнее тела». Но только я подумал это, как произошло нечто странное со мною: вдруг я почувствовал, что меня самого начинает охватывать страх. Отстоять и сохранить свою жизнь показалось мне важнее всего на свете. Физическое существование представилось мне самой величайшей драгоценностью, какая только может быть. Почему и для чего надо было мне во что бы то ни было существовать? почему я проникся только одним чувством: «лишь бы остаться в живых, лишь бы не быть сейчас убитым!» — разумного объяснения я дать этому не мог, но необычайный холодящий ужас охватывал меня при мысли, что вот-вот откроется дверь и молодые люди направят на нас револьверы и всех нас перебьют.

В душе происходила буря. Но неожиданно что-то другое, светлое, разумное и сильное, воспротивилось этому животному страху, этому отчаянному хватанию за жизнь. Как будто какой-то голос внутри вскрик-

нул: «да неужели смысл твоего существования только в том, чтобы сохранить телесную жизнь?! Разве нет вечного, великого сознания, для которого исчезновение твоего тела — ничтожнейший пустяк из пустяков?» И самообладание и пренебрежение, равнодущие к опасности, вновь вернулись ко мне, и чем дальше, тем все более и более я овладевал собою.

— Это они вас связали? — спросил я Лизу.

Она не смогла ничего ответить и, не смея шевельнуться с закрученными назад руками, испуганно озиралась на дверь.

— Давайте я вам развязжу! — сказал я.

— Нет, лучше не надо. Они не велели, — сказал студент.

— Да ведь ей же больно. Я развязжу.

Лиза подчинилась мне, и я раскрутил полотенце, которым были связаны ее руки. По-видимому, уже одно то, что я сделал это безбоязненно, пренебрегая велением грабителей, дало ей некоторое успокоение. Перед этим она не могла промолвить ни одного слова, а тут, хотя и самым тихим шепотом,

вдруг проговорила:

— А ведь все еще возятся!

Действительно, передвигание мебели и перебирание вещей продолжалось. Затем сразу задвигалось много ног и раздался громкий голос:

— Ну, в соседнюю квартиру! А здесь двоим остаться сторожить! Становись у двери!

И слышно было, как все гурьбою поспешно направились к выходу, а двое, громко шагая, подошли к нашей двери и стали у нее.

Через минуту в доме сделалось необыкновенно тихо; все смолкло; ни голосов, ни возни не было слышно. В чуланчике стало еще более жутко. Мысль, что на пол аршина от нас, за дверью находятся два вооруженных человека, которые при малейшем нашем движении, могущем показаться им подозрительным, расправятся с нами, ни перед чем не останавливаясь, действовала на мозг как раскаленное железо.

Старуха — хозяйка сидела, мы же трое стояли у стенок. Чуланчик был не более двух аршин в квадрате, так что все мы стояли тесно друг к другу.

Мы были безмолвны и, затаивши дыхание, прислушивались. Нельзя было уловить ни одного звука: ни шороха, ни скрипа. Очевидно, стоявшие за дверью тоже притаились.

С каждой минутой настроение делалось все напряженнее и напряженнее. Чтобы не поддаваться такому состоянию, я решил, что настоящий момент в сущности не есть какой-либо исключительный, на который я должен направить все свое сознание, но, напротив, я могу сейчас и обязан интересоваться и другими вопросами; и я, вынув купленную в этот день книгу, разрезал ее и стал читать.

Все мои движения: вынимание книги, разрезывание листа, переворачивание страницы — казались громкими и зловещими звуками в той тишине, которая установилась в чуланчике. Я старался вникнуть в чтение. Сначала это было необыкновенно трудно, мысль все время возвращалась к тому, что происходило. Но постепенно я настолько сосредоточил свое внимание, что совершенно углубился в содержание

книги. Несколько раз я отрывался от чтения и вместе со всеми напрягал свой слух, чтобы что-нибудь уловить, но царило полное безмолвие. После этого я снова брался за книгу и делал пометки и надписи на ней, а мои соратники как парализованные, продолжали широко раскрытыми глазами смотреть и слушать. Наконец, напряженное состояние надломилось. Очевидно, дальше находиться в нем не было возможности, и мы начали осмеливаться кое о чем переговариваться друг с другом.

— И как это он еще может читать! — сказала полушеяптом старуха.

— Не боится смерти, должно быть жизнь надоела, — заметил студент.

Они опять замолчали и снова стали прислушиваться. Но по-прежнему ничего не было слышно.

— Верно, никого нет. Надо нам вылезать, — прошептал студент. Но в это время что-то скрипнуло за дверью и всех снова охватила жуть. Мы решили, что так как раздался скрип, то стало быть кто-то

несомненно находится за дверью. Но после этого опять на долгое время воцарилась мертвая тишина. И снова постепенно мы привыкли к ней, и опять начало казаться, что никого решительно за дверью нет. Мы стали опять перешептываться. Вдруг раздавшийся шорох в отдаленной комнате заставил всех, кроме меня, вздрогнуть и насторожиться. Я же совершенно уже овладел собою...

Иногда, смотря кверху, в пространство, и желая этим как бы оторваться от двери, в которую впились глазами мои товарищи, я испытывал своего рода наития: в душе откуда-то являлись светлые радостные мысли и чувства. Высшая, истинная, внутренняя свобода наполняла мое существо. Происходящее иной раз казалось не имеющим никакого значения в сравнении с тем Бесконечным и Бессмертным, что я ясно ощущал в глубине своего сознания. Помню, мне выяснилась важная в то время для меня мысль в связи с моим поведением с грабителями. Я понял, что то, что я не желал против их насилия действовать

насилием же, что я не противился недобрыми средствами их злу, было еще не высшее проявление христианства, а низшее — только необходимая первая ступень. Я только не делал того, чего не должно делать, и эта сторона в христианстве наиболее легкая. Самая же трудная и самая важная сущность христианства в том, чтобы *делать* то, что составляет главное назначение в жизни: довести до высшего предела сознание своей божественности, отрешиться от своей личности, преисполниться великой любовью.

Много часов прошло у нас в томительном сидении. Все время мы были в колебании: остался ли кто-либо из грабителей в квартире или они все ушли. Мы ведь ясно слыхали, что при оставлении квартиры двое из них подошли к нашей двери и стали у нее. Но почему же после этого не было никаких признаков их присутствия, не слышно было ни их дыхания, ни покашливаний, ни переминания? Может быть, они сначала хотели остаться да потом ушли? Если они остались,

то, очевидно, сторожат нас для того, чтобы мы не вылезли из чуланчика, не увидали бы, как их соучастники грабят соседнюю квартиру, и не подняли бы тревоги. В таком случае вылезать опасно и лучше сидеть. Если же их нет, то мы напрасно томимся взаперти, с онемевшими членами, без сна. Долго теряясь в таких догадках и предположениях, мы в конце концов порешили, для большей безопасности, терпеливо просидеть в нашем заточении до рассвета и только уж тогда произвести вылазку. Постепенно мы освоились со своим положением и начали, перешептываясь, делиться впечатлениями. Я узнал, что грабителей было человек двенадцать. Войдя в дом, они прошли прямо к хозяйке и потребовали от нее денег: она сказала, что у нее ничего нет, они не поверили и велели ей искать. Когда она ответила, что ей нечего искать, тогда один из грабителей закричал на нее: «врещь!» и ударил ее рукояткой револьвера по голове. Полилась кровь, грабитель сказал ей: «иди к умывальнику, обмой кровь!»

Она сказала: «что же я буду мочить водой? Кровь еще хлеще пойдет». «Ну не разговаривай!» — проговорил грабитель, повел ее к умывальнику, сам промыл ей рану и, намочивши полотенце, сам же обмотал ей голову. Лизе было также приказано искать деньги у хозяйки. Когда она сказала, что живет у нее недавно и совершенно не знает, есть ли у нее деньги, ей вдруг связали руки, приставили длинный нож к горлу и грозили, что если она не скажет, где спрятаны деньги, то ее зарежут. Она стала умолять не губить ее, и один из грабителей вдруг сказал ей: «не бойся, девушка, не бойся! Никто тебя не тронет». И ее оставили в покое. Когда спросили у студента деньги, он не хотел их отдавать и сказал, что у него ничего нет. Тогда они выворотили у него все карманы, отняли у него полтораста рублей и, вообще, обошлись с ним очень грубо. Студент был полон злобы и негодования. Хозяйка и он говорили, что как только наступит день, надо будет немедленно дать знать об ограблении в уголовную милицию. Когда я

заметил, что не надо прибегать к помощи милиции и применять насилие по отношению к грабителям, они ответили мне, что такими дураками, как я советую, они не хотят быть.

Из всего, что они мне рассказали, я сделал два поучительных для себя вывода: во-первых, тот, что в таких людях, как грабители, даже в момент совершения ими преступления, наряду с зверскими чувствами, все же продолжает жить и добрая природа, которая в данном случае проявилась у них хотя бы в том, что они перевязали рану хозяйке, пожалели Лизу, великодушно обошлись со мной. Стало быть, ни на одного преступника вообще нельзя смотреть как на существо, лишенное каких бы то ни было добрых человеческих свойств, как это мы часто делаем.

Во-вторых, я сделал тот вывод, что, только непротивление злу насилием, какое было проявлено мною в отношении грабителей, не увеличивает зла, а ослабляет и приостанавливает зло, а также дает наилучшие результаты и в практическом отношении: только со мной

грабители обошлись по-человечески и даже ничего у меня не взяли, а еще сами же вернули мне мой бумажник.

Итак, просидев часов пять в чуланчике, мы решили, когда уже совсем рассвело на дворе, сделать вылазку. Я стукнул по окошечку, находившемуся над дверью, и разбил стекло. Когда звякнуло стекло и упало на другую сторону, то сделалось необыкновенно страшно. «А вдруг появятся грабители и убьют нас?» Но никто не появлялся. Я выколотил все стекло и, взобравшись кверху, высунулся в окошко, все еще ожидая, что вот-вот кто-нибудь появится с револьвером. Перелезши на другую сторону, я спустился вниз, отпер дверь и выпустил всех.

В комнате моей был невообразимый беспорядок, все сдвинуто, переворочено, ящики высунуты, бумаги раскиданы по полу. Однако, ничего не было унесено. Я сейчас же принялся за уборку.

Вскоре появились чины уголовной милиции, стали составлять протокол и допрашивать всех находящихся в квартире,

как все произошло. Когда очередь дошла до меня, я отказался давать показания.

— Почему же вы не хотите нам ничего сообщить?

— Да как же я могу вам что-либо сообщать, если вам нужны сведения от меня только для того, чтобы поймать этих заблудившихся неразумных людей, отомстить им и наказать?

— Что же, по-вашему надо им все прощать и с такими негодяями не бороться?

— Нет, я думаю, надо бороться, но прежде всего добрым примером своей собственной жизни и просвещением их разума.

— Но вы должны дать показания! За отказ дать необходимые нам сведения мы имеем право вас арестовать.

— Это ваше дело. Меня это нисколько не заботит. Я же иначе не могу поступить по своим убеждениям.

И как они ни хотели меня вынудить рассказать о всем происшедшем, я ничего им не сообщил.

Редко у меня бывало так хорошо на душе, как в это утро.

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ Л. Н. ТОЛСТОГО. ПРОШЛОЕ

Скажу совершенно искренно, что радость была не от того, что я остался цел, а только от удовлетворения, что во всем происшедшем я старался держать себя как должно, не отступая от тех внутренних основ жизни, которых я придерживался. Я чувствовал себя как бы учеником, удачно сдавшим экзамен.

Об одном только я жалел и за одно упрекал себя: что не дал молодым людям хороших

книг, как, например, Льва Николаевича Толстого. Если бы я дал им книги, это еще больше показало бы, что я хочу на их зло отвечать добром, и, кто знает, может быть, книги эти пробудили бы в них хорошие свойства души, а это могло бы заставить их потом отказаться от избранной ими преступной профессии!

Об этом я жалею и до сих пор.

«Истинная Свобода», № 2, Май 1920.

Алексей Петрович Сергеенко (1886-1961) — сын друга и единомышленника Льва Николаевича Толстого, литератора Петра Алексеевича Сергеенко. На протяжении десяти лет Алексей знал Л. Н., помогал ему в литературной работе до последнего часа его жизни, в качестве свидетеля подписал его завещание. В 1914 г. А. П. Сергеенко присоединился к антивоенному воззванию толстовцев. В 1920-х входил в трудовую коммуну «Трезвая жизнь», вместе с В. Ф. Булгаковым редактировал журнал «Истинная Свобода».

В последующие годы участвовал в подготовке Полного собр. соч. Л. Н. Толстого, консультировал студентов и аспирантов, изучающих творчество писателя, актеров, игравших в толстовских пьесах. В 1940-х написал исследование «Л. Н. Толстой и И. Н. Крамской». Позднее, на основе своего юношеского дневника — около полуторынадцати очерков-воспоминаний о Л. Н., которые печатались в журналах, а после смерти автора были собраны в книгу: А. П. Сергеенко. «Рассказы о Л. Н. Толстом». М., «Сов. писатель», 1978.

В. А.

А. С. Малород

Не забывай

Не забывай о тех, что проторили
Дорожку ту, которой ты идёшь,
Не забывай о тех, чьи руки насадили
Тот сад вокруг, что раем ты зовёшь.
Не забывай!

Не забывай о тех, кто днём трудился,
ночь не досыпал,
Порой оборван был, порой не доедал,
Чтоб ты был счастлив и нужды не знал.
Не забывай о тех, кто это счастье дал.
Не забывай!

Не забывай о тех, кто кровь и пот пролили
На том Пути, которым ты идёшь,
О тех, что верили и Истину любили,
Кто жизнь свою отдал за то, чем ты живёшь.
Не забывай!

Сайт «Зеленая палочка»: zpalochka.narod.ru

Анна Степановна Малород (1896-1971) — учительница в толстовской коммуне «Жизнь и труд»; в 1930-е годы была репрессирована.

И. А. Гордеева

Радикально-пацифистское движение в России в XX веке

Гордеева Ирина Александровна,
кандидат исторических наук, доцент РГГУ

Статья печатается с любезного разрешения автора

Начало XX века в России ознаменовалось выходом на историческую сцену общественных движений с массовой социальной базой. Движения различного идеологического толка — либеральные, правые, социал-демократические, анархистские, которые в XIX в. носили элитарный характер*, популяризируют свои идеологии, налаживают печать, ищут свою социальную базу и становятся значимым фактором общественно-политической жизни страны. Среди этих движений было и

радикально-пацифистское. На это движение мало обращают внимания историки, но оно было хорошо известно современникам благодаря своей гуманистической направленности и активному участию в решении актуальных социально-политических проблем.

Пацифизм — это принципиальный отказ от войны и насилиственных методов решения как международных, так и внутренних и межличностных конфликтов. Имея в своей основе религиозные корни, в XIX в. ценности пацифизма перешагнули границы немногочисленных миротворческих сект и стали постепенно превращаться в общественные, а

* Были распространены только среди образованных классов. — Прим. ред.

И. А. Гордеева — Радикально-пацифистское движение в России в XX веке

после Первой мировой войны в Европе и Америке пацифизм становится заметной политической силой. «Радикальность» пацифизма как общественной идеи заключается в его революционности, направленности на общественное действие, на тотальную трансформацию всего общества посредством мирного, ненасильственного изменения самого человека, его норм и ценностей, его повседневной жизни и самого характера социальной связи между людьми.

Радикально-пацифистское движение в России основали «толстовцы» в самом конце XIX в. Понятию «толстовец» не соответствует никакая одна строго определенная идеология, общественно-политическая позиция или программа. «Толстовской» секты или партии никогда не существовало, лидерство и членство в «толстовских» группах и организациях было только неформальное

циях было только неформальное, а самоорганизация в них всегда происходила снизу, спонтанно. Те, кого называли «толстовцами» и кто сам себя так называл, обычно осознавали условный характер этого звания. Принятие идентичности «толстовца» чаще было знаком не всеселого и однозначного, а скорее символического признания идей Толстого, солидарности с ним в чем-то главном, хотя не во всем.

Базовые основы идеологии российских пацифистов были заложены

религиозно-общественной публицистикой Л. Н. Толстого конца XIX — начала XX в. Однако Толстой никого не призывал к коллективным действиям, вопрос об изменении окружающей жизни был для него вопросом индивидуального религиозно-этического выбора каждого отдельного человека. Общественным деятелям он

рекомендовал «направлять свои силы не на борьбу с праящими классами посредством бунтов, революций или социалистической деятельности, а только на себя, на то, чтобы жить лучше». «Делай, что должно, и будь, что будет», — любил повторять Толстой. «Познайте истину, и истина сделает вас свободными», — это любимое выражение Толстого российские радикальные пацифисты сделали главным лозунгом своего движения. События конца XIX — начала XX в. подсказали им, что со средоточения на личной нравственности не достаточно для того, чтобы сделать жизнь в стране лучше, поэтому они поставили перед собой цель привнести ценности ненасилия, гуманизма и свободы совести в общественно-политическую жизнь страны.

Несмотря на огромный авторитет Л. Н. Толстого, в начале XX в. репутация его последователей в обществе была противоречивой: из-за неудач их общинных экспериментов и доходившей иногда до абсурда личной этики ненасилия про-

«толстовцев» начали придумывать анекдоты и давать им уничижительные прозвища. Поэтому в начале формирования своего общественного движения будущие пацифисты выбрали себе идентичность «свободных христиан» и даже шире — «людей свободно-религиозного мировоззрения».

«Свободное христианство» как единое общественное движение на основе элитарного «толстовского» и народного сектантского попытался учредить известный «толстовец» Иван Трегубов после Первой русской революции. «Мы называем себя “свободными христианами” потому, — писал он, — что исповедуем учение Христа свободно, то есть без насилия над нашим и чьим бы то ни было духом и телом, иначе и кратко говоря, исповедуем любовь без насилия». «Свободные христиане» заявляли, что отвергают «всякие догматы и авторитеты как насилие над своим разумом, потому что они требуют веры в то, чего их разум не признает», и заявляли о своем праве свободно исследовать и критико-

И. А. Гордеева — Радикально-пацифистское движение в России в XX веке

вать любые религии и религиозно-общественные идеи, «руководясь при этом голосом своего разумения, то есть своей совести, любви и разума», который они признавали «голосом, словом, волей, откровением самого Бога». Те же, чье богоискательство уже вышло за рамки христианства, предпочитали называть себя «людьми свободно-религиозного мировоззрения».

Объединяло «свободных христиан» более или менее единое мировоззрение, главным признаком которого был индивидуализм — доверие к себе, к своему разуму и совести как основным источникам истинного знания об окружающем мире и Боге. Как писал один из «толстовцев» о своих товарищах, «в большинстве своем это были люди самобытные, самостоятельно мыслявшие о смысле жизни, не преклонявшиеся ни перед каким авторитетом, кроме своего разума, своей совести». Дороже всего для них была «истинная свобода», которую они считали несовместимой с «признанием

кого бы то ни было авторитетом».

Появление подобного мировосприятия связано с большими историческими процессами, в частности, индивидуализацией как частью процесса модернизации, открытием людьми самих себя как существ, способных самостоятельно принимать решения, без оглядки на церковный и государственный авторитет, то есть переходом к автономному мышлению.

Индивидуализм «толстовцев», их доверие к себе и к своей совести, имели любопытные общественные последствия.

Во-первых, это приводило к неприятию разного рода «культов личности», прививало им иммунитет к тоталитарным практикам подавления личности и «промывания мозгов».

Во-вторых, это предопределило неформальный характер практически всех общественных начинаний «толстовцев». Как писал один из них, «мы никогда не преклонялись перед программами, формами и не приносили им в жертву жизнь

человека — основную ценность».

В-третьих, «толстовцы» чувствовали себя на равных с любыми авторитетами и сильными мира сего, и их письма во власть кардинально отличаются от типичного письма-жалобы или письма-доноса простого советского человека. Они очень много писали не только друг другу, но и духовным и политическим лидерам страны и всего мира: спрашивали совета и сами не стеснялись давать советы, обращали внимание на тот или иной аспект современной жизни, призывали к гуманизму и ненасилию. Например, известный «толстовец» М. С. Дудченко, живший у себя на хуторе в Полтавской губернии и занимавшийся крестьянским трудом, в течение всей своей жизни писал многочисленные письма во власть, российским и иностранным политическим и общественным деятелям: Л. Н. Толстому, В. Д. Бонч-Бруевичу, А. М. Горькому, А. В. Луначарскому, Р. Роллану, С. Цвейгу, М. Ганди, Р. Тагору,

А. Эйнштейну, Б. Муссолини, А. Гитлеру и другим.

Это доверие к себе и к своей совести было частным случаем веры «толстовцев» в человека вообще, в его божественную природу, в добро, в общие гуманистические ценности, в способность людей изменить мир. Отсюда вытекал их последовательный нонконформизм, их стремление к общественной активности.

Признание всеобщего «братьства во Христе» стало основанием для связи между «толстовским» индивидуализмом и коллективизмом. Российские радикальные пацифисты первой трети XX в. — это, за редким исключением, христианские социалисты и коммунисты, их индивидуализм носил этический характер и социально ответственный характер, он питался теми гуманистическими теориями, которые признают ответственность личности перед обществом, всеобщую солидарность людей и идеал социальной справедливости.

Из этого всеобщего «братьства во Христе» вытекала

И. А. Гордеева — Радикально-пацифистское движение в России в ХХ веке

принципиально важная для пацифистов толерантность, терпимость к чужим ценностям, религиям и культурам, интернационализм и даже космополитизм свободно-религиозного мировоззрения. Свобода совести была той общественно-правовой ценностью, которую «толстовцы» последовательно защищали

еще с 90-х годов XIX в. и которая стала одной из точек соприкосновения между их убеждениями и чаяниями российского сектантства.

Еще один мировоззренческий признак свободно-религиозного мировоззрения — установка на преобразование не только политической и общественной, сколько повседневной жизни. «Толстовцы» изначально были внимательны к практикам повседневности, наделяли их общественно и политически значимыми смыслами, что роднит

их с теми представителями новых социальных движений, которые отличаются от традиционных движений тем, что направлены не на завоевание политической власти, а на утверждение общественно значимых ценностей и идентичностей. Участники новых социальных движений считают повседневность центральной «площадкой» социальных преобразований и протестуют против ее «колонизации» государственными институтами и капиталистическими кор-

порациями, выступая за перестройку структур господства в повседневности, разрушение систем статусов, создание эгалитарных^{*} отношений между людьми. В теоретических работах «толстовцев» 1910-30-х годов можно найти залоги таких известных кон-

* Равных. — Прим. ред.

цепций второй половины XX века, как концепции «жизни не по лжи» Солженицына (1974), «жизни по правде» Гавела (1978), «параллельного политса» и «неполитической политики».

И последняя мировоззренческая черта «толстовства», которая является важным отличительным признаком многих пацифистских движений, — это ориентация не на конфронтацию, а на диалог и сотрудничество с властями. Эта установка была предметом постоянной критики со стороны политических оппонентов радикальных пацифистов, однако она последовательно практиковалась ими и до революции, и в советский период.

Свободные христиане старались не заражаться чувством озлобления против власти имущих людей. Их лидеры в начале XX в. чаще всего были представителями дворянства, соединенными тесными родственными и дружескими связями с представителями высшей бюрократии, общим моментом их биографий нередко была блестяще начатая, но

брошенная военная или гражданская служба. Поэтому они были убеждены, что представители властей — такие же люди, как и все, они также имеют в себе бессмертную душу, к которой «толстовцы» не уставали апеллировать даже в самых отчаянных ситуациях.

Помимо «толстовцев» или «свободных христиан», полностью или частично, в индивидуальном или коллективном порядке в разное время свою солидарность с радикально- пацифистским движением проявляли вегетарианцы и эсперантисты, сектанты и другие богоискатели из народа и интеллигенции (трезвенники, сютаевцы, добролюбовцы, евангельские христиане и баптисты, малеванцы, последователи теософии и антропософии, духовные монисты, и др.); отдельные представители анархических и социалистических течений.

Для радикально- пацифистского движения в начале его формирования было характерно уникальное сочетание ресурсов строительства движения.

И. А. Гордеева — Радикально-пацифистское движение в России в XX веке

Его лидеры принадлежали к влиятельным аристократическим семьям, обладали значительными материальными богатствами и связями с высшими должностными лицами, что оказалось важным для правозащитной деятельности, которая в то время осуществлялась в основном через личные контакты. В то же время, несмотря на свое привилегированное происхождение, лидеры «толстовцев» в короткое время благодаря своей правозащитной и просветительской деятельности приобрели обширные знакомства и огромный авторитет в среде сектантства, также их поддержали многие крестьяне, чьему очень завидовали социал-демократы. Также на стороне этого движения был авторитет Л. Н. Толстого, который пользовался огромным влиянием как в России, так и во всем мире.

Немаловажно и то, что, вынужденно оказавшись за границей в начале XX в. в среде российской политической эмиграции, «толстовцы» установили связь со многими зарубежными общественными деяте-

лями и мыслителями, плодотворно сосуществовали и общались с русскими политическими эмигрантами, а также с международными религиозными, пацифистскими и гуманистическими организациями. Благодаря религиозно-анархической и христианско-социалистической составляющей своей идеологии, радикальные пацифисты могли сотрудничать с самым широким спектром оппозиционных общественных сил.

После Первой русской революции и в первые годы после октября 1917 г. радикальным пацифистам удалось сформировать свои общественные организации, наладить каналы коммуникации и взаимопомощи (издательства, книжные склады и магазины, периодика, вегетарианские общества и столовые, коммуны и артели, кружки и информационные бюро, лекции, беседы, концерты, диспуты, публичные чтения).

Формального лидерства в пацифистском движении не существовало, но тем не менее на разных его этапах наиболее

авторитетными как для участников движения, так и для внешнего мира были такие личности, как В. Г. Чертков, П. И. Бирюков, И. М. Трегубов, И. И. Горбунов-Посадов и В. Ф. Булгаков.

Владимир Григорьевич Чертков (1854—1936) в настящее время всем больше известен в контексте скандальных историй взаимоотношений внутри треугольника Чертков — Лев Николаевич — Софья Андреевна. А между тем и до, и особенно после смерти Толстого Чертков был одним из главных организаторов российских пацифистов. Несмотря на его непростой характер, даже те «толстовцы», которые не любили его, признавали его огромную роль именно в организации их общественного движения.

Особо хотелось бы отметить то гражданское мужество, с которым Чертков осуществлял руководство движением после 1917 г. Он возглавлял Объединенный совет религиозных общин и групп, помогал отказчикам от военной службы, общался с представителями вла-

стей, был ходатаем за репрессированных, выступал с лекциями по вопросам свободно-религиозного мировоззрения и пацифизма, занимался разработкой теоретических и практических проблем движения, осуществлял вместе со своим сыном связь с заграничными пацифистами. В 1930 г., в одном из нелегально распространявшихся «Писем к друзьям», посвященном коллективизации, он имел смелость написать, что «вся жизнь советского гражданина не свободная и он так или иначе является рабом государства».

Другой известный неформальный лидер радикальных пацифистов — **Иван Михайлович Трегубов** (1858—1931). Будучи сыном священника и выйдя из духовной семинарии атеистом, он увлекся идеями Толстого и лично познакомился с ним. Уже тогда он считал, что «никакое насилие и никакая привилегия несовместимы с христианством». Трегубов внес как теоретический, так и практический вклад в развитие пацифистского движения. Он занимался разработкой вопроса

И. А. Гордеева — Радикально-пацифистское движение в России в XX веке

о ненасильственных методах протеста, активно занимался формированием социальной базы движения в среде сектантства, а также был одним из инициаторов проекта экономического сотрудничества сектантов и большевиков.

Еще один лидер российских радикальных пацифистов — **Павел Иванович Бирюков** (1860—1931), который известен в основном как автор биографии Л. Н. Толстого. По свидетельству современников, Бирюков обладал исключительно положительными личностными качествами — мягкостью, отзывчивостью, добротой. Его лучшим другом был библиофил Н. А. Рубакин, который также являлся радикальным пацифистом и считал Бирюкова одной из «великих фигур русской революции». Бирюков, много времени проводивший за границей, был одним из главных организаторов издательского дела российских радикальных пацифистов, сотрудничал с зарубежными христианскими и пацифистскими организациями и, в частности, с канадскими духоборами. Це-

лью своей общественной деятельности после революции 1917 г. Бирюков считал направление русской революции в русло гуманности и ненасилия.

Большую роль в организации движения сыграла семья Горбуновых-Посадовых. Глава ее — **Иван Иванович Горбунов-Посадов** (1864—1940) — друг и последователь Л. Н. Толстого, на много лет связал свою жизнь с издательством «Посредник» (главный редактор с 1897 до 1925 года), изданием книг для народа и развитием педагогических идей «свободного воспитания». Его жена Елена Евгеньевна Короткова была подругой Н. К. Крупской, благодаря чему в советское время «толстовцы» имели покровительство в высших партийных сферах.

Горбунов-Посадов был известен среди современников как автор не очень качественных стихов, сентиментальный и до смешного преданный «толстовским» идеям человек. На самом же деле в контексте истории

пацифистского движения ему в заслугу можно поставить исключительную последовательность и мужество в защите гуманистических и пацифистских ценностей как в дореволюционное, так и в советское время. В 1921 г. в Полтаве вместе с В. Г. Короленко Горбунов-Посадов организовывал помочь голодающим, был автором и подписантом многих писем «во власть» с ходатайствами за смягчение антирелигиозной политики, за свободу совести, против преследований инакомыслящих и смертной казни. В дни толстовского юбилея в 1928 г. он произнес публичную речь, в которой говорил «о насилиях власти, о бесконечном раскулачивании и расстрелах, о страшном положении крестьянства» в СССР. Его семья в конце 20-х годов занималась рискованным делом создания и распространения «толстовского» «самиздата».

И наконец, самый молодой из лидеров российских пацифистов, **Валентин Федорович Булгаков** (1886—1966), широко известный как последний

секретарь Толстого и, к сожалению, мало кому знакомый в качестве активного организатора и теоретика международного пацифистского и христианско-коммунистического движения.

В первые годы советской власти, Булгаков активно выступал с лекциями по общественно-религиозным вопросам, участвовал в религиозных диспутах, печатался в «толстовской» периодике, помогал отказникам от военной службы, ходатайствовал за репрессированных. В речи «Лев Толстой и наша современность», произнесенной 12 сентября 1918 г. в Большой аудитории Политехнического музея, Булгаков заявил, что «рабочекрестьянская власть большевиков — это такая же насильническая власть, как и всякая другая, а правительство большевиков — это одно из самых грубых, жестоких и деспотических правительств, которые видела не только русская, но и мировая история. Убийство и преступление, возведенные в систему, составляют отличительное качество этого прави-

И. А. Гордеева — Радикально-пацифистское движение в России в XX веке

тельства, как и всякого другого. Нет тех самых жестоких мер, перед которыми бы оно остановилось, когда ему представляется возможным или необходимым уничтожить своих врагов... Застенок революции не менее ужасен, чем застенок самодержавия».

В 1919 г. Булгаков стал одним из организаторов Комитета Л. Н. Толстого по оказанию помощи голодающим, а в 1921 г. входил во Всероссийский комитет помощи голодающим. Булгаков был

“В последней четверти XIX в. основной формой существования движения было устройство земледельческих общин”

выслан за границу административным порядком в 1923 г., после чего поселился в Праге, где стал главой Союза русских писателей в Чехословакии, создателем и директором Русского культурно-исторического музея при Русском Свободном университете, сотрудником многих общественных и культурных организаций и журналов. Здесь он продолжил свою пацифистскую деятельность,

пропагандировал наследие Толстого, читал лекции во многих странах Европы, общался с выдающимися деятелями мировой культуры, стал организатором движения за христианский коммунизм и разрабатывал теорию «мирной революции» на базе идей Толстого, Ленина и Ганди.

В последней четверти XIX в. главным идеалом «толстовцев» был коммунистический (направленный на изменение общества посредством личного нравственного со-

вершенствования каждого отдельного человека), а основной формой существования движения было устройство земледельческих общин. Коммунистическое движение в тот период во многом носило эскапистский характер*, оно было основано на стремлении к отделению от «нечистого» мира. С

* Бегства от мира, ухода от проблем.
— Прим. ред.

начала XX в. интерес к «общинной» теме у «толстовцев» ушел на второй план, и в публичной жизни его представители чаще всего выступали сторонниками радикального пацифизма, утверждая ценности ненасилия и защищая свободу совести. Они протестовали против

насилия во

всех его проявлениях, искали путей построения таких социальных отношений, которые не препятствовали бы

свободной самореализации человека в России и его утверждению себя как автономной личности.

Несколько событий подтолкнули «толстовцев» к переходу на общественные позиции.

Во-первых, толчком к самоорганизации радикального пацифизма в конце XIX в. послужила разработка теории ненасилия Л. Н. Толстым.

Во-вторых, первый опыт общественной работы «тол-

стовцы» получили, работая «голоде» в начале 1890-х годов, где они напрямую столкнулись с неспособностью государства решать масштабные социальные проблемы.

В-третьих, на них повлияла известная история с закавказскими духоборами, которые в

1895 г. массово отказались от военной службы, сожгли оружие, за что подверглись насилию со стороны властей.

«Толстовцы» не только су-

мели придать гласности этот случай произвола, но и в тесном сотрудничестве с представителями других направлений общественности в 1898-1899 г. организовали их переселение за границу.

В 90-е годы «толстовцы» начинают оказывать систематическую «правозащитную» помощь преследуемым сектантам и отказчикам от военной службы. Активно же занялись строительством своего движе-

“В 90-е годы «толстовцы» начинают оказывать систематическую «правозащитную» помощь отказчикам от военной службы”

И. А. Гордеева — Радикально-пацифистское движение в России в XX веке

ния «толстовцы» в конце 90-х годов, попав в вынужденную эмиграцию: они основывали периодические органы, печатали и распространяли пацифистскую литературу, занимались выработкой своего идеала и программы, народным проповедием, поиском единомышленников и союзников, искали технологии ненасильственного протеста, участвовали в общественно-политических дискуссиях, продолжили свою правозащитную деятельность, защиту свободы слова, совести и отказчиков от военной службы, формировали сети взаимопомощи и общественные организации.

Первым шагом в создании движения стало основание за границей в Англии и Швейцарии В. Г. Чертковым, А. Г. Чертковой и П. И. Бирюковым «толстовской» печати. Речь идет об издательстве «Свободное слово», журналах «Свободное слово» и «Свободная мысль», «Листках Свободного слова». Эта периодика стала не только важной площадкой для выработки движением собственной идеологии,

но и послужила трибуной для критики царского правительства, борьбы за свободу совести и слова, против милитаризации общества. На страницах этих журналов была предпринята попытка сформулировать программу христианского анархизма и поставить вопрос о формах участия христиан в политической жизни, разрабатывали вопрос о методах ненасильственной борьбы. Содержание заграничной «толстовской» печати было резко и открыто оппозиционным отношению к самодержавию, оно носило радикальный и даже революционный характер, призывало прекратить поддерживать существующий государственный строй. Тогда же началось сотрудничество «толстовцев» с социал-демократами, анархистами и либералами.

В 1903-1905 гг. под влиянием идей анархиста В. А. Поссе И. М. Трегубов написал несколько статей о всеобщей мирной стачке. В них он предлагал использовать такие стачки для борьбы против православия и самодержавия: «Для

этого не надо даже выходить на улицы, совершать демонстрации, строить баррикады и производить насилие над представителями православия и самодержавия, а нужно только одно: всем спокойно, но твердо, решительно и одновременно отказаться от повиновения им и с этого дня не принимать в их делах уже никакого участия, о чем и заявить им устно или письменно».

В 1904 г. В. Г. Чертков опубликовал брошюру «О революции. Насильственная революция или христианское освобождение?». В ней он писал, что свободно-христианское учение «гораздо более революционно», чем теории насильственных революционеров, потому что «оно занимается усовершенствованием внутренних человеческих побуждений и улучшением взаимных отношений между людьми», а от этого «гораздо больше зависит прочное изменение к лучшему всего общественного устройства, нежели от тех внешних переворотов или реформ, которых добиваются социалисты».

Одно из возражений Черткова против насильственного революционного движения состояло в том, что в нем нет ничего нового, «это вовсе не “революция” в настоящем смысле этого слова. Революция значит: “переворот”. А всякий истинный переворот в жизни людей, всегда начинается внутри человека, в его сознании, и затем уже проявляется в изменении внешних общественных порядков».

В период революции 1905–1907 гг. «толстовцы» обращались ко всем слоям российского общества с призывами к отказу от насильственных методов борьбы. После революции пацифисты сосредоточили свою активность на защите свободы совести и предприняли попытки продвигать в Государственной Думе решение проблемы отказчиков от военной службы. В 1909 г. при участии «толстовцев» было создано **Московское вегетарианское общество**, которое в советское время станет главной организационной базой развития движения.

И. А. Гордеева — Радикально-пацифистское движение в России в XX веке

В начале Первой мировой войны представители свободно-религиозного мировоззрения были практически единственной общественной силой, которая не поддалась патриотическим настроениям и заявила о своем принципиальном неприятии войны. «Толстовцы» составили ряд антивоенных воззваний, за что были арестованы и подвергнуты суду в 1916 г. (обвинялись в распространении суждений, возбуждающих к изменническому деянию), в результате которого были оправданы. Это оправдание было признаком того, что пацифистским ценностям удалось хоть частично завоевать общественное мнение, признавшее аргументы «от совести» значимым, заслуживающим уважения мотивом человеческого поведения.

Сразу после Февральской революции начинается новый виток организационного строительства радикально-пацифистского движения. Летом 1917 г. «толстовцы» создали Общество истинной свободы в память Л. Н. Толстого, у которого в короткое время

появилось большое число местных отделений. В этот период важное значение в распространении пацифистских идей приобретает «толстовская» периодика. С 1916 г. в Москве издавался журнал единомышленников Толстого «Единение» (позднее — «Голос Толстого и Единение»). Он был посвящен «обновлению жизни при свете разума и любви», распространялся по всей территории России, среди единомышленников Толстого и сочувствующих сектантов.

В первые годы советской власти сторонники «свободно-религиозного» мировоззрения в основном были настроены на сотрудничество с большевиками, рассчитывая повлиять на них, убедить их отказаться от насилия — как физического, так и духовного — и тем самым перевести революцию в мирное русло.

Социально-экономические эксперименты колLECTивистской направленности первых лет советской власти «толстовцы» в целом приветствовали и принимали в них участие. Недолгое время даже существо-

вал особый «сектантский проект» внутри большевизма, инициаторами которого были Трегубов и Бирюков, в ходе реализации которого советская власть попробовала сделать ставку на сектантов как наиболее грамотную, просвещенную часть крестьянства, по своему мировоззрению склонную к коллективным формам хозяйствования и способную показать остальным мелкобуржуазно настроенным крестьянским массам пример коммунистического образа жизни и хозяйствования.

Особая роль в эти годы принадлежит **Обществу истины в память Л. Н. Толстого** (ОИС).

Его название восходит к цитате из Евангелия, которую Толстой неоднократно делал эпиграфом для своих статей: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными». Прозвано глашалось, что ближайшей

целью Общества является облегчить общение сочувствующих жизнепониманию Толстого, привнести в общественную и повседневную жизнь ценности гуманизма и ненасилия. Главным же стремлением ОИС было путем нравственного самосовершенствования добиться преобразования общества, основанного на государственном насилии, в безгосударственную общину, в рамках которой могла бы быть осуществлена полная свобода во всех вопросах веры и жизни.

Согласно Уставу, вступить в ОИС могли быть «все желающие, без баллотировки».

Члены Общества сохраняли за собой полную свободу во всех вопросах веры и жизни, а решение большинства не

являлись «нравственно обязательными для всех остальных членов Общества». Все дела решались общими собраниями и избран-

“всякое насилие, совершающее над людьми как со стороны отдельных лиц, так со стороны партий и правительства, противно законам человеческой жизни”

И. А. Гордеева — Радикально-пацифистское движение в России в XX веке

ным им Советом, от должности председателя ОИС отказалось.

Программные принципы ОИС были изложены в 14 пунктах «Оыта краткого изложения основ истинной свободы», среди которых были следующие:

— всякое насилие, совершающееся над людьми как со стороны отдельных лиц, так со стороны партий и правительства, противно законам человеческой жизни;

— отчество наше — весь мир, и все люди наши братья. Поэтому никакие люди, как бы они не называли себя — монархическими, конституционными, демократическими или социалистическими правительствами, — не имеют права собирать, вооружать и обучать людей убийству, нападать на других людей и, ведя с людьми другой народности войну, разорять и убивать их;

— ничем не может быть оправдано применение насилиственных мер воздействия на людей — привлечений к суду и наказаний: казней, тюрем, ссылок, карательных отрядов, лишений имущества и т.д.;

— никому не должно быть предоставлено право собственности на землю, которая составляет общее достояние всех людей;

— никто не может насилием или под угрозой насилия отбирать имущество у одних людей и передавать его другим (подать, таможенные пошлины и т. д.);

— не на установление новых форм жизни должна быть направлена деятельность людей, а на изменение и совершенствование внутренних свойств как своих, так и других людей.

Таким образом, в своем общественном идеале ОИС сочетало идеалы христианства, пацифизма, анархизма и коммунизма.

Публикация известия об открытии ОИС вызвала ответную волну снизу. Подобные общества стали возникать по всей России. ОИС были призваны воздействовать на общество, возвышая свой голос против таких общественных явлений, как война, смертные казни, погромы, вооруженные восстания и всякая вооруженная борьба,

церковные предрассудки, знахарство, самосуды и кулачная расправа в деревне, мясоедение, истязание животных и пр. В дни вооруженного восстания в Москве, 28 октября 1917 г., руководство ОИС выпустило листовку «Прекратите братоубийство. Члены ОИС распространяли ее на улицах Москвы среди участников боев. В ноябре 1917 г. Общество издало еще одно воззвание — «К враждующим русским людям», где содержался призыв прекратить гражданскую войну. В ноябре 1918 г. ОИС обратилось в СНК РСФСР с петицией об отмене смертной казни.

С ноября 1918 г. при ОИС в Москве функционировали **«Курсы свободно-религиозных знаний»**, задавшиеся целью путем лекций предоставить своим слушателям возможность систематически изучить как мировоззрение Толстого, так и целый ряд предметов по истории религий, религиозной литературы, религиозному воспитанию и т. д. Курсы пользовались большой популярностью. Кроме курсов, членами ОИС читались пуб-

личные лекции в больших аудиториях, в тюрьмах и на предприятиях, а также делались сообщения для молодежи в различных учебных заведениях.

Подавляющее большинство лекций и речей членов ОИС содержало в себе резкую критику политики большевиков. Например, в план лекции Н. Н. Гусева на тему «Лев Толстой и русская революция: (Критика русского революционного движения с точки зрения вечных идеалов правды и добра)» входили следующие пункты: «Классовая борьба. Нужна ли борьба для освобождения рабочего народа? Великие перевороты не делаются разнуздыванием дурных страстей. Пример французской революции. Кто враг и кто друг народа? Последствия классовой борьбы. Принцип советской власти и принцип представительного правления. Дали парламентаризм на западе народу улучшение его положения. Всегда ли выборное начало выдвигает лучших людей. Диктатура пролетариата. Социализация земли. Основной

И. А. Гордеева — Радикально-пацифистское движение в России в XX веке

закон о социализации земли, его недостатки. Уничтожение судебных установлений. Отделение церкви от государства. Последствия насилия в делах веры. Суеверие устроительства чужой жизни. “Нельзя освобождать людей в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри”. Почему легко устраивать чужую жизнь. Пророчество Льва Николаевича о том, как “все распадется, вся жизнь”. Осуществление этого пророчества в наше время. Насилие бывшего самодержавного правительства и насилие революционеров. Крушение материалистической культуры и грядущее духовное обновление человечества...».

В декабре 1917 г. ОИС стало организатором Всероссийского Комитета общественной помощи голодающим детям. В 1920 г. в Москве «толстовцами» и вегетарианцами был создан **«Комитет имени Л. Н. Толстого по оказанию помощи голодающим»**. Комитет начал сбор хлеба, денег, вещей и продуктов среди единомышленников Толстого и сектантов, а также распределение

ни этих пожертвований среди голодающего населения Поволжья.

Другим важным делом пацифистов в первые годы советской власти была защита отказчиков от военной службы по совести. Для этой цели в октябре 1918 г. ими была создана межконфессиональная общественная организация экспериментного и правозащитного характера — Объединенный совет религиозных общин и групп (ОСРОГ). С ним сотрудничали «свободные христиане» и представители таких склонных к пацифизму сект, как меннониты, баптисты, евангельские христиане, добролюбовцы, адвентисты седьмого дня, малеванцы, молокане, субботники, трезвенники. Согласно Уставу, целью существования ОСРОГ было представление интересов различных религиозных течений в общении с властями, защита свободы совести, а также содействие сближению верующих, принадлежащих к внешнепреставленным направлениям, без возложения на себя функций

«духовно-руководящего центра».

Главным направлением практической деятельности ОСРОГ стала защита отказчиков от военной службы по соображениям совести. После появления 22 октября 1918 г. приказа Реввоенсовета «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», который предусматривал альтернативную военную службу в санитарных частях для не желающих служить с оружием в руках, ОСРОГ предложил советской власти предусмотреть возможность полного освобождения от службы для некоторых категорий верующих, а также свои услуги в качестве «наиболее компетентного и осведомленного» учреждения, которое могло бы осуществлять экспертизу искренности взглядов отказчиков. Власти пошли навстречу этому предложению, в результате чего 4 января 1919 г. появился декрет об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям, который предусматри-

вал возможность полного освобождения по суду.

В связи с резким ростом числа отказов от службы к середине 1919 г. у ОСРОГ начинаются конфликты с местными и центральными властями, а в апреле 1920 г. ревизионная комиссия признает его «очагом анархо-антимилитаристической пропаганды, религиозного и анархического мировоззрения», деятельность которого вредно отражается на Красной армии. Декрет от 4 января 1919 г. сначала был ограничен, а потом заменен на декрет СНК от 14 декабря 1920 г., по которому ОСРОГ лишился права на экспертизу по делам отказчиков.

С этого времени ОСРОГ продолжает свою работу как независимая правозащитная организация. Защищая политических заключенных и осужденных за свободу совести, ОСРОГ сотрудничал с Политическим Крестом Е. П. Пешковой. В марте 1921 г. по его инициативе собирается **Первый съезд сектантских землемельческих и производительных объединений**, по-

И. А. Гордеева — Радикально-пацифистское движение в России в XX веке

становления которого носили откровенно оппозиционный по отношению к советской власти характер. ОСРОГ был вынужден прекратить свою деятельность в конце 1923 г. Годом раньше закрылось Московское ОИС и его местные отделения.

В условиях начавшихся гонений против «толстовцев», а также наступления на религию российские пацифисты все яснее начинают осознавать несовместимость собственного и большевистского идеалов. Институциональной базой движения, которое перешло на полулегальное существование, до конца 20-х годов становится **Московское вегетарианское общество (МВО)**, которое издавало на ротапринте свой «самиздат», распространявшийся из рук в руки и по почте в форме частной переписки. Основным его содержанием была взаимная поддержка и общение единомышленников, развитие идей ненасилия, а также критика советской действительности. До начала 30-х годов движение не порывало связи с зарубежными единомышленниками — пацифиста-

ми, христианскими анархистами и вегетарианцами, велась переписка с эмигрантами-толстовцами, Р. Ролланом, М. Ганди, Интернационалом противников войны и Международным содружеством примирения.

В конце 20-х — 30-е годы, когда радикально-пацифистское движение вынуждено было прекратить свою открытую деятельность, его общественная активность свелась в основном к подспудному созданию структур параллельного общества, ценностно альтернативного советской системе сообщества свободных христиан-пацифистов. Альтернативные коммуны толстовцев создавали альтернативное образование, альтернативную культуру, альтернативную экономику, альтернативные СМИ, и даже претендовали на создание подобия альтернативной внешней политики.

В. Ф. Булгаков, оказавшись после 1923 г. в эмиграции, в 20-30-е годы активно занимался организацией международного движения пацифистов и христианских социалистов,

был одним из руководителей **Интернационала противников войны**, где курировал славянские секции, а также членом руководящей группы Международного содружества примирения в Праге. В 1926 г. на конференции Международного содружества мира в Австрии, Булгаков и его единомышленники заявили о создании Международного движения к христианскому коммунизму. Категорически отказываясь от насильтственного пути достижения коммунизма, организаторы нового движения провозгласили себя сторонниками безнасильственной, христианской революции.

В конце 20-х — начале 30-х годов многие активные деятели «свободно-религиозного» движения были арестованы или подвергнуты разного рода репрессиям. В общении с представителями властей, на допросах и в судах, «толстовцы» вели себя смело и открыто заявляли о своих антигосударственных, христианско-анархических и радикально-нацистских взглядах.

В 1935 г. был арестован «толстовец» **Я. Д. Драгуновский** (1886—1937). Из тюрьмы он писал многочисленные и подробные письма властям с разъяснением своей позиции: о своем отрицании насилия, о несоответствии государственного устройства идеалам коммунизма, о бесполезности средств насилия на пути к коммунизму и о многом другом. В одном из таких писем он заявил: «Я не хочу быть слепым членом общества, возглавляемого государственным насилием. Я не хочу быть безрассудным винтиком бездушной государственной машины. Я давно вывинтил себя из бессознательного повиновения неразумному насилию. Я хочу быть членом мирного общества, устраивающего жизнь на разумных, сознательных началах. Я хочу разумно руководить своими поступками и своим трудом».

Сравнивая свой идеал и идеал советского государства, он писал: «Я противник войны и всяких убийств. Я противник всяких насилий человека над человеком. Я глубоко убежден,

И. А. Гордеева — Радикально-пацифистское движение в России в XX веке

что убийство и насилие нельзя оправдать никакими благотворительными целями и райскими перспективами. Всякое насилие человека над человеком противно нашему здравому смыслу, нашему разумному сознанию, нашему внутреннему духовному единению. Насилие — это грубый эгоизм, разделяющий людей на своих и чужих... Насилие — это пережиток старого варварского времени, которое в современном разумном обществе должно отойти в музей как кошмарное воспоминание минувшего прошлого. Насилие, применяемое в современном сознательном обществе, — это позор для участников насилия».

Духовная стойкость представителей свободно-религиозного мировоззрения в условиях репрессий говорит о том, что к концу 1920-х годов в их среде сформировалась личность с нетипичным для Советской России уровнем собственного достоинства и нон-конформизма^{*}.

* Независимости от общепринятого мнения. — Прим. ред.

Радикально-пацифистское движение в России в первой трети XX в. развивалось в тесном взаимодействии с аналогичным мировым движением и сумело стать значимым фактором общественной жизни страны. В 1930-70-е годы по многим причинам организованного пацифизма в СССР не существовало^{**}, идеи ненасилия были непопулярны не только в советском общественном сознании, но и у диссидентов. Возрождение пацифистского движения произошло только в 1980-е годы в виде независимого движения за мир.

Статья была опубликована на сайте журнала «Знание-Сила»:
http://www.znanie-sila.su/?issue=projects/issue_132.html&r=1.

** Имеется в виду, что не было именно общественных организаций, так как исповедующие ненасилие, незарегистрированные официально, религиозные организации в тот период в СССР были. — Прим. ред.

Из истории Толстовского общества в Казани

В августе 2015 года больше недели я прошёл в Казани, в гостях у Германа Алёткина, главного редактора газеты «Альтернативщик», с которой я давно сотрудничаю. Герман устроил мне целую экскурсию, весь день мы ходили по городу, и он рассказывал мне кое-что из истории. Мы прошли по пешеходной улице Баумана (типа

Арбата в Москве) до пересечения с ул. Университетской, и Герман обратил мое внимание на угловой дом (ул. Баумана, д. 49), где сейчас помещается аптека. В первые послереволюционные годы, как рассказывал Герман, здесь на первом этаже располагалась вегетарианская столовая, а на втором собирались толстовское общество. Распространялись книги, и не

Из истории Толстовского общества в Казани

только Л. Н. Толстого, но и П. А. Кропоткина. Деятельность толстовцев сильно не нравилась местным властям, поэтому руководительница этого общества была арестована — «за распространение анархистской литературы». Московские толстовцы стали за нее хлопотать, дошли до самых верхов, и только после телеграммы, посланной лично В. И. Лениным, она была осво-

бождена. Г. Н. Алёткин — историк по профессии и, кроме того, сам с 1980-х годов участвовал в казанском движении анархистов, поэтому хорошо знает эту историю. В толстовских журналах тех лет публиковались сообщения о местных «Обществах истинной свободы», они создавались по образцу московского во многих городах, но сообщений об ОИС именно в Казани я не встречал.

Приложение 1:

ТЕЛЕГРАММА КАЗАНСКОЙ ГУБЧЕКА

1. III. 1920 г.

Казань Губчека Копия губисполком Копия губкомпартии РКП София Михайловна Иванова, вдова председателя Толстовского общества, жалуется, что ее обзывают, натравливают на чернь. Проверьте. Немедленно прекратите безобразия.

Сообщите мне телеграфом об исполнении и имя проводившего, а подробности почтой.

Ленин

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., том 51, стр. 150.

В ответ на запрос В. И. Ленина председатель Казанской губчеки Г. М. Иванов, он же начальник Особого отдела Запасной армии, 7 марта 1920 г. сообщил: «Иванова была арестована 10 ноября прошлого года особотделом, в бытность начальником тов. Даубе, за оскорблениие советских работников и по подозрению в принад-

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ Л. Н. ТОЛСТОГО. ПРОШЛОЕ

лежности к белогвардейской организации, причем была признана виновной в первом обвинении, но согласно постановлению Особого отдела 14-го числа того же месяца была освобождена, так как было принято во внимание ее нервное расстройство вследствие смерти мужа. Никаких натравливаний и бесчинств по отношению к Ивановой допущено не было, что видно из ее теперешнего объяснения. Все отобранное у нее при обыске было возвращено».

Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917—1922 гг.) Изд. 2-е, доп. М., Политиздат. 1987.

Приложение 2:

В книге **Т. В. Петуховой.** Коммуны и артели толстовцев в советской России (1917 – 1929). Ульяновск: УлГТУ, 2008 – есть упоминания о Толстовском комитете в Казани:

"Показательно Обращение к большевикам Казанского толстовского комитета 29 января 1919 г., в котором толстовцы требовали своего признания в России как «течения, возглавляемого Великим писателем Земли Русской». Свое требование они мотивировали тем, что «как вы, большевики, не можете допустить, чтобы распоряжались авантюристы из капиталистов, так и мы не можем согласиться, чтобы судьбами народа распоряжалась только одна партия большевиков – это было бы односторонне, ошибочно и опасно, потому что одним насилием вы можете провалить и свободу, и правду»...

Толстовцы требовали признания за собой права голоса при решении общественных проблем «ибо участвовали в деле осуществления правды и свободы»...

«Трезвая жизнь» имела 12 вегетарианских столовых в Москве, Казани, Петрограде.

*В. Адаменко,
с дополнениями Г. Алёткина.*

Александр Фетисов

Современное толстовство

Сегодня 7 января — Рождество Христово. День, как нельзя лучше подходящий для того, чтобы рассказать о людях — наших современниках, — сознательно изменивших свой образ жизни в сторону ненасилия и любви.

I

«Выход из системы»¹ — не толстовство. Но, несомненно, он многим обязан таланту и смелости известного русского писателя. В начале XX века у Л. Н. Толстого нашлось немало последователей, вдохновленных обезоруживающей искренностью, честностью и прямотой его взглядов, наиболее полно выраженных в произведениях «Царство Божие внутри вас» и «Соединение и

перевод четырех Евангелий», — людей, не побоявшихся сделать принцип непротивления злу насилием ключевым принципом всей своей жизни. Мы знаем их сегодня как «толстовцев».

Но вас никогда не интересовал вопрос — а есть ли такие люди сейчас? И если есть, то где? Давайте посмотрим, что изменилось за те 100 лет с момента, когда перо Толстого вскрыло и вынесло на свет Божий лицемерие и ложь обрядового христианства и всего нашего традиционного образа жизни. **Толстовство — существует ли оно сегодня?**

Оставим в стороне положение о том, что творчество Толстого оказало большое влияние на общественную мысль, культуру, нравственность, педагогику и пр. Бессспорно, оказалось — и весьма значительное. Но

¹ <http://exodus.today>

нас сейчас интересуют не те крупицы гуманизма, которые остались на вооружении у современного общества, не дискуссионная или идеологическая составляющая толстовства, а самая что ни на есть его практика.

II

Когда я только приступил к сбору материала о современных последователях Льва Толстого, то поначалу образовался довольно внушительный список. Соблазн свести воедино информацию обо всех (или почти всех) ныне живущих толстовцах был настолько велик, что это мог бы оказаться очень длинный пост с именами, страшами, ссылками, группами, движениями, сообществами...

Но оставалась одна очень важная вещь, которую нужно было иметь в виду при составлении подобного списка. **Нельзя оскорблять память о толстовцах начала XX века, многие из которых отдали свою свободу и свои жизни за веру в непротивление злу насилием.** Нельзя вписывать в одну строку с ними современ-

ные квази-толстовские течения, дискуссионные клубы, группы в социальных сетях, всевозможные общества, секты, профессиональных исследователей, научных работников и т.п.

Неправильно также ставить с ними в один ряд толстовство «на бумаге» — при всем том, что благодаря именно этим людям (не только авторам, но и хранителям, собирателям, распространителям: Б.Гросбейну², И.Петровицкой³, Я.Кротову⁴, В.Адаменко, А.Трушникову⁵ и др.) стало возможным знакомство с описанием подобного опыта в прошлом.

Неправильно также ограничивать толстовство какой-либо одной стороной вопроса (отказом от обрядности, альтернативной службой, вегетарианством, педагогикой ненасилия и пр.), поскольку толстовство как таковое ни в коем случае не может исчерпываться какой-то одной практической состав-

² <http://tolstoy.grosbein.net>

³ <http://petrovitskaya.lifeware.ru>

⁴ http://krotov.info/spravki/history_bio/19_1890/1828_Tolstoy.htm

⁵ <http://antimilitary.narod.ru/tolstoism.htm>

А. Фетисов — Современное толстовство

ляющей в ущерб всему учению.

А что же тогда считать **современным толстовством?** Наверное, только одно — сохранение от соблазнов и следование принципам ненасилия и любви в реальной жизни: каждый день, каждый час; с обоснованием своего выбора верой или разумом, но с отсылкой на трактовку христианского учения Львом Толстым. Усилия над собой и ненасилие над другими — как образ жизни: со своими ошибками, неудачами, разочарованиями — но ежедневно, последовательно и непреклонно.

Кто сегодня оказывается способен на это? О ком известно на январь 2015 года?

Александр Лобачев (1953-2011), Украина⁶. Считаю, что просто обязан начать с этого человека. К сожалению, Александра нет с нами сегодня. Мне не посчастливилось быть знакомым с ним лично, но по свидетельству близких Александр был человеком редких душев-

ных качеств, отзывчивым и неравнодушным толстовцем.

Йордан Йорданов, Болгария⁷. Искренний, внимательный, активный толстовец. Прошел трудный путь, испытал много несчастий и разочарований. Выпескивает свою боль за людей и их души в собственном блоге. Помогает тем, кто нуждается в поддержке. Составляет и публикует сборники по истории толстовства. Борется за создание публичной библиотеки «Ясная Поляна», г. Варна. Открыт к любым контактам.

Борис Золотов, Россия⁸. 74-летний толстовец из Ярославской области. Удивительно ясный ум и трезвые суждения (интервью выше сделано бездарно, не обманитесь, привожу лишь для справки). Горячо желает воплотить в жизнь толстовскую коммуну, самостоятельно выполняет подготовительные строительные работы в своей деревне. Ищет единомышленников.

⁷ <http://www.tolstoizam-tolstoy.com>

⁸ <https://www.youtube.com/watch?v=39nzsTg21Ng>

⁶ <http://www.zpalochka.narod.ru>

мышленников. Открыт к любым контактам.

Владимир Мороз, Россия⁹.

Художник, собиратель народной живописи, приговоренный к 6 годам лишения свободы по «антисоветской» статье. Выдержки из его дневника опубликованы в 1996 году под заглавием «Толстой в моей арестантской жизни». С 1991 по 2001 годы занимался изданием и распространением сборника «Толстовский листок». Человек преклонного возраста (1929 г. р.).

Александр Шевченко, Крым¹⁰. Еще один пожилой толстовец (род. 1928 г.) — из Бахчисарая. Известна прежде всего его автобиография¹¹, в которой он подробно и без прикрас изложил свой жизненный путь, включая духовное перерождение после знакомства со статьями Толстого. Несколько лет подряд его видели в Севастополе, распространя-

ющим брошюры с выдержками из произведений Толстого. Единственный, с кем пока не удалось связаться.

Форум единомышленников Толстого¹². Что делает в этом списке дискуссионная площадка? Ждет своего часа. Это, наверное, единственное на сегодняшний день место, которое могло бы стать центром открытого общения толстовцев, обсуждения практики ненасилия, христианства и т.д. Пока оно не стало таковым, но кто знает.

И это все?

Увы, к огромному сожалению, толстовство сегодня живет скорее в сердцах и душах людей, но не в реальной жизни, не на практике. Почему так — другой вопрос; наверняка не в последнюю очередь по причине предельной честности и бескомпромиссности, которые оно предполагает.

В этом коротком списке лишь современные последова-

⁹ <http://tolstoylistok.narod.ru>

¹⁰ http://www.youtube.com/watch?v=VpH_A7UbnSk

¹¹ http://zpalochka.narod.ru/Chev_1.doc

¹² <http://edtolstogo.unoforum.ru>
Форум создан Сергеем Титоренко.

А. Фетисов — Современное толстовство

тели Толстого из Восточной Европы. Где же представители других стран и народностей?

Поверьте, я бы сам хотел знать, где. Есть бескрайняя Россия, есть Индия с ее глубокими традициями ненасилия, есть те же духоборы США и Канады, есть многое по-настоящему духовных и неравнодушных людей. Но попро-

буй найди среди них настоящих «толстовцев» — тех, кто мог бы сказать: «Это мой учитель»... Если вы знаете таких людей — сообщите о них, список будет пополняться. Если хотите рассказать о себе — буду только рад знакомству.

7 января 2015

От себя хотелось бы добавить: насколько мне известно, в Японии и Великобритании существуют небольшие общины толстовцев уже более ста лет, и мы в следующих номерах нашего журнала постараемся о них рассказать. Вероятно, в нашей стране и в других странах существуют и другие люди, кроме упомянутых в статье, следующие учению Толстого в полной мере, но живущие настолько скромно, что интернет о них ничего не сообщает. В Индии, Японии, США, Австралии существуют движения, которые соединяют духовное наследие Льва Толстого с другими учениями: гандизма, индуизма, буддизма, протестантизма и др., они говорят о Толстом «Это мой учитель», применяют толстовские принципы на практике, но называть их именно толстовцами было бы неправильно.

B. A.

Еще раз хотим обратиться к тем, кто может что-нибудь узнать о дальнейшей судьбе А. В. Шевченко (Крым). К сожалению, в последние годы связь с ним была утеряна.

Александр Фетисов

Выход из насилия

Как перестать участвовать во всеобщем преступлении – убийстве и калечении людей

— Знаете, в чем заключается самый страшный обман нашей жизни, читатель?

Вовсе не в том, что мы были «без спроса» рождены с вами в мире, полном крови, слез, угроз и насилия. Есть у него и другая сторона – тихая, светлая, радостная.

Самый страшный обман нашей жизни (и самое глубокое наше заблуждение) заключается в том, что для выживания в этом мире нас с самого детства незаметно приучали к ответному насилию. И сегодня мы настолько привыкли к нему, настолько хорошо овладели искусством не замечать, оправдывать и примечать его, что уже не можем представить себе жизни без него; не умеем и не знаем, как жить по-другому.

О чем вам никогда не расскажут в учебниках

Э тот сложный, неоднозначный вопрос однажды уже вставал перед нами – как правило, еще в ран-

нем детстве; долгое время оставался нерешенным в юности и был окончательно отодвинут на самый дальний план приоритетов и ценностей к зрелому возрасту. Но сегодня мы вернемся к нему снова и спросим себя:

— Как относиться к тому, что наши ежедневные безопасность и спокойствие обеспечиваются за счет угрозы убийства людей?

Ни для кого не секрет, что возможность заниматься бизнесом, наукой, творчеством, путешествовать, помогать людям, создавать семьи, строить дома и растиль детей, – все это доступно нам сегодня при условии, что каждую минуту на страже нашего спокойствия стоят вооруженные люди (полиция, армия, специальные службы), работа которых называется «защищать» и «предупреждать», но по сути представляет собой **угрозу**

убийством и прямое принесениеувечий и смерти людям.

Кормит, одевает и вооружает этих защитников каждый из нас – даже тот, кому не по душе насилие и жестокость. Купили батон хлеба (литр бензина, киловатт электричества) – и сразу отдали им часть заработанных вами средств в виде налога, включенного в цену товара. Выказали лояльность или безразличие к их ремеслу – и дали повод продолжать угро-

зы и убийства. Позволили себе мысль, что это вполне допустимо, – и оправдывали свое участие.

И так – изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год.

Но вот однажды вы понимаете, что больше не можете жить во всеобщей атмосфере недосказанности, лицемерия и какой-то странной и страшной игры, в которую вовлечены против собственной воли. **Вы внезапно со всей отчетливостью осознаете, что на ваших руках – кровь и смерть реальных людей.** Вы не желаете мириться с зависимостью от насилия и решаете прекратить свое участие в угрозах и кровопролитии. Но первое же серьезное препятствие, с кото-

рым вы сталкиваетесь, – это отсутствие простого и ясного ответа, что следует делать.

Как перестать участвовать в насилии над людьми?

С чего начать, кому довериться, куда идти? Искать выход самостоятельно, в одиночку, или примкнуть к какой-либо группе, разделяющей подобные ценности? Пытаться «достучаться» до людей, бороться с проявлениями зла и нетерпимости в окружающем мире или признать это бесплодными усилиями и

А. Фетисов — Выход из насилия

начать строить свой собственный мир – внутри и вокруг себя? Обратиться к религии, философии, политике, идеологии или оставаться свободным от поддержки и влияния какой бы то ни было чужой мысли, социальных и общественных институтов?

1. оставляют в стороне вопрос личного участия в кровавом механизме защиты

2. оставляют в стороне **практическую сторону** этого вопроса: как жить (не умереть в три дня, отказавшись от всего мирского, а именно жить), не участвуя в угрозах и насилии

Поистине бесценный опыт воспитания доверия и честности в самих себе можно найти в священных книгах прошлого, пути подвижников, трудах философов, публицистов, общественных и религиозных деятелей. Необыкновенные по силе своего эмоционального воздействия, рациональности аргументов, честности, открытости и ясности изложения – они, однако, в большинстве своем:

над людьми? Что делать мне, простому человеку, не желающему убивать и калечить людей, – здесь и сейчас, в моих обстоятельствах, с моими проблемами, с моими скромными возможностями?..

И это – ловушка для честных, открытых, доверчивых людей. Потому что дальнее свой голос берет современное общество и начинает предлагать различные способы отвлече-

чения, но не решения этого вопроса. Вы попадаете даже не в информационный вакуум, а в настоящий информационный поток, который захватывает вас и несет в каких угодно направлениях, кроме того, которое единственно необходимо.

Для тех, кто ищет выход из зависимости от насилия и не желает участвовать во всеобщем преступлении – убийстве и калечении людей, – предназначен проект EXODUS.TODAY «Выход из системы»: <http://exodus.today/>

Виталий Адаменко

Востребованность взглядов Л. Н. Толстого в начале XXI века

Эти размышления возникли в ходе моей переписки с двумя людьми из Одессы

Поразмыслим над тем, насколько идеи Толстого утопичны, и вообще что такое утопия.

Мне думается, что утопическим может быть проект, планы будущего, но никак не мо-

ральные призывы. Если кто-нибудь призывает нас не курить, или не воровать, или не есть мясного, или не работать в субботу и т.п. — независимо от последствий, от воздействия на окружающих, просто для своей

В. Адаменко. Востребованность взглядов Л. Н. Толстого в начале XXI века

души — то все это не может быть утопическим по определению. Такие призывы всегда исполнимы, если только у человека достаточно воли, фактически при любых реалиях окружающего нас общества. Именно таким и был призыв Толстого.

Если в городе не будут убирать мусор, и он будет валяться кучами на каждом углу, то будут ли утопичными призывы к чистоте? Будут ли соответствовать реалиям окружающей жизни рассуждения о том, что такие кучи мусора породят эпидемию? ("Ваши разговоры о трезвости неуместны при моем алкоголическом состоянии") Мне думается, что вполне соответствуют, и чем больше будет мусора, тем более актуальными будут такие призывы.

Насколько же идеи Толстого актуальны, востребованы? Насколько его представления о реальности адекватны? Насколько его прогнозы в случае наступления тех или иных событий оказались верны?

Многие пишут, что если XIX век был веком теоретических рассуждений, то XX век — век практики. Мне представляется, что прошедшее столетие было просто колоссальным полигоном для двух видов "практики": во-первых, борьбы со злом с помощью насилия; а во-вторых, для ненасильственных действий.

В XX веке со злом с помощью насилия боролись самые различные группы людей, но главными, вероятно, оказались большевики. С совершенно реальным злом: эксплуатацией трудящихся, социальным неравенством и т.п., они боролись с помощью традиционного насилия, при этом ничем, никакими моральными ограничениями себя не сдерживая, на всю катушку. От этой борьбы зла становилось все больше и больше — в прямом соответствии с представлениями Толстого — пока карательная машина не поглотила почти всех ее создателей и участников. Оставшиеся в живых постарались остановить и демонтировать эту машину, дальше все в нашей стране стало медленно

деградировать, пока не сгнило окончательно.

А в других более молодых коммунистических государствах все повторилось заново, в еще большем масштабе, и достигло апогея в Камбодже. Все последствия насильтвенной революции и прихода социалистов, марксистов к власти вполне соответствовали тем предсказаниям, той схеме, которая изложена Толстым и в специально посвященных этому вопросу статьях (см. предисловие к книге Черткова «О революции», «К рабочему народу», «Письмо революционеру», «О социализме» и др.), и в тех статьях, где он только отчасти касается этих вопросов («Царство Божие внутри вас..» и др.)

В настоящее же время пальма первенства в этой практике перешла к американскому правительству, к НАТО. Во многих азиатских странах правители, чтобы укрепить свою власть, всячески терроризируют свой народ, а иногда и соседние, хуже, чем у нас в 1937. Это зло совершенно реальное, никто не спорит. Американ-

ское правительство, ничем особо не стесняясь, искореняет это зло с помощью колоссального насилия, со всей той мощью, которую предоставляет современная наука и техника. Разумеется, искореняет зло там и так, как сочтет для себя выгодным, укрепляя свою власть в мире. Зла от этого становится еще больше. (Стоит почитать «Две войны» или открытое письмо Волконскому по поводу войны в Южной Африке, чтобы понять, насколько это все не ново.)

В ответ все лидеры стран третьего мира стараются создать свое собственное ядерное оружие; а где не получается, то бактериологическое или химическое. То есть борются с тем, что им представляется несомненным злом — вторжением НАТО на свою территорию и ущемлением своей власти, своей свободы тиранить свой народ, — традиционно, с помощью насилия, опять же ничем особого не сдерживаемого. От такой борьбы зла становится еще больше. В этом году Корея уже собиралась начать ядерную войну.

В. Адаменко. Востребованность взглядов Л. Н. Толстого в начале XXI века

Все это мы видим ежедневно в новостях по телевизору. Интеллектуалы и простой народ США, Европы и других стран собирается на конференции и демонстрации, желая заставить все эти правительства прекратить как тиранию, так и колossalную борьбу с ней с помощью насилия. А мы сидим и наблюдаем, чем закончится это новое противостояние между простым народом и лидерами государств.

Масштаб публичных акций поразителен. Десять лет назад в антивоенных демонстрациях принял участие примерно 15 000 000 человек. Такого никогда не было в истории, ни по какому поводу: ни по поводу социального неравенства, ни по поводу расовой дискrimинации, ни по какому другому.

Если бы XX век породил только такую негативную практику, то и тогда уже можно было утверждать, что идеи Толстого актуальны, востребованы, его представления о жизненных реалиях адекватны, а прогнозы вполне соответ-

ствовали тому, что произошло в реальности.

Но прошедший период был практикой и для ненасильственных действий, более или менее в духе Толстого. Л. Н. не породил учения о ненасилии, оно существовало и до него, распространялось и помимо его, но он больше всех сделал для его теоретической разработки и пропаганды.

Чтобы оценить степень распространения этих идей в мире за последние 100-120 лет, то есть со времен Толстого, я думаю, лучшим критерием будет количество религиозных пацифистов. Если не рассматривать Индию и соседние с ней буддистские страны, где сторонников ненасилия всегда традиционно было много, что тогда, что сейчас, то сто лет назад в остальном мире, в России, Америке и Европе было примерно миллион сторонников ненасилия:

330 тыс. меннонитов,
100 тыс. бретренов, 90 тыс.
назаренов, 120 тыс. квакеров,
10 тыс. духоборов, какая-то
часть молокан, баптистов и др.

А сейчас порядка 100 миллионов (адвентисты, Свидетели Иеговы, восточные культы, распространенные на Западе, часть баптистов, пятидесятников, а за последние полвека также и католиков, и лютеран и англикан. По существу, каждая конфессия обзавелась собственными пацифистскими организациями (см.: <http://www.nonresistance.org/links.html>).

За этот же период население этих стран увеличилось не более чем в 10 раз. Это все, конечно, не точные цифры, но они вполне позволяют оценить масштаб и динамику происходящего. Идеи ненасилия со времен Толстого и во многом благодаря ему стали **В СТО РАЗ** более распространенными.

Толстой не верил в то, что правительство узаконит отказ от службы в армии («Письмо к шведам»), однако это сбылось.

Все столетие можно было наблюдать, как в разных странах число отказников увеличивалось, государство вынуждено было их легализовать, число "альтернативщиков" росло и расширялся круг лиц, за которыми признавалось такое право. В некоторых странах прекращен призыв, потому что отказников стало больше, чем обычных призывающих.

В 1948 году Коста-Рика добровольно распустила свою армию, а теперь уже около трех десятков таких же мелких стран распустили свои армии. Когда такое было?

Смертная казнь при жизни Л. Н. была отменена только в одном европейском государстве, а за столетие постепенно она исчезла во множестве государств. Конечно, не все так гладко и ровно, как прямая линия, но успехи-то колоссальные.

25 августа 2013

Павел Ефремов

Значение текущих событий

Я в последнее время мало пишу, а что начинаю — не выходит. Знаю, что такое же не только у меня. Я не буду писать о зажиме Интернета, об оскотинившихся СМИ. Честно говоря, мнение моё о последних всегда было далеко не лучшим, а то, что произошло с ними теперь, за эти полгода, даже за один месяц из этих полгода, только подтвердило это моё отношение, показало, что люди в атмосфере карьеризма и приспособленчества легко забивают слабый голосок совести, а когда уж с ним покончено, ложь сама идёт, как по маслу. Ну да Бог с ним: я уже лет 8 не смотрю никакие телевизионные передачи, кроме чего-нибудь познавательного (в последнее время и их не смотрю почти). И мне в общем-то практически всё равно было бы, дошли ли

они до последней стадии лжи или нет.

Гораздо больше занимает и огорчает меня то, как быстро огромное большинство людей встроилось в холодную (а в Украине и горячую) гражданскую войну. В замечательной статье Елены Санниковой на запрещённом российской цензурой сайте Граница.ru всё выражено совершенно верно, совершенно так, как я для себя это ощущаю: самое ужасное во всём этом то, что думающие люди, даже среди тех, кто был на Марше Мира, кто осуждал преступную Чеченскую и Грузинскую войны, начинают забывать о том, что борьба против агрессора (который представляется разным людям разным: Россия ли, США, Правый ли Сектор или Народное Ополчение Донбасса) и борьба за мир (который для всякого

честного человека не может не представляться одинаково как отсутствие войны, отсутствие убийств) — это две большие разницы.

Для многих агрессором является РФ и они уже готовы оправдать все те ужасы, которыми они увещевали россиян воздержаться от прямого военного вторжения на Украину, для кого-то, весьма вероятно, агрессором стало украинское правительство, решившее насильственным путём решить проблему Донбасса, что привело к жертвам в огромное количество раз большим, чем при оккупации Крыма Россией.

И совершенно не важно, насколько "равнозначны" эти позиции, кто более не прав. Главное здесь то, что, оказывается, очень быстро можно заставить людей, вполне, казалось бы, осознающих всё зло войны и государства как такового: пацифистов, христиан, даже анархистов (не говорю уже обо всех прочих группах) — заставить поддерживать и признавать необходимым то самое зло, которое они считан-

ные месяцы или даже недели назад проклинали: правительство, армию, весь аппарат насилия государства и отдельных вооружённых группировок.

Не так давно мне довелось читать «Письма о текущих событиях» анархиста кн. Кропоткина, в которых он точно так же открыто выступил на стороне стран Антанты против Тройственного союза и не просто считал победу первых "более желательной", но ругал своих товарищей по рабочему движению, не желавших брать оружие для защиты французской буржуазии, и, что уж совсем выглядело смешным, даже в придворных интригах между английским и немецким двором старался доказать правоту первых.

Не то же ли самое делаем и мы, выясняя, легитимна ли или нет киевская власть, нужно ли или не нужно помогать оружием "ополченцам", давить на Украину с помощью российского МИДа или на Россию с помощью санкций и т. п. Разве кто-то сомневался на том же самом Майдане, что власть,

взгламляемая олигархами, никогда не даст народу настоящей свободы, что среди них нет "плохих" и "хороших"? — А теперь олигархи считаются легитимными президентами и губернаторами. Разве кто-то строил себе иллюзии по поводу «Беркута» и милиции? — А теперь создаётся ощущение, что многие жалеют, что их пришлось так разогнать и "обидеть" на Майдане: ведь теперь они были бы очень нужны...

Разве у кого-то были иллюзии по поводу действующего в России режима, с его корумпированностью, политическим бесправием и репрессиями? Так как же теперь можно радоваться присоединению Крыма, т. е. распространению этой же системы ещё и туда плюс огромной трате денег? Как можно желать ещё и Донбасс? Как можно не видеть, что воюющие там — люди чрезвычайной жестокости, уже сами признавшие применение расстрелов, люди, которые в России состояли в самых одиозных группировках, наподобие РНЕ.

Многие скажут, что видят всё это, но — что делать? Ясно, что ни русское правительство не прекратит вооружать донецких боевиков и оказывать им всяческую поддержку, ни украинское правительство не согласится с потерей Донбасса, что было бы чревато обвинения в предательстве и верным концом политической карьеры. Ясно также, что никакая федерализация на самом деле донецким ополченцам не нужна — какой бы хорошей идеей это не могло бы быть (люди приехавшие воевать туда из России и фактически командующие вооружёнными формированиями менее всего заинтересованы в какой бы то ни было демократизации). Ясно, что никакого политического решения ждать не стоит, оно и вряд ли вообще возможно при нынешних правительствах.

В этих условиях возможна лишь личная позиция каждого отдельного человека, чётко осознающего, что на войне нет правых и виноватых. Пусть политики сколько угодно выдумывают и срывают "планы мирного" урегулирования, у

каждого из нас есть возможность, по крайней мере не вносить свою лепту в царящее безумие. Для всего этого нужно две вещи: не поддерживать своим участием существующее правительство, его насилие — и главное, воинскую службу. Второе же — не распространять или распространять чётко зная, кому это адресовано, информацию, которая может вызвать ненависть к кому-либо. Пусть даже сам распространяющий не имел никаких иных намерений, кроме как осудить зло, его слова и другие материалы могут служить другим сигналом к действию.

Ко всему происходящему надо относиться, как к испытанию. Уже очень многие его не прошли, уже очень многие избрали себе "меньшее зло", а вскоре забыли и о том, что то, что они избрали, было всё-таки злом. Пускай их ошибки послужат нам в минуты колебания примером того, как не надо поступать, как не сделать поспешных выводов, самим не поддаться соблазну "поддержки своих". Времена сумасшествия и разврата надо пережить, не поступившись истиной: **«Претерпевший до конца спасён будет».**

3 августа 2014

Илья Овчаренко

Поверь в человека

Поверь в человека,
В себе и в других.
Поверь в человека,
Пусть он страстен,
Он груб.
Воюет, сжигает,
Полу-зверь, полу-ангел.
Его справедливость требует
убийств в назидание.
Его любовь требует
жестокости как сострадания.

Но поверь в человека,
Его душа никогда не будет рада
жизни гада.
Душа его стремится ввысь,
Пожалей его, пойми...
Стоит ли сокрушаться перед
не паханным полем?
За работу берись.

И через века его семя прорастёт,
и он поймёт:
Кровью кровь не смоешь,

Грязью грязь не смоешь,
Защищать любовь невозможно злом,
Защищать любовь невозможно
палками, дубинками,
танками, убийствами....

2015, май

Песнь дворника, или Причашение

Иногда умиротворенно работаю на улице,
Сгребаю граблями листву со стихиями в ровню.
Мол, ветер, что кружит, кучкует листопад,
Мол, волны, что накатывают, сгребают ракушняк.

Мечты, чтоб стать свободным ветром,
Безмятежной... знающей, понимающей
морской волной.

Не так уж далеки.
Почувствовать величественную блажь,
Причастность промыслу и бытию,
Наравне с работягами природы,
Плечом к плечу
С ветром, холодом и дождём.

Беру грабли, иду сгребать листву.

2015, май

Зубы намекнули про смерть...

Зубы — индикатор.
Они намекнули про то,
Что вроде бы так далеко.
Что видать — не видать,
Что слыхать — не слыхать,
Про то, что скелет мой рушится,
Про то, что смерть — это факт.

Смотри на свои зубы, смотри.
Буди себя, буди.
Зубы говорят:
Задумайся, задумайся, задумайся,
Скелет твой рушится, рушится, рушится.
Смерть это факт.

Зубы сыпятся как песок,
Песок из песочных часов.
Зубы говорят:
Не разменивайся, не разменивайся
по мелочам,
Не держись за песок,
Не строй своего счастья на льду.

Настоящая цель только в настоящем.
В том, чтоб в себе
добро и честность растить,

Чтоб в настоящем максимум
мудрости добыть,
В настоящем максимум людям помочь,
обнять, простить, подружить.

Настоящее в том, чтоб
душевное здоровье растить
Чтоб как воробей на свободе: прыг-прыг
Чтоб как Г. Торо или Диоген:
независимым быть,
Чтоб как Сократ и Декарт:
глубинной мысли жить,
Чтоб как Толстой и М. Фукуока:
Самому себе хлеб растить, сапоги шить,
Ни у кого на шее не жить,
Всех накормить, согреть, всё объяснить,
Самый добрый, самый честный
личный пример дарить.
Чтоб как Будда: даже червяка не обидь
Чтоб как Христос: даже врага любить.

А поэтому уменьшать свою связь с тем,
Что утверждает границы,
армии, тюрьмы и полиции...

2015, июль

В. Я. Кокосов

„Не наш”

(Из воспоминаний врача о Карийской каторге)

О ссыльно-каторжном Егоре Рожков, из „не наших”, я узнал впервые от Ивана Павловича Мельших (старшего фельдшера каторжного лазарета) вскоре по приезде моем в Кару, в 1872 году.

Недели через полторы, при осмотре шести каторжных тюрем, я услышал рассказы о том же Рожкове от смотрителей тюрем, в которых, как оказалось, по очереди, перебывал Рожков «для исправления», «усмирения», «сокращения строптивости», в течение своей трехлетней каторжной жизни.

Наконец, и самому мне лично, — по особому предписанию, — пришлось увидеть Рожкова, лечить и наблюдать его в лазарете, в течение около шести месяцев.

Иван Павлович рассказывал:

— Странный, непонятный человек! Сумасшедший, не сумасшедший, а что-то в нем есть неладное, на других не похоже... Подумайте: три года его бьют, морят голодом, холодом; били плетьми, пороли розгами; чего-чего с ним не проделывали, чтобы заставить работать казенную работу, а он палец о палец не ударит... Так и по сие время не могут заставить работать. — «Работа не моя, а твоя; тебе нужна работа — работай, а мне она не нужна... я работать не буду», — вот и весь его разговор с начальством... Начальству, конечно, обидно слышать такое от каторжного, да и зазорно перед подчиненными, а главное — пред остальными каторжными... «Заставим работать!» «Будет работать!..» Да нет, не тут-то было...

Сначала, как пришел Рожков на каторгу, бывший заведующий, полковник За-н, испробовал над ним плети, розги, голод, холод. Не идет Рожков на работу, да и только... Один раз приказал силою взять, «хоть волоком тащите, а чтобы был на работе... Приеду в разрез, проверю...»

Разрез, в котором работали каторжные с верхней тюрьмы, был расположен верстах в четырех от нее. В разрезе снимали поурочно торф (восемь человек на кубическую сажень торфа) и обнажали золотоносный песок для промывки. Каторжных летом будят в 4 часа и выгоняют на работу, к пяти. Работа продолжается до 8½ — 9 ч. вечера. Будят их больше ружейными прикладами, а то и за бороду тюремный приставник, или смотритель с нар ставит, вот и разбудит! Очень-то с ними не церемонятся... С верхних нар, что устроены под потолками, над окнами, выгнать бывает труднее: темно, низко, ползать надо — иной и просидит... Здесь, в каторге, не говорят: выводить на работу, а «выгонять», — как стадо бара-

нов, — хочешь, не хочешь — иди! На то каторга... А битвы бывает с ними довольно... Ну, вот подняли, разбудили в тот день и Рожкова. — Выходи из тюрьмы! На работу иди; в разрез тебя велено! — кричал смотритель.

— Работа не моя, твоя; мне она не нужна; ты хочешь — работай!..

Прикладами, толчками, пинками, а больше волоком, за руки, за ноги, вытащили его из тюрьмы, через весь тюремный двор-ограду, за ворота, на улицу, где около ворот собралось выгнанное из тюрьмы каторжное население, — до 600 человек, и стояло рядами, в четыре шеренги, окруженное конвоем, с заряженными ружьями, в ожидании счета перед выходом на работу.

Дотащив волоком Рожкова до начала первой шеренги, бросили его на землю. Лежит Рожков, не шевелится... Начался и окончился счет выгоняемым на работу, подали сигнал... конвой окружил толпу... тронулись!.. Рожков ни с места, так и остался лежачим... В бешенстве подбежали смотри-

тель, помощник, тюремные приставники, караульный начальник-урядник — ни с места! Били прикладами, пинками; за бороду рвали, — лежит, как мертвый... Что тут делать? Время идет, да и приказ заведующего надо исполнить во чтобы то ни стало, обещал приехать — удостовериться... Каторжане стоят, посматривают, — что будет?

Догадались! Принесли носилки, усадили Рожкова, и каторжные, по очереди, несли его до разреза, версты четыре. Сидел он смирно и молчал всю дорогу. Донесли и бросили в средине цепи караула, которой окружается разрез, где производится работа.

Выводимые на работу каторжные, обыкновенно, берут с собою дневную порцию хлеба — летом 4 фунта, чтобы перекусить в полдень и выпить чашку кирпичного чаю. В полдень работа прерывается и дается отдых на полтора часа. Горячую пищу — „баланду” (суп) — едят раз в сутки, вечером, когда возвращаются с работы. Рожкову было не до хлеба, когда его выправаживали

из тюрьмы... Четырнадцать часов пролежал он на том месте, где его бросили, — не ел, не пил. Приезжал полковник З-н удостовериться; ему один ответ: «Работа не моя, а твоя. Хочешь — работай, мне она не нужна!» Полковник приказал тут же дать двадцать плетей. Вытребовали палача Сашку и отсчитали, избили до полусмерти. — «Пейте мою кровь, ироды, пейте! подавитесь и сами когда-нибудь!» — Вот его и весь сказ. После работы, избитого, хотели гнать пешком обратно в тюрьму... — «Вы меня принесли, сам я не шел, — мне не надо идти, вам надо, — вы инесите обратно!..» — Так и принесли обратно на тех же носилках, да и идти он не мог, — избит был крепко. Потом посадили его в карцер; в ручные и ножные кандалы заковали, на хлеб и на воду.

— Однако, он полуумный, сумасшедший какой-то, господин доктор? Пожалуй, его и быть грешно? — прибавил рассказчик.

— Бог его знает, Иван Павлович, что это за человек, необходимо близко узнать его

и тогда только можно что-нибудь сказать, да и то едва ли! Одно ясно: невероятное терпение, гигантская сила воли и душевной энергии... Что-то в нем сидит свое, не чужое, собственной душевной выработки, за что он готов на истязания, на смерть... А как с ним каторга?

— Каторга? Бог ее знает! Тоже и ту не скоро разберешь... Слышал я: деньги ему дают на хранение, у кого есть лишний грош, — не украдет! Смирный, говорят, не ругается; в драку не лезет... Все молчит больше... Обувь починивает, кому надобность; денег не берет... В карты не играет, водки не пьет... Каторге что? Ей любо, что нашелся человек, которого начальство сломить не может; это тоже чего-нибудь значит... „Не наш" он, — говорят про него...

— Не сердились, не ругались, что заставил нести себя на носилках?

— На битого каторга не сердится, г-н доктор! Все битые; а кто не был бит, — побьют!.. Несуразный человек этот Рожков, да и только. Двадцать лет я с каторгой служу, а такого не

видывал и не слыхивал... В лазарете за два года был один раз; больше в карцере отлеживается...

— Анафема, а не человек! вот кто этот „не наш", — говорил про него смотритель верхней тюрьмы, Одинцов. — Надоел он нам за эти три года, а все жив, — не оклевает! Не развязет рук... Черт ему помогает, должно быть, — не Бог же дал это дьявольское, невероятное терпение... Издается, анафема! Стоит перед тобой, как истукан; глазища свои огромные, черные, уставит; в упор смотрит, как из-под земли смотрит: неловко подчас становится. Из терпения выведет своими дурацкими ответами: «Работа не моя, твоя; тебе надо — ты и работай!» — Ну, в зубы ему и закатишь. Кровь льется, а он все смотрит и смотрит, как выходец с того света! Подлинный выходец!..

— Смирный какой-то, по своему, — рассказывал смотритель средней тюрьмы. Другой на его месте и ножом бы

В. Я. Кокосов — „Не наш”

прынул, — бывало и это! За глотку зубами бы схватил, а этот только глазищами ворочает, молчит и смотрит. Знаете, доктор, чего он поговаривает? Ты ему говоришь: «Тебя казна кормит, одевает, обувает, и ты должен за это работать, казенный хлеб отрабатывать!» А он: — «Казна не моя, а твоя... Она сама по себе, я сам по себе, — какое мне до нее дело? За что вы засадили и бьете меня? Я не украл, не убил, не ограбил, не обманывал, не мошенничал... Я сам по себе, а ты сам по себе... Выпусти! Я прокормлю себя, воровать не буду... Все здесь ваше, а не мое: вам оно нужно, мне его не надо... Что не мое, то я делать не буду... Ты сам по себе, я сам по себе, все мы сами по себе...» — Вот и потолкуй с этим „не нашим”, — разведешь руками, плонешь да и отойдешь. Он, этот Рожков, и вправду пришел за бродяжество: с поселения, в Иркутской губернии, бегал три раза и угодил на пять лет в каторгу. Откуда он раньше явился на поселение, — не знаю! Его прозвали „не нашим”, потому все говорит „не наше”, „не мое”,

„твое”... Каторга считает его, пожалуй, тоже не своим, „не нашим”, не подходящим, полуумным, — а уважает.

Егор Рожков прибыл на Ка-
ру в 1869 году, с арестантской
партией в числе 320 человек.

Управлением Нерчинскими
ссыльно-каторжными наряже-
на была обычная в таких слу-
чаях комиссия из делопроизво-
дителя управления, карийского
полицеймейстера, врача и
смотрителя пересыльной
тюрьмы, для приема партии.
Прием всякой вновь приходя-
щей партии каторжных состо-
ял: 1) в детальной проверке ка-
зенной одежды, обуви, канда-
лов, подканальников и т. д.,
числявшихся на каждом при-
шедшем; поверке сроков выда-
чи, по особым спискам, прила-
гавшимся присутственными
местами, где производилась в
дороге выдача, к статейному
списку; 2) медицинского
осмотра для распределения по
работам, по состоянию здо-
ровья, и выделения больных, для
изучения, в лазарет; 3) выбор

ремесленников, мастеров, сапожников, кузнецов и т. д. для работ в различных мастерских, и 4) распределение по разрядам сроков каторжных: бессрочных, долгосрочных, малосрочных — для расселения их по тюреммам каторги.

В летнее время прием партии производился вне тюремного здания, даже вне тюремной ограды, по близости тюремных ворот, на площадке, во избежание смены одежды между пришедшими и содержащимися в тюрьме. Вызывали по списку, по очереди. Вызвавший подходил к столу, за которым заседала комиссия, нагруженный своими вещами, и, подходя, обязательно снимал шапку.

— Егор Рожков! — выкрикнули по списку. Отделился из толпы каторжный, выше среднего роста, лет сорока-пяти-семи, с черными, ввалившимися в орбиты, глазами, черной окладистой бородой и усами; сухощавый, костилистый, с впалыми щеками и немного рябоватый. Подошел Рожков близко к столу, а шапки не снял.

— Шапку долой, мерзавец! — закричал на него полицеймейстер.

— Шапка не твоя, а моя, — ровным, довольно громким голосом проговорил Рожков, — ты хочешь — снимай свою, а я своей не сниму!

Полицеймейстер побледнел; каторжная партия притихла, как мертвая.

— Что-о-о? Что-о-о ты сказал, мерзавец? Повтори-ка! — вставая со стула, загремел полицеймейстер.

— Шапка не твоя, а моя; ты хочешь — снимай свою, а я своей не сниму — тем же ровным, громким голосом проговорил Рожков.

Удар кулаком по лицу свалил Рожкова на землю, его лицо залилось кровью. Взбесившийся полицеймейстер бил лежачего, пинал, ругался скверными словами.

— Розог! розог! — кричал он неистово, — я покажу тебе, раз... сын, что значит каторга...

Розги явились и началась жесточайшая порка... К изумлению всех, истязуемый не просил милосердия, не молил о пощаде.

— Пей мою кровь, кровопивец, пей! Придет и на тебя время, издохнешь, собака, — выговаривал, сквозь прорывавшиеся стоны, Рожков.

Истерзанного, замертво, его бросили в темный карцер пересыльной тюрьмы.

— Припомню я ему дерзости, — говорил полицеймейстер взволнованным голосом. — Ему предстоит еще получить двадцать плетей, за побеги с поселения; приговор должен исполняться здесь, на каторге, вот и бумага об исполнении в его статейный список вложена...

— Я ему припомню! Плеть не розга, закашляет со всех сторон!.. — кричал полицеймейстер, не стесняясь партии в 320 человек конвоя.

— Терпелив, анафема, к розгам. Посмотрим, что-то запоет под плетьями.

В статейном списке Рожкова, действительно, было обозначено: за третий побег с поселения в Иркутской губернии приговаривается к пяти годам каторжной работы и двадцати ударам плетью.

Донесли по начальству о дерзости, нанесенной полицеймейстеру каторжным Рожковым, при исполнении служебных обязанностей. Вышла резолюция: оставить в карцере, на хлебе и воде. По приведении приговора в исполнение зачислить в верхне-карийскую тюрьму, с неустанным употреблением в земляные работы и ни в каком случае не оставлять каторжные (т. е. не назначать на работы, необходимые в самой тюрьме: каморный старател, банщик, хлебопек, поварщик и т. д.)

Весть о Рожкове разнесла по тюрьмам та же партия, в которой он пришел на Кару. Задел за живое дерзкий поступок и всю чиновную братию, привыкшую к раболепству и полной покорности каторги. Явилось что-то новое, дикое, небывалое, неслыханное.

— Усмирится! После первых плетей усмирится! За версту шапку будет ломать, поклоны отвешивать... Таких ли каторга усмиряла... разбойников из разбойников, душегубов... А этот кто? Бродяга какой-то! побродяжка! тьфу!

В дико-пьяной чиновничьей жизни Рожков составлял событие. Канцелярские служители, до чина губернского секретаря (высший чин старшего по службе, зауряд-хорунжий, зауряд-сотники из писарей), состоявшие на гражданской службе, чувствовали себя обиженными небывалою дерзостью.

Три недели, закованный по рукам и ногам, пролежал Рожков в темном карцере, на хлебе и воде; в лазарете его не клали, а ходил к нему в карцер, для подачи помощи, фельдшер Иван Павлович.

— Я присутствовал при исполнении приговора, — рассказывал Иван Павлович. — Арестанты — вся тюрьма — были выгнаны в ограду в качестве зрителей — для устрашения!

Собралось начальство: полицеимейстер, смотритель много чиновников пришло, просто полюбопытствовать, чуть не все собрались. Разговаривают друг с другом, папиросы курят... Пересмеиваются... Конвой тут с ружьями, палач в стороне, скамейка поставлена

посредине ограды, наклонно к земле... Все ждут... Предчувствовал я, — будет что-то ужасное. Слышал уже и я, что Рожков отмочил при приходе полицеймейстеру, — тоже любопытствуя. Полицеимейстер маленький, вертлявый, побагровел от волнения, дожидаясь экзекуции. Привели Рожкова в ручных и ножных кандалах; шапка на голове... нарочно оставили.

— Шапку долой, мерзавец!

— Шапка не твоя, моя; ты хочешь — снимай свою, а я своей не сниму! — ответил тот громко.

— Ну, г-н доктор, что дальше было, — не знаю, как и рассказать! все озверели... — «Сашка! рубль на водку!.. двадцать! — бей не на живот, а на смерть... (Сашка был палач)... Запорю самого, если будешь фальшивить»... Схватили, разложили на скамейку... и н-а-а-ч-а-а-ал же он бить! мороз по коже, скамейка трясется! Молчит Рожков, кровь сочится, мясо клочьями висит... — «Кровопийцы! проклятые! подавитесь моей кровью!» — выговаривает он со стоном... Беда бы-

ла, г-н доктор: теперь ужасно вспоминать! А ведь я сотни видел наказаний за двадцать лет. Так и увезли в лазарет в беспамятстве... Чиновники разошлись; сказывают, и они диву дались, руками разводили... Да что они? Сашка палач диву дался, — а не то, что чиновники!.. В лазарете Рожков пролежал очень долго; молчал все больше... молчит и молчит... Доктору, на расспросы, скажет: «Твое дело, а не мое!» — на том и окончит... Мы, фельдшера, к нему так, сяк, — нам тоже любопытно! «Твое дело, не мое!» — один у него ответ был для всех... Так и отстали. Не жаловался ни на что: дадут ему есть — ест! Кажется, не принеси ему обеда или ужина целую неделю, — просить не будет. Поправляться начал, похаживать по палате, — все равно! одинаков... Бывало, — смотришь в дверное окошечко, что он делает? Все равно: лежит или похаживает. Больным товарищам, отвечает, разговаривает; но его, видимо, сторонилась и своя-то брат! «С чертом что ли он знается», — думали про него и... сторони-

лись... Ухаживать за ним ухаживали больные арестанты: они всегда за наказанным ухаживают, если могут, конечно. Отлежался; на выписку просится, «место другому надо опростать, — будет!» Так и выписался... Потом Рожков пошел по мытарствам, из тюрьмы в тюрьму переводили. Сначала в верхнюю тюрьму определили, к самому Одинцову: — усмирит! вышколит!.. Ничего поделать не мог, — а уж он ли не старался! Плети, розги, карцер, холод, голод, — все испробовал!..

— Работа не моя, твоя; хочешь ты — работай, а мне она не нужна! — Обидно и смотрителю: все слушаются, все боятся; взгляда одного боятся! а тут какой-то бродяга знать ничего не хочет, да еще „кровопивцем“ обзывает при всех. Пробовал полковник З-н и теперешний заведующий, Марков, своей властью (им разрешено до двадцати плетей назначать своею властью) — бить его, неоднократно, — ничего не поделали! Все ту же песню поет и заведующему: «Работа не моя, твоя!» Бог его

знает, как он жив по сие время... Теперь больше в карцерах сидит, на хлебе и воде, в ручных и ножных кандалах... В новой тюрьме, у смотрителя Ладыгина, шестой месяц в карцер заперт; так и сидит по сие время.

С понятным любопытством, а еще более с невольным, в душе, уважением к невероятной выносливости, железной, непреклонной, гигантскойbole, — в силу каких-то сложившихся верований и убеждений о «вашей» и «нашей» работе, — неизвестного каторжника, подъезжали мы с Иваном Павловичем на казенной тележке к «новой» тюрьме. Накануне, по донесении смотрителя Ладыгина управлению ссыльно-каторжными о тяжкой, опасной болезни Егора Рожкова, я получил предписание: «осмотреть и, если необходимо будет, положить его в лазарет на излечение». В первые месяцы жизни на Каре, пока я не знал тюремных порядков и обычаев, Иван Павлович был постоян-

ным моим спутником во всех служебных поездках по каторге, разбросанной на 30-верстном протяжении по р. Каре. Бесхитростные рассказы его о прошлой и настоящей карийской жизни, о каторжных, администрации, горном ведомстве и т. д. были не только занимательны, но и поучительны для меня... Человек он был простой, без всякого почти общего образования, с доброй и открытой душой. Нередко он „зашibal“, т. е. записывал дня на два, на три, самое большое на четыре.

Зшибали и все остальные фельдшера лазарета; грешный человек! — зашибал и я первые пять месяцев пребывания на Каре... Слишком была необычна и тяжела окружающая обстановка и больно претило обязательное присутствие, как врача, при кровавых расправах с каторжными по решению судов, а то и просто без решения, по единоличному назначению заведующего нерчинскими ссыльно-каторжными — „не более двадцати ударов плетьми“... Может быть, судьба и простит мне, да и моим сослу-

живцам, фельдшерам, „зашивание” — за те муки совести, которые приходилось испытывать при каждой кровавой расправе!

— Вот и увидите, г-н доктор, Егора Рожкова, о котором все меня расспрашивали, — заговорил по дороге Иван Павлович, — каково-то он выглядит? Кажется, месяцев шесть, если не больше, сидит он в одиночке, на хлебе и воде, да, пожалуй, и закованый по рукам и ногам... Просидеть долгое время в карцере — добрых плетей стоит!

— Да, интересный человек — этот „не наш”.

— Увидите сами и узнаете, что в нем интересного.

Через три четверти часа, мы подъехали к громадному тюремному зданию новой (нижней) тюрьмы. Тюрьма стояла одиноко, без каких-либо жилых домов в окружности, — между Нижней Карой и Усть-Карой, — в 5-ти верстах от первой и 10-ти от последней... Тюрьма была построена, сравнительно, недавно: лет десять — двенадцать и по новому типу. Фронт ее с окнами, с же-

лезными в них решетками выходил не в ограду, а на улицу. Тюремная ограда начиналась от крайних ее углов и огораживала только заднюю ее часть, а не все здание. В тюремной ограде находились арестантская кухня и баня. С левой стороны ограды, саженей на 15 — 20 от нее, был этажный дом, на две половины, с общим входом посередине, для смотрителя тюрьмы и командующего сотней офицера. Казачья пешая сотня конвоя помещалась в том же тюремном здании, в правом крыле, с выходом — крыльцом не в тюремную ограду, а на улицу. Каравульное помещение отделялось от арестантских камер капитальной стеной, без какого-либо входа из казармы в арестантские помещения.

Мы подъехали к крыльцу смотрительского дома. Смотритель тюрьмы, канцелярский служитель, А. В. Ладыгин, пожилой, лет 50 человек, невысокого роста, старообразный, сухощавый, с парализованной правой рукой, встретил нас на крыльце и пригласил в свою квартиру.

— Рожкова изволили приехать свидетельствовать?

— Да, Рожкова! Вот предписание...

— Знаю, знаю! Я доносил в управление... Плох! очень плох стал! Побоялся ответственности, как бы не умер... Не ест, не пьет... Пластом лежит больше недели... Умрет здесь, тогда возись с ним... Неприятности наживешь...

Канцелярский служака разгильдеевских времен, обремененный дюжиною детей, по видимому, не шутя боялся смерти Рожкова в одиночном карцере, — в неустановленном месте, и торопил осмотром.

Мы вскоре вышли из квартиры смотрителя и вчетвером: — нас двое, смотритель и карабульный начальник — через тюремную калитку и двор вошли в тюремный коридор. Здание было выстроено покоем и коридор шел, с внутренней стороны, кругом здания. В конечной части коридора, освещенного одним окном, — в углу соединения среднего коридора с первым, — были расположены четыре окованные железом двери, ведущие в кар-

церные помещения, запертые висячими замками.

Смотритель отворил крайнюю к стене дверь карцера и запах разлагающегося трупа поразил наше обоняние. В полной темноте ничего не было видно: слышно было чье-то хрипение и сопение. Смрад был невыносимый. Принесли зажженную сальную свечку, и я вошел в карцер. Комната три аршина длины, полтора ширины, направо выходил край печи, одна на два карцера. Налево во всю длину карцера, нары трех четвертей ширины свободного пространства между нарами и противоположной стеной три четверти; высота четыре аршина. Окна не было, в двери — небольшое (с квадратную четверть) отверстие со стеклом. На полу, у нар, грязная деревянная шайка с экскрементами; пол мокрый, ослизлый. На нарах хрипел и сопел получеловек, полулучуп. Мириады вшей ползали по лицу, закрытым глазам, по бороде. Лица я не мог разглядеть, да и все остальное едва видел в темноте, плохо освещаемой свечкой.

— Александр Васильевич! да его вши живого съели. Вынести его в коридор, в ограду, на свежий воздух!

При помощи каторжных из ближайшей камеры Рожкова вынесли на свежий воздух.

Сине-багровое, раздувшееся лицо, с вывороченными от раздувшихся десен губами; опухшие, темно-багровые руки и ноги; грязные, изгнившая рубаха, порты и суконные шаровары; ручные и ножные кандалы; мириады ползающих насекомых — вот что мы увидели при божьем свете. Гниющая куча хрипела и тяжело дышала.

— В лазарет его сейчас же! Александр Васильевич! вы его живого сгноили... грешно вам перед Господом будет за такое надругательство, — невольно вырвалось у меня.

— Я не виноват. Сидел он в карцере по распоряжению заведующего, я тут не причем! Я донес, когда увидел, что плох становится... Донес немедля...

— Нужно снять ручные и ножные кандалы. Я, как врач, дам вам записку на расковку... Посмотрите, что у него сделалось с руками и ногами!

Опухшие от цинги руки и ноги не вмещались в железный ободок оковки, и железо врезалось в распухшее тело. Руки и ноги побагровели, были все в язвах серо-грязного цвета. Вши копошились около оковки и ползали по язвам. Немалого труда стоило кузнецу расковать оковы. При расклепывании долотцо срывалось и резало тело; сочилась кровь. Грязные, изгнившие рубаха, порты и шаровары составляли все одеяние; ноги были босы. Принесенные из карцера шапка, шинель, которые служили постелью, подушкой и одеялом, были пропитаны экскрементами... Вообще, Рожков представлял из себя разлагающийся труп...

— Принесите новое белье, шапку и халат, а все это скрежеть тотчас же, — распорядился я.

Больного кое-как очистили, переодели и уложили на солому, настланную в телеге. Мы с Иваном Павловичем тоже уселись в свою тележку и шагом поехали за больным.

— Иван Павлович! как повашему называется подобное содержание в карцере? —

спросил я. — Ведь это уже беззаконнейшее истязание, а не наказание... Ведь даже во рту вши ползали... Часто видели вы здесь что-нибудь подобное?

— Однако, плохо дело Рожкова, — ответил Иван Павлович уклончиво.

Я испытывал прилив негодования и злобы. В лазарете Рожкова обмыли в ванне и уложили на лазаретную койку.

Представив заведующему исполнительный рапорт, в котором было описано подробно, в какой обстановке, положении и состоянии найден больной, — я прибавил, что подобное содержание должно быть признано истязанием. Ответа или специального приказа по каторге не последовало.

Месяца через два пребывания на лазаретной кровати, начал вырисовываться человеческий облик Рожкова. У него была высшая степень цинги: кровоточивые десна безобразно распухли, зубы шатались, по всему телу были цинготная опухоль и подтеки. Постепенно, однако, все это уступало усиленному питанию, свежему, по возможности, воздуху, мо-

жет быть, лечению и уходу, а по всей вероятности также, — железному складу больного.

Он не стонал, не жаловался, ничего не просил, как часто делали другие больные; а лежал молча, угрюмо, с закрытыми по большей части глазами. Затем он стал садиться на кровати, опустив ноги на пол. При одной из визитаций по лазарету, осмотрев и поговорив с больным, лежавшим рядом с ним, с правой стороны, — я подошел к кровати Рожкова.

— Что, Егор, лучше себя чувствуешь? Поправляешься помаленьку?

— Это дело не мое, а твое, — ты на то доктор! Хочешь смотри, хочешь нет, твое дело! Смотри, коли надобность есть!

— И он отвернулся.

— Извини, брат, что спросил тебя о здоровье! Верно ты говоришь, на то я и доктор, чтобы не беспокоить больных понапрасну.

И я отошел к следующему больному. В душе меня крепко кольнуло от неприветливого ответа и даже в глазах защекотало что-то. В последующие посещения больных, к Рожкову

с расспросами я уже не обращался. Осмотрев и поговорив с рядом лежавшим больным, останавливаясь у кровати Рожкова, я спрашивал у дежурного фельдшера:

— Вино, молоко получал? Не жалуется ли на что? Не мало ли пищи? Съедает ли порцию? — И затем я переходил к следующему больному, присаживался на кровати, осматривал, расспрашивал.

Так прошло недели две. Рожков начал похаживать, опираясь на палку, по палате, видимо поправляясь и делаясь бодрее. Пищу ему переменили — перевели на мясную: молоко и водка остались по-прежнему.

В одно из вечерних посещений, поговорив и осмотрев рядом лежавшего больного, который тоже поправлялся и поднимался уже с постели, я, по обыкновению, спросил фельдшера о Рожкове и перешел к следующему, как вдруг услышал вопросы:

— Что же меня-то обходишь?

Я быстро обернулся к спросившему... На меня глядели в упор два черные, бездонные

глаза, — именно, «как из-под земли», и едва уловимые проблески веселости, скорее юмора, легкого подтрунивания — искарились в них... Лицо было бледно, спокойно, неподвижно.

— Извини, ради Бога! Но ведь ты не любишь, когда тебя расспрашивают...

— Не любишь и любишь само по себе...

— Поправляешься, Егор? Каков твой аппетит, сон? Не нужно ли прибавить чего к порции?

— Спасибо! Похаживаю... Прибавлять ничего не надо... Будет! Водку убери!

— Очень рад! очень рад! Поправляйся... поправляйся... плох ты был... Поправляйся... — я говорил бессвязно; до того неожидан был для меня этот первый человеческий разговор с Рожковым, начатый вдобавок им самим. — Присесть на кровать можно?

— Садись! Чего спрашивать? Кровать не моя, твоя...

— Не моя кровать, Егор, казенная.

— Все равно! садись!

Я осмотрел его подробно; выслушал и выступкал в первый

раз с тех пор, как он стал относиться сознательно и разумно к окружающему. Все было в порядке и выздоровление было несомненно.

— Отлично, Егор! Здоров будешь! Верно тебе говорю...

— Здоров? Ну и ладно!

На этом мы и расстались в тот вечер.

В моей серенькой, одинокой, угрюмой и однообразной жизни вечер этот показался очень хорошим. Возвратившись в свою несуразную комнату с железной решеткой в окне, я не замечал ее убогости и неприглядности. Чем-то особым повеяло на меня от этого маленького эпизода, человеческим и добрым.

Собрались сослуживцы фельдшера: Мельших, Морозов, Шатель, Долинин и Васильев, и все дивились, что Рожков заговорил, **сам** начавши разговор.

Один из фельдшеров, впрочем, подыскал объяснение:

— Извините, г-н доктор, — сказал он, — но ведь и вас каторга считает юродивым, блаженным... Не взыщите: не я выдумал, слышал много раз...

— Пусть считают, как хотят, — подумал я... — Ну что ж, пусть юродивый, только бы в одну кучу не складывали с остальными...

С больными, в палате, Рожков в разговоры почти не вступал и держался одиноко... Лежит, бывало, целыми днями на кровати, на спине, заложивши обе руки под голову, — и смотрит в потолок. Но со мной после этого первого случая стал разговаривать. Правда, он был все-таки очень сдержан, сам разговора не начинал, на вопросы отвечал неохотно, с большим раздумьем; подчас, пожалуй, пренебрежительно: «отвяжись, дескать, что вяжешься». Бывало и вовсе не ответит на вопрос.

И все-таки со временем мне удалось, до известной степени, схватить сущность его взглядов, определявших его поведение.

— Я сам по себе, ты сам по себе, то есть я живу по своему, как сам хочу; как думаю, так и живу, а не как прикажет кто-либо другой, посторонние — не я. Живу не по приказу, не по указу... Сам Бог повелел так

жить людям издревле... раститеся и множитесь и наполняйте землю, повелел Он... Не повелел Он поклоняться, подчиняться другому, себе подобному, равному... Всякий сам по себе живи! Так жили долго древние люди... Потом пошли указы и приказы Моисеевы: живи, делай вот так, как он хочет... А я не хочу, и не буду по приказу его, он такой же, как я, — один Бог сотворил! Я хочу сам по себе; воли ему не дано указывать мне... Я вольный душою и телом: живу, как думаю, делаю, что желаю... Ты вот наемник, — не делаешь «сам по себе», а что тебе прикажут... Я знаю: чуть не плачешь, когда видишь, как бьют человека плетьями, — а все-таки идешь... Я бы не пошел! Выходишь ты наемник, — не сам по себе... Больных лечишь, убиваешься, — а какой толк? Вылечишь — в тюрьму усылаешь и опять лечишь... Не правильно это! Доброты мало: надо делать так, как думаешь... Я не ваш, и ты не наш... Убить, ограбить, украсть, обмануть, оклеветать — грех! Другому вред, другой жить хочет, —

всем места хватит!.. всякий сам по себе живи! Я не обманываю: говорю, делаю, что думаю, — вреда никому нет! Шапка не твоя — моя, — хочу сниму, хочу нет, — моя воля! Другой тоже сам по себе, — как думает, так и делай, его воля — снимать или не снимать... Для другого худа или вреда в моей шапке нет... Им надо по-своему, мне по-своему... Вреда бы не было от этого!.. Им надо золото, мне не надо; им надо деньги, мне не надо, — вреда от этого нет никому... Им надо подати, паспорты, — мне и их не надо... Им надо работу, — работа не моя, — пусть они и работают... что им надо, — мне не надо, — кому тут вред? Они заперли меня под замок, бьют, заковали, — их сила. А все-таки они сами по себе, а я сам по себе... Моего им не отдавал и не отдам... Я не убегу от тебя или от караульного — вам вред сделаю, вреда не надо... Ждать буду, когда срок окончится, — уйду без вреда! Жена есть, дети — они там, далеко!.. На что тебе? Они сами по себе... Все мы сами по себе...

На шестом месяце поступления в лазарет, Рожков выписался по собственному желанию. Я уговаривал его отдохнуть еще, окрепнуть; но он отказался наотрез.

— Выпользовался; здоров; чего буду валандаться? Другому место загораживать? Спасибо за труды!

Подействовала ли продолжительная, тяжкая болезнь Рожкова или рапорт мой, с описанием ужасного состояния, в котором он находился при медицинском осмотре в карцере, или что-либо другое, — только его в карцер не посадили, в работу идти не неволили, а поместили в общую арестантскую камеру Средне-Карийской тюрьмы, заковав, однако, в ручные и ножные кандалы.

Как малосрочный каторжный — бродяга, осужденный на пять лет, он окончил уже срок испытания и должен был быть переведен в разряд исправляющихся, с правом жить вне тюрьмы и с обязательством выходить на все работы, до окончания срока. Но в виду упорства и нежелания рабо-

тать, его содержали постоянно в тюрьме и не аттестовали достойным перевода в другие разряды. В течение последующего, — 1873 года, — жизнь Рожкова была, сравнительно, более легкой: на него, как говорится, махнули рукой и оставили в покое — в ручных и ножных кандалах, в общей арестантской камере. Да и смотритель Средне-Карской тюрьмы, Д. И. Барила, был человек более гуманный, толковый и понимающий.

Много раз, после выздоровления Рожкова, приходилось видеть его, посещая тюрьмы по обязанности службы.

Он смотрел, по-прежнему, угрюмо и на вопросы отвечал нехотя, если я был один, или совершенно не отвечал, когда я входил со смотрителем или караульным начальником.

Сидит, бывало, на нарах, в своей неизменной, истасканной шапке на голове и при входе начальства не подымается и не снимает шапку.

В приезд на Каню его императорского высочества, великого князя Алексея Алексан-

В. Я. Кокосов — „Не наш”

дровича, в июне месяце 1873 г., Рожкова упрытали с глаз, чтобы не нажить каких-либо неприятностей при случайной встрече высокого посетителя с неисправимым каторжным. По отъезде его высочества, Рожкова опять поместили в общую камеру, не снимая оков...

В конце того же 1873 г., кайская тюремная администрация, с полковником Марковым во главе, почти поголовно была отдана под суд за воровство и грабительство и хищения, последствием которых явились одновременно эпидемии цинги и сыпного тифа, унесшие в могилу до 800 человек. По суду, полковник Марков был лишен всех прав состояния и сослан в Якутскую область на поселение.

В сентябре 1873 г. прибыл на Кару новый начальник, подполковник В. О. Кононович. Глубоко честный, гуманный и образованный человек, редкое явление в сибирской чиновничьей среде. Каторга увидела новые, небывалые порядки.

Узнав подробно обстоятельства каторжной жизни Рожкова, новый начальник повидал

его в тюрьме; получил те же ответы, как получили и другие спрашивавшие; приказал расковать и содержать на общем основании, не приневоливая к работе.

В 1874 г. окончился пятилетний срок каторжных работ Рожкову и он были уволен на поселение, с причислением в одну из волостей Забайкалья.

В 1892 г., состоя на службе в г. Чите, совершенно случайно узнал я о смерти Егора Рожкова, „дедушки Егорушки из не наших”, как его мне рекомендовали. Рожков умер в той же Чите, в 1885 г., сгорбленным, седым, дряхлым с виду стариком, проживая с товарищем поселенцем у вдовы чиновницы Н-ой, в ее небольшой отдельной кухоньке.

Занимался Рожков, — по рассказам хозяйки, — kleeniem коробочек, выливанием из олова крестиков, колечек, плел он также корзинки и продавал все это на базаре, чем и питался. Старик страстно любил детей и постоянно покупал им лакомства на последние свои крохи.

Дети так и обращались к нему: «Дедушка Егорушка не наш, дай конфеточку!»

— Дам, дитятки, дам родные, — много дам! вот только сработаю крестики и продам на базаре! — утешал старик детишкам шамкающим голосом.

— Хороший, тихий старик был Егорушка, — рассказывала хозяйка. — Долгоночко прожил в моей кухоньке, на отеле, — жил с товарищем. Плату вносил исправно. Все сидит, бывало, дома, ковыряет чего-нибудь; коробочки клеит; крестики, колечки выливает, — большой искусствник был выливать, покойный! Ребята сидят с ним, смотрят на работу. Ребята его очень любили; баловник был большой, да и ласковый для них. «Дитятко родимое! да дитятко родимое!» А ребята, известно, и лезут на ласку. Вижу, надоедают ему, прикрайнешь, а он ничего, еще больше ласкает их. Чудной старик был! Попов не любил, чиновников тоже... С взрослыми мало разговаривал, все с ребятами... Водки не пил, табаку не курил... Убогой он был: все кашлял; кровью харкал... худой

был как скелет. В больницу не шел: — «Не надо! Другим нужнее!» Товарищ его все настаивал, чтобы он исповедался и причастился: «Не надо! — говорит» — и так место найдется!» Откуда он появился, не знаю, а умер, хлопот наделал!.. Была у нас тогда простота в Чите: билетов, паспортов хозяева не спрашивали, нанял — живи, благо смирный, да не озорной. Так он и жил у меня, никому не мешал, работал по-своему. Умер скропостикно; встал, пошатнулся; оперся рукой на девочку, тоже жиличку, лет десяти, — та испугалась, закричала... Было это в четверг, на последней неделе Великого поста; белили тогда у нас в доме... Оперся на девочку, охнул; потом на ленивку оперся — и дух вон! Хлопот было много! Оказался беспаспортным; товарищ его с билетом, а у него билета не было. „Не наш“ и правду оказался... Я думала его в шутку ребята не нашим дразнили... Вот тебе и Егорушка дедушка!.. Дай Бог здоровья полицеемейстеру По-

* Палку. — Прим. ред.

В. Я. Кокосов — „Не наш”

прядухину; добрый был человек: поговорил, поговорил, да и устроил подпиську, чтобы склонить Егорушку — медного расколотого гроша после него не осталось... Так и

похоронили!.. Ребята, те убивались по нем, плакали: — «Нет дедушки Егорушки, — умер. Наш был дедушка, а не ваш!»

«Что такое "сектанты" и чего они хотят?», вып. I, с пред. И. Ф. Наживина, М., «Посредник», № 661, 1906.

Владимир Яковлевич Кокосов (1845-1911) родился в Пермской губернии в семье сельского священника. В 1870 г. закончил Петербургскую медико-хирургическую академию и более 30 лет проработал врачом в Восточной Сибири и Забайкалье. Был начальником Читинского военного госпиталя. Женился на дочери политического ссыльного. В 1903 г. вернулся в Центральную Россию и до 1907 г. работал врачом в Нижнем Новгороде.

Из дневниковых записей, сделанных Кокосовым во время работы среди каторжан в Нерчинском округе, родился цикл очерков «Рассказы о Карицкой каторге». Первым был напечатан в 1902 в журнале «Русское богатство», № 5 очерк «Не наш». Как писателя его высоко оценили В. Г. Короленко и М. Горький. Рассказ «Гидра», прочитанный с рукописи, получил одобрение Л. Н. Толстого.

В 1955 в Чите вышел сборник В. Я. Кокосова «На Карицкой каторге», куда были включены почти все его очерки, кроме «Не наш».

«Не наши» — малочисленная радикальная группа старообрядцев, о которых сохранилось очень мало информации. В дальнейшем мы планируем поместить материалы и к истории других направлений: бегунов (Странническое согласие) и нетовцев (Спасово согласие), о которых нам известно гораздо больше; а также известно, что их общины существуют и в наше время.

Леонид Перно

„Общество Друзей“ (квакеры)

Основателем секты квакеров можно считать англичанина Джорджа Фокса. Джордж Фокс родился в 1624 году в городе Дрейтоне, в средней Англии, и прожил 67 лет. Свою жизнь и проповедническую деятельность Д. Фокс описал в своем «Журнале». Его современник, Вильям Пэнн, написал предисловие к этому «Журналу», в котором тепло и сердечно отзывается о личности Д. Фокса.

«То был человек, — пишет о нем В. Пэнн, которого Бог наделил ясностью и большой глубиной; он умел распознавать душу людей и в большом совершенстве владел своей.

Человек нравственной жизни, он не был ни суеверен, ни тщеславен, ни раздражителен, ни критичен; все, что он гово-

рил, было безобидно или поучительно. Так он был кроток, нетребователен, осторожен и нежен, что быть с ним было удовольствие. Он считал себя властным только над злом и это везде и во всех, но властвовал с любовью, состраданием и долготерпением».

В этом же предисловии В. Пэнн формулировал символ веры квакеров. Впоследствии предисловие это было сокращено и издано удешевленной брошюрой.

В. Пэнн начинает свое изложение древнееврейской богословской легендой о сотворении мира. Бог сотворил мир и первых людей в нем безгрешными и чистыми; но хитрость дьявола и слабость женщины соблазнили Адама, и с

Л. Перно — „Общество Друзей" (квакеры)

тех пор пошел грешный род людской.

После грехопадения люди ходили в темноте, ища спасения Бог всемогущий не оставлял их, тем более, что грех был совершен непреднамеренно. Он воодушевлял сердца избранных и посыпал своих пророков возвещать о возможности спасения. Наконец через Христа он низвел дух свой, соединив таким образом небо с землею. Нищие духом, чистые сердцем, кроткие и смиренные познали Бога через него, — то были первые христиане. И служили они Богу с тех пор не в Иерусалиме и не на горе Савской, а в духе и истине. Но велик был соблазн кругом, и многие отделялись от них и переходили на сторону силы, славы, власти и уже оттуда во имя Бога преследовали Бога в христианах. Все меньше становилось число христиан, все больше терпели они презрений и гонений, все больше уединялись от мира, становясь серьезнее и уединеннее. Так протекали века. Смиренные, кроткие, ищающие мира и любви они ходили в мире, как овцы без

пастуха. Так под гонениями и казнями дошло живое христианство до нашего времени. В 16-м столетии в Англии таких людей называли одни «Искателями», другие «Семейством любви», потому что когда они сходились, они сидели молча в любви, дожидаясь, пока дух Божий не коснется чьей-нибудь мысли, и тогда тот высказывал ее. Называли их также «квакерами», сами же они называли себя «Друзьями», «Обществом Друзей».

Основа веры квакеров по В. Пэнну та, что они сознают в себе дух Христов, данный людям для их спасения. Из этой основы вытекает, во-первых, сознание человеком своей греховности, во-вторых, скорбь за свою греховность и, в-третьих, стремление исправить себя, — стремление к совершенству.

Кроме этих трех пунктов из основного положения веры квакеров вытекают еще следующие правила жизни.

1) Любовь и уважение друг к другу.

2) Любовь к врагам. Квакеры не только не ненавидели своих врагов и не мстили за

сделанное им зло, но спокойно терпели и всячески делали добро своим недоброжелателям.

3) Говорить всегда просто и правдиво, не клясться, как и Христос учил; но они и так не могли поступать иначе, потому что жизнь их в духе и истине.

4) Отрицание войны. Война происходит от страстей человеческих, а не от кроткого духа христианского; мечи должны быть перекованы на плуги и копья на серпы. Правительству можно повиноваться только в том, что не противоречит совести.

5) Не платить церковных налогов, ибо духовенство не от Бога, а самозванно и служит ради выгоды.

6) Обращаться с людьми просто, искренно и серьезно, без лести и жеманства.

7) Всем равно говорить «ты».

8) Не говорить лишнего, избегать споров и шумных собраний, сохраняя ум свой в чистоте и спокойствии.

9) По этой же причине не пить спиртных напитков и не

угощать других, не биться об заклад.

10) Браки совершаются так. Жених и невеста обещаются перед Богом быть верными друг другу до гроба и при свидетелях объявляют о своем намерении. За некоторое время до окончательного решения об этом объявляют на общем месячном собрании. Собрание, удостоверившись в чистоте их намерения и в том, что они не оставляют беспомощных родителей, дают свое согласие, записывают в свои книги и выдают им нечто вроде свидетельства, на котором расписываются брачующиеся и некоторые из свидетелей.

11) При рождении детей, спустя несколько дней, родители в присутствии акушерки или бабки дают новорожденному имя; об этом опять заносят в книги, а родителям выдают свидетельство за подпись лица, присутствовавшего при родах.

12) Похороны совершаются с такой же простотой. Гроб простой, без украшений. Перед опусканием в могилу на минуту водворяется тишина и спо-

Л. Перно — „Общество Друзей" (квакеры)

койствие, чтобы, если кто хочет, мог сказать слово, чтобы родные умершего могли сказать последнее прости и чтобы присутствующих коснулось дуновение смерти, напоминающее о неизбежном конце земного существования.

Проповедовали они свое учение тем, что обращали внимание людей на их духовную сторону, которая в них, но которая не от них и через которую они сами могут познать все то, чему учат квакеры. Но ничто не проникает в сердце, как только то, что из сердца и ничто не пробуждает совести, как только то, что исходит из живой совести; поэтому они больше заботились о том, чтобы самим жить согласно своей вере, а не о том, чтобы проповедовать ее другим.

Отечески заботливо обращается Пэнн к молодым единоверцам.

«И вы, молодые обращенные, будьте вы неутомимыми работниками Божими в том свете, который он вам открывает. Не смотрите вне себя, смотрите внутрь себя; да не будет распущенность других

вам соблазном, — не подражайте другим, но поступайте по сознанию голоса Божьего в себе; не топчите нежный росток его в душе вашей, не заглушайте святое, слабое дуновение его желаниями и привязанностями. Помните, это тихий голос, и вы не услышите его в беспокойной душе, но ясно в спокойной. Христос любил уединение, уходя часто в горы, в сады, к морю, чтобы избегать суetu толпы; он примером учил учеников своих, что уединение хорошо, что хорошо быть свободным от привязанности к миру.

«Два врага сторожат вас: воображение и беспринципность. Но простая, живая, святая истина, которая обратила вас, будет охранять вас, если вы будете беречь ее в себе, и все мысли, склонности и чувства свои будете проверять ею; через это у вас создастся правильный вкус и суждение. И унаследуете вы вечную истину».

Спокойное, доброе чувство, которым проникнуто изложение Пэнна и на которое он указывает, как на свет Христов,

есть чувство любви и сострадания, присутствие которого в человеке и есть условие истинного религиозного чувства. Из него естественно вытекает отрицание всего того, что нарушает это чувство, т. е. те правила, который выше изложены по пунктам. Поэтому жизнь квакеров добрая и плодотворная. Но в изложении их веры встречается еще не мало суеверий, как например о сотворении мира, о дьяволе, о Христе-Спасителе, святости Библии и др., которых я умышленно избегал, чтобы не повторять древних мертвых суеверий, только затемняющих ту долю истины, которая несомненно есть в жизни и вере квакеров.

Вильям Пэнн родился в 1644 году Англии. Отец его был известный адмирал и за успешное содействие вступлению на престол Карла II был награжден чинами и богатством. Он намеревался передать все это сыну, которого и готовил к этому. Но Вильям оказался серьезным и вдумчивым мальчиком и не выказывал склонности к тому, чем так дорожил отец. После некоторой подго-

товки он в 15 лет поступил в Оксфордский духовный университет. Самобытный характер его сразу столкнулся с университетской формалистикой и властью лицемерного духовенства. Он не стал носить университетский мундир и на приказ Карла II одеть форму не обратил внимания. Обществом он себе избрал простых квакеров. Наконец нетерпимость его к внешней формалистике дошла до того, что он вместе с несколькими товарищами сорвали с других, более склонных ради карьеры приспособляться к формальностям, университетские значки (какие-то складки в одеянии на спине), за что и были выключены из университета. По выходе из университета он ближе сошелся с презираемыми и гонимыми квакерами. Вскоре отец его узнал, что Вильям совсем присоединился к «Обществу Друзей». Вне себя от негодования он исключил сына из семьи.

Вильям был человек кроткого и мягкого характера, но в то же время обладал непоборимой настойчивостью и энергией в своих делах. Он сразу стал го-

Л. Перно — „Общество Друзей" (квакеры)

рячим защитником гонимых братьев. Гонения в то время были ужасны: до 13 000 человек томилось по тюрьмам, из которых более 400 человек погибло от истощения, нечистоты и болезней; многие выходили из тюрем только, чтобы дожить свои последние дни на свободе. Все это они переносили с большою терпимостью и кротостью. Пэнна за его смелые речи в защиту братьев и за беспощадное разоблачение лжи и жестокости господства вавшей церкви, тоже скоро посадили в тюрьму, где он, однако, не переставал работать*. За время своего пребывания в тюрьме он написал книгу «Без креста и без короны». Лондонский епископ, желая запугать его, послал ему извещение, что если он не отречется от своей веры, то умрет в тюрьме. На это Пэнн ответил: «Они ошибаются во мне; я не боюсь их угроз, я истощу их злобу; скорее тюрьма будет мне могилой,

чем я на одну йоту изменю своей вере; совесть моя не принадлежит людям».

Вскоре помер его отец. Перед смертью он сказал сыну: «Сын Вильям, если ты и твои друзья будут продолжать вести такую же простую жизнь и такую же простую проповедь, вы убьете духовенство и настанет конец мира».

Отец Вильяма оставил ему значительное наследство, часть которого он должен был получить через правительство. Вместо денег Вильям пожелал взять землю в Северной Америке, около Нью-Джерси, чтобы переселить туда гонимых братьев и устроить колонию. Правительство сперва отнеслось к этому, как к несбыточной мечте, но потом согласилось и уделило в названном месте площадь земли в 450 верст длиною и 250 верст шириной. Местность была названа Пэнсильванией, в честь отца Вильяма.

Хотя земля была дарована Вильяму королем, однако он решил купить ее у краснокожих индейцев, которые обитали ее, и в то время охотились

* Интересное описание суда над Пэнном см. в прекрасной книге В. Диксона: «Благодетели человечества — Вильям Пэнн, основатель Пэнсильвании». СПБ., 1873.

еще за скальпами. Пэнн выработал договор с индейцами, с которым они охотно согласились. По договору должен был составиться совет из 6 белых и 6 индейцев, который и решал общие вопросы. В 1676 г. переселенцы заселили землю и без войска и без попов жили в мире и согласии между собой и с «дикими» индейцами. С другими колонистами, обращавшимися с индейцами, как с дикарями, у них бывали частые стычки и войны.

В настоящее время в Америки насчитывается до 94 тысяч квакеров; в Англии, Новой Зеландии и Австралии до 20 тысяч. Сущность их веры в основном остается та же, но в частностях произошли уяснения и изменения. Так, например, большинство перестало говорить всем ты, перестали носить одежду, отличающую их от других людей. В прежние времена большинство квакеров работало на земле, но в настоящее время почти все перешли в промышленность. Вообще

площадь обрабатываемой в Англии земли уменьшилась в настоящее время на 3 миллиона акров (2 миллиона десятин) против того, что было под обработкой 30 лет тому назад. То, что квакеры перешли в промышленность (и то, что они признают государственную и парламентскую деятельность) указывает отчасти на то, что то чувство любви и справедливости, которое делает их противниками насилия, лжи, обмана, не достаточно освещено разумом, перед светом которого становится ясно, что прежде, чем делать добро, из любви к людям-братьям нужно перестать делать им зло, т. е. принципиально не принимать участия в учреждениях, которые опираются на насилие и самим стремиться встать в положение производителей продуктов первой необходимости, над добыванием которых трудятся люди в тяжелых принудительных условиях.

Первый квакер, пострадавший за отказ от военного наси-

Л. Перно — „Общество Друзей" (квакеры)

лия, был сам основатель этой секты, Джордж Фокс. Он сам пишет об этом в своем «Журнале».

«Время моего заключения (в 1651 г.) в исправительном доме было на исходе^{**}. В это время был большой набор солдат, и воинские чиновники хотели, чтобы я взял на себя начальство над новобранцами. Солдаты говорили, что они никого не хотят, кроме меня. Смотрителю исправительного дома был дан приказ привезти меня на рыночную площадь, где были чиновники и солдаты, и тут мне предложили следующее «отличие», как они называли: не захочу ли я взять оружие и идти с республиканцами против Карла Стюарта? Я сказал им, что знаю, откуда все войны, что все это от страстей человеческих, а я живу при свете той жизни, при которой теряется возможность всякой войны. Но они упрашивали меня,

думая, что я только жеманюсь с ними. Они говорили, что предлагают мне это из любви и доброго чувства ко мне, благодаря моей благодетели и тому подобные лестные слова. Но я ответил им, что если такова их любовь и доброта, то я топчу их под ноги. Тогда они вошли в ярость и закричали: «Тюремщик! возьми его, посади его в тюрьму вместе с негодяями и преступниками». Меня взяли и посадили в вшивое, вонючее место без кровати, вместе с 30 преступниками, и продержали почти полгода, позволяя только иногда выходить в сад, доверяя мне, что я не убегу. Когда меня посадили в тюрьму, народ верил и говорил, что я оттуда уже не вернусь. Но я верил в Бога, я верил что в назначенное Им время меня освободят, ибо Бог сказал мне уже прежде что я не уйду с этого места, пока не совершу назначенного мне дела».

В Англии с самых древних времен не бывало общей обязательной воинской повинности, и потому воздержание квакеров от участия в военном деле до сих пор оставалось не-

^{**} Он был заключен на 6 месяцев в исправительный дом в городе Дэрби, за то, что на одном людном митинге, на котором было много офицеров, священников и проповедников, обратился к ним с увещательной речью.

заметным. Были несколько значительных случаев отказов от военного убийства во время морских стычек с голландцами, в 1663 году, но это было так давно... Да, можно было бы не вспоминать об этом давно минувшем, не интересоваться им, если бы мы уже были на той высоте духовного развития, о котором свидетельствовали тогда те одинокие лица.

Матрос Томас Лертинг знал квакеров и считал их хорошими людьми (в то время, когда все их гнали и мучили, это уже было много), но он еще не знал, что квакеры относились отрицательно к военному убийству. Он был отчаянным и храбрым моряком, и ему не раз поручали опасные и кровавые предприятия, которые ему всегда удавалось доблестно выполнить. Но случилось, что раз, наводя пушку, ему вдруг явилась мысль: «Что, как ты теперь убьешь человека?» И только что убивавший Томас не мог уже продолжать делать своего дела ни за какие блага в мире. Он оделся и вышел на палубу, как если бы никогда не видал пушки. Видя его гуляю-

щим озабоченным по палубе, некоторые спросили его, не ранен ли он. «Нет, — отвечал он, — но испытываю мучения совести за убийство». То же самое случилось с некоторыми его друзьями. Их стали бить, мучить угрожали смертью, но они терпеливо и кротко переносили все ради открывшейся им истины.

Другой случай был с Йоркширским рыбаком Ричардом Селлером. Годных для военной службы рыбаков и матросов могли силою заставлять служить в королевском флоте. Селлер был квакер и потому отказался поступить во флот. Его избили и силою втащили на судно и потом долго и упорно всячески мучили, но не могли заставить служить. Всему экипажу приказано было бить его, когда только попадется на глаза. Он иногда по несколько суток голодал, чтобы не принимать казенной пищи. Но среди матросов были и сочувственно относившиеся к «поганому квакеру», и через них-то друзьям удавалось украдкой доставлять ему кое-какую пищу; иногда матросы

Л. Перно — „Общество Друзей“ (квакеры)

сами от себя давали ему кое-что. Наконец его приговорили к смерти через повешение. Когда Селлер, изнуренный и слабый, взошел на подмостки, чтобы всунуть голову в петлю, начальник судна обратился к нему в последний раз, не имеет ли он чего сказать. Он слабо ответил, что сейчас ничего не имеет сказать. Тогда заговорил один из присутствовавших судей, обращаясь к начальнику судна: «Сэр Эдуард, милостивый человек, он не придает еретику худшей смерти, чем повешению». (Сперва его хотели положить в бочку, утыканную гвоздями и закатать до смерти). Сэр Эдуард обернулся к судье и сказал: «Он более христианин, чем ты; я думаю ты бы повесил меня, если бы это было в твоей власти», и потом обратился к Селлеру: «Сойди вниз, я не трону ни единого волоса на твоей голове, ибо не могу и заставить ни одного волоса вырасти на ней». Потом обратился к присутствовавшим: «Если кто-нибудь заметит его в чем-нибудь, за что он будет достоин смерти, пусть придет и скажет мне, и

он будет казнен, но чтобы человек тот был такой, на которого можно было положиться». Все молчали, и квакеру Селлеру объявили свободу.

Но вот в Австралии и Новой Зеландии с 1909 г. введен закон, по которому все мальчики от 14-летнего возраста обязаны принять присягу в верности королю и военному начальнику и отдавать несколько дней (около 16, для начала) на обучение военному делу. Отказывающиеся подвергаются военному суду, который может присуждать их к штрафу, до 50 рублей или некоторым неделям тюремного заключения, имея право повторять процесс до тех пор, пока обвиняемый не откажется от «упорства». Первыми пострадали дети квакеров, которые по воле их родителей отказывались заносить в воинские списки свои имена и принимать какое бы то ни было участие в военном деле. Некоторые семьи, не будучи в состоянии и не желая платить бесконечные штрафы, покину-

ли страну. Были случаи 52-хдневного тюремного заключения (Сидней Крослэнд), а в настоящее время, как сообщают английские квакеры, были случаи присуждения к 3-хлетнему тюремному заключению и угрожают ввести порку. Английские газеты отказываются печатать сведения о протесте квакеров и о том, как с ними обращаются. В Новой Зеландии и Австралии преследуется даже антимилитарная пропаганда.

Приводим характерную выдержку из одного английского журнала (религиозно-нравственного направления) «Plain Talk» (под ред. К. Даниеля, London), дающую картину судопроизводства.

«Взято из газеты «Waikato Times», — Хамильтон, 3 декабря 1912 г.».

Альберт Грэам, мальчик 16 лет, явился 3 декабря на суд. С ним были две его сестры. Мальчик сказал, что отказывается ходить на парады потому, что по совести не может отнимать жизнь у другого человека, и что нам следует любить врагов, как самих себя. Маги-

страт*** возражал мальчику и его сестре на такое исповедание веры Христа.

Его благородье: «Так вы не против того, чтобы ваши враги убили вас?»

Мальчик: «Это их дело, что они делают».

Одна из сестер сказала магистрату, что всякое солдатство противно воле их покойной матери.

Магистрат ответил: «Я уверен, что вашу матушку научат уму разуму там, где она теперь».

Сестра опять сказала, что она скорее готова видеть его в могиле, чем чтобы он имел что-нибудь общее с военной службой. Он не может убивать и не будет.

Магистрат возразил: «Мальчика и не будут обучать убийству людей».

«Так чему же его будут обучать?» спросила сестра.

Магистрат: «Он может записаться себя на нестроевую обязанность».

*** Магистрат — судья по мелкому судопроизводству.

Л. Перно — „Общество Друзей" (квакеры)

Сестра сказала, что она не видит разницы.

Магистрат объяснил, что строевые роты будут убивать, а другие лечить.

«Наверно же, — прибавил он, — вы не будете против того, чтобы он помогал лечить больных?»

Мальчик сам вмешался: «Лечить их, чтобы они потом убивали других?»

Остроумие его благородия, очевидно, кончилось и он просто оштрафовал мальчика на 3 р. 50 к. или 7 дней тюремного заключения с замечанием: «Он должен повиноваться закону. Священное писание говорит ему, что он должен повиноваться законам».

«А как же повинование Богу?» спросила сестра.

Магистрат не ответил, вызвав следующего.

Многих отказывающихся мальчиков ссылали на остров Риппа (Новая Зеландия). Квакерский еженедельный журнал «The Friend» (Август 1913 г.) сообщает об этом:

«Аллен Раунтри переслал письмо, которое он только что получил от г-жи Хауэл из

Крайсчерча (Новая Зеландия), относительно обращения с мальчиками, находящимися под военным арестом на острове Риппа, гавань Литлтон. Он говорит, что 12 мальчиков находятся сейчас там под арестом. Сперва им давали невоенные обязанности, но когда делать больше было нечего, офицеры приказали мальчикам чистить пушки и т. п., что они отказались делать. Последовало то, что условия их жизни сразу изменились к худшему. Щедрые порции пищи уменьшились до скучного питания, недостаточного для подрастающих мальчиков. Их поместили по два в маленькие тесные каморки. Погода тоже не благоприятствовала им: было холодно и сырь. Одеяла отнимались рано поутру и возвращались только вечером. Часть мальчиков объявила голодовку и большинство из них не принимало пищи до 52 часов, и в трех случаях до 56 часов. Это кое-что значило для голодных здоровых парней».

«Миссис Хауэл переслала письмо миссис Мэктаффарт к ней с Западного побережья, у

которой два сына были сосланы на остров Риппа и которая благодарила м. Хауэл за то, что она посетила одного из них. Она имеет 15 детей и говорит, что если бы она имела девяносто, Иосиф Вор (военный министр) не получил бы ни одного из них. Она писала: «Я чув-

ствую себя польщенной тем, что двое из моих сыновей борются за свободу совести, и надеюсь, что не далек тот день, когда большинство этой прекрасной страны скажут: Долой воинскую повинность, разверните знамя свободы!»

Леонид Перно. "Общество Друзей" (квакеры) // «Голос Толстого и Единение», М., № 6, 1917-18 гг.

В настоящее время в мире насчитывается примерно 360 тыс. квакеров: в основном в США, Великобритании и Кении (Африка). Небольшая община существует и в Москве: <http://quakers.ru>.

В историю квакеры вошли не только своим отказом от службы в армии, но и борьбой с рабством в США и в Британской империи, заботам о гуманизации тюрем (Е. Фрай) и психиатрических больниц, благотворительной деятельностью и борьбой за свободу совести. Странами В. Пенна в Конституции США прописано право на отказ от военной службы. В XX веке квакеры участвовали в международной помощи пострадавшим от голода (в том числе в России), стихийных бедствий и последствий войны; в создании антивоенных организаций («Международное содружество примирения» и «Христианские отряды миротворцев»), правозащитных («Международная Амнистия»), экологических («Гринпис»), во все начинания внося свой дух активного, практического христианского ненасилия.

В дальнейшем мы планируем продолжить публикацию материалов по истории столь близкого нам квакерского движения.

Манифест против воинской повинности и милитаризма

*издан берлинским информационным Ганди-центром
на 25-и языках мира*

Во имя человечества, ради всех граждан, находящихся под угрозой преступных войн, особенно женщин и детей, в интересах Матери-Природы, страдающей от войн и военных приготовлений, мы, нижеподписавшиеся, призываем к повсеместной ликвидации воинской повинности — первому и решающему шагу к полному разоружению.

Мы помним послание гуманистов XX века:

МАНИФЕСТ ПРОТИВ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ (1925 ГОД)

Мы, считаем, что созданные на основе воинской повинности армии, располагающие массой кадровых офицеров, представляют серьезную угрозу миру. Воинская повинность ведет к деградации человеческой личности, к ликвидации свободы. Жизнь в казармах, военная муштра, слепое подчинение несправедливым и необоснованным приказам, обучение людей убивать себе подобных подрывает уважение к личности, демократии и человеческой жизни. Заставлять людей против воли и их убеждений идти на смерть или убивать

других — это унижение человеческого достоинства. Государство, которое считает себя вправе заставлять своих граждан быть военнообязанными, даже в мирное время пренебрегает основными правами человека. Более того, обязательная воинская повинность прививает всей мужской части населения дух агрессивного милитаризма и как раз на том этапе жизни, когда человек более всего подвержен влиянию со стороны. В результате насаждения милитаризма война начинает восприниматься как неизбежное и даже желанное явление.

*Анри Барбюс,
Анна Безант,
Мартин Бубер,
Эдуард Карпентер,
Мигель де Унамуно,
Жорж Дюмель,
Альберт Эйнштейн,
Аугуст Форел,
М. К. Ганди,
Курт Хилер,
Тойохико Кагава*

*Джордж Лансбери,
Пол Лебе,
Артур Понсонби,
Эммануэль Радл,
Леонард Рагаз,
Ромен Роллан,
Берtrand Рассел,
Рабиндранат Тагор,
Фриц фон Унрю,
Г. Уэллс
и др.*

МАНИФЕСТ ПРОТИВ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ И ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ МОЛОДЁЖИ (1930 ГОД)

Обязательная воинская повинность воспитывает человека в духе милитаризма. Это своего рода рабство. И то, что народы обычно терпят это, лишний раз доказывает отупляющее воздействие такой системы.

Манифест против воинской повинности

Военная муштра — это подготовка тела и духа к искусству убивать. Военная подготовка — это подготовка к войне, увековечивание духа войны. Она препятствует утверждению мира.

*Джейн Адамс,
Павел Бирюков и
Валентин Булгаков
(секретари Л.Н.Толстого),
Джон Дьюи,
Альберт Эйнштейн,*

*Аугуст Форел,
Зигмунд Фрейд,
Сельма Лагерлеф,
Томас Манн,
Стефан Цвейг
и др.*

Мы призываем всех к борьбе против милитаризма, к использованию методов ненасильственного сопротивления и таких принципов Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга, как осознанное сопротивление воинской повинности (со стороны новобранцев и кадровых военных как в мирное время, так и во время войны), гражданское неповиновение, борьба против военных налогов, отказ от поддержки военных исследований, военного производства и торговли оружием. В наш век электронных способов ведения войны и манипулирования средствами массовой информации мы не можем снять с себя ответственность, не можем вопреки нашей совести сидеть сложа руки.

Давно пора демилитаризовать наши общества и наше сознание, выступить против войны и против подготовки к ней. Настало время действовать и жить так, чтобы не подвергать опасности жизнь других людей.

А.Боровитинов. «Блаженны миротворцы», 1998.
www.zk.ru/borovitinov/p26.html

Луи Лекуан

(1888—1971)

Луи Лекуан родился во Франции 30 сентября 1888 года в очень бедной крестьянской семье. Его родители были неграмотны, и Луи своим образованием занимался самостоятельно. В семнадцать лет перебрался из родной деревни в Париж. Работал садовником, корректором, разнорабочим.

После нескольких неудачных попыток уклониться, Луи в 1910 году был призван в армию и получил вместе со всеми свое первое задание — разогнать забастовку железнодорожных рабочих. Лекуан отказался, за что получил 6 месяцев тюрьмы. Демобилизовавшись в 1912 году, он вскоре

присоединился к движению анархистов и стал активным антимилитаристом.

Во время Первой мировой войны, 18 декабря 1917 года он был приговорен к 5 годам военной тюрьмы за выступления против обязательной военной службы и призыв к дезертирству из армии. После освобождения он был вскоре вновь арестован и осужден — на этот раз за отказ от призыва в армию. Вышел он на свободу только в 1920 г.

Луи Лекуан принимал участие в двух кампаниях международного значения. Он выступал в поддержку Н. Сакко и Б. Ванцетти, казненных в США 23 августа 1927. Позже, пере-

Луи Лекуан

одевшись американским солдатом, он пришел на встречу солдат из Американского легиона и во время выступления три раза прокричал «Виват Сакко и Ванцетти!», за что и был арестован.

В 1930-х годах он взялся защищать трех бойцов из отряда Буэнавентуры Дурутти, сражавшегося против фашизма во время гражданской войны в Испании, проживавших во Франции, которых обвиняли в подготовке к нападению на короля Испании Альфонсо XIII, собиравшегося посетить Францию. Эти три человека так никогда и не были выданы властям.

В преддверии Второй мировой войны Лекуан вновь попал в заключение из-за публикации антиимпериалистского памфлета, зато остался невредим в годы войны.

Некоторых может задеть послевоенная кампания по оправданию людей, поспешно осужденных за сотрудничество с немцами, но это только подтверждает его великодушие. В этой кампании он участвовал далеко не один. Известные ан-

тифашисты, участники Сопротивления выступили против осуждения таких людей: Мориак, Камю, Арагон, Элюар, Оруэлл. И не только из великодушия. Глядя на официальные суды и на самосуд со стороны простого населения, они увидели опасность превращения этих преследований в полноценную «охоту на ведьм».

Начались военные действия в Алжире, и с 1958 года Луи Лекуан совместно с Альбером Камю, аббатом Пьерром, Ивом Монтаном, Жаном Жионо, Андре Бретоном и другими общественными деятелями начал длительную и в конечном итоге успешную кампанию за предоставление всем истинным и убежденным пацифистам права отказаться от военной службы. Им были учреждены организации «Помощь сознательным отказникам», «Центр защиты отказников» и журнал «Либерте». Следует отметить, что в этот период он горячо отстаивал права Свидетелей Иеговы на освобождение от военной службы, несмотря на свое несогласие с их религиозными взглядами и вопреки по-

зиции лидеров этой организации, отрицательно относившихся к его собственной светской кампании в защиту прав пацифистов.

1 июня 1961 французское правительство дало обещание издать закон об альтернативной службе, но не спешило его исполнить. В поддержку этого закона Луи Лекуан начал голодовку, несмотря на то, что ему было уже 73 года. Сначала голодовка была встречена полнейшим равнодушием со стороны властей, но после того, как Лекуана поддержала пресса, его насильно госпитализировали. На 21-й день премьер-министр Франции Жорж Помpidу прислал ему обещание, что законопроект будет представлен в парламент.

В августе 1963 года, после того как парламент отклонил уже пятый вариант закона о сознательном отказе от службы в армии, Лекуан стал угрожать возобновить голодовку. Правительство уступило, и 23 декабря 1963 года закон был провозглашен. Все, отбывающие наказание за отказ от службы в армии — около

двухсот человек — были освобождены.

В 1964 году Луи Лекуан выдвигался на Нобелевскую премию мира, но сам он потребовал, чтобы те, кто его выдвигали, отказались от своих намерений, для того чтобы у Мартина Лютера Кинга было больше шансов получить эту премию.

В целом Лекуан был человеком последовательным в приверженности своим моральным принципам. Его религией были антимилитаризм и общечеловеческое братство, и всю свою жизнь он посвятил отстаиванию этих убеждений. Первоначально он не отвергал всех форм насилия, однако в конечном счете он стал бескомпромиссным сторонником ненасилия.

Лишь немногие пацифисты, за исключением толстовцев в сталинской России и противников войны в гитлеровской Германии, отдавших свою жизнь во имя своих принципов, сделали столь много для пацифистского движения, как Луи Лекуан. Всего за свое решительное сопротивление ми-

Луи Лекуан

литаризму и войне он был вынужден провести в заключении, начиная с 1910 года, двенадцать лет. Зарабатывая на жизнь трудом печатника, корректора или строительного рабочего, Лекуан оставался активным антимилитаристом вплоть до своей смерти 21 июня 1971 года.

Некролог на смерть Луи Лекуана был опубликован в одной из наиболее влиятельных американских газет «Нью-Йорк Таймс» 24 июня 1971. На его

похороны пришло более тысячи человек, присутствовали известные личности, в том числе, Ив Монтан. Тело кремировано и покоится на кладбище Пер-Лашез.

Составлено В. В. Адаменко на основе статьи Питера Брука «Тюремный опыт Луи Лекуана, противника военной службы по убеждениям» // «Из истории миротворчества и интеллигенции. Сборник памяти Т. А. Павловой, М., ИВИ РАН, 2005» и др.

Еще недавно в нашей стране имя Луи Лекуана практически не было никому известно, а последние годы все чаще встречаются упоминания о нем, как у анархистов, так и у антимилитаристов. Например, в передачах про альтернативную службу Елены Поповой из «Солдатских матерей Петербурга».

Уже переведена книга: Джесси Рассел, Ранольд Коен. «Лекуан, Луи». 2013. Вот что сообщают о ней издатели: «Данное издание представляет собой компиляцию сведений, находящихся в свободном доступе в среде Интернет в целом, и в информационном сетевом ресурсе "Википедия" в частности».

B. A.

Бернарден де Сен-Пьер

Суратская кофейная

В переводе Л. Н. Толстого

Была в индийском городе Сурате кофейная. И сходились туда из разных земель проезжие и иностранцы и часто беседовали.

Зашел туда раз персидский ученый-богослов. Он всю жизнь изучал сущность божества и читал и писал о том книги. Долго думал, читал и писал он о Боге, зашел у него ум за разум, спуталось у него все в голове, и дошел он до того, что перестал верить в Бога.

Узнал про это царь и изгнал его из персидского царства.

Так-то всю жизнь рассуждая о первой причине, запутался несчастный богослов и, вместо того, чтобы понять, что у него уже не стало разума, стал думать, что не стало больше высшего разума, управляющего миром.

Был у этого богослова раб африканец, ходивший за ним повсюду. Когда богослов вошел в кофейную, африканец остался на дворе, за дверью, и сел на камень на припеке солнца; он сидел и отгонял от себя мух. А сам богослов лег на диван в кофейной и велел подать себе чашку опиума. Когда он выпил чашку и опиум начал расшевеливать его мозг, он обратился к своему рабу.

— Что, раб презренный, — сказал богослов, — скажи мне, как ты думаешь, есть Бог или нет?

— Разумеется, есть! — сказал раб и тотчас достал из-за пояса маленького деревянного идола. — Вот, — сказал раб, — вот тот бог, который меня хранит с тех пор, как я живу на свете. Бог этот сделан из сука того самого священного дерева,

Б. де Сен-Пьер — Суратская кофейная

которому поклоняются все в нашей стране.

Услыхали этот разговор между богословом и рабом бывшие в кофейной и удивились.

Удивительным показался им вопрос господина и еще более удивительным ответ раба.

Один брамин, слышавший слова раба, обратился к нему и сказал:

— Несчастный безумец! Разве можно думать, чтобы Бог мог находиться за поясом у человека? Бог есть один — Брама. И этот Брама больше всего мира, потому что он сотворил весь мир. Брама есть единый, великий Бог; тот Бог, которому построены храмы на берегах реки Гангеса, тот Бог, которому служат его единственые жрецы — брамины. Одни эти жрецы знают истинного Бога. Прошло уже двадцать тысяч лет, и, сколько ни было переворотов в мире, жрецы эти остаются такими же, какими были всегда, потому что Брама, единий, истинный Бог, покровительствует им.

Так сказал брамин, думая убедить всех, но бывший тут

же еврейский меняла возразил ему.

— Нет, — сказал он. — Храм истинного Бога не в Индии!.. И Бог покровительствует не касте браминов! Истинный Бог есть Бог не браминов, а Бог Авраама, Исаака и Иакова. И покровительствует истинный Бог только одному своему народу израильскому. Бог с начала мира, не переставая, любил и любит один наш народ. И если теперь и рассеян наш народ на земле, то это только испытание, а Бог, как и обещал, соберет опять народ свой в Иерусалим с тем, чтобы восстановить чудо древности, Иерусалимский храм, поставить Израиля владыкой над всеми народами.

Так сказал еврей и заплакал. Он хотел продолжать речь, но бывший тут итальянец перебил его.

— Неправду вы говорите, — сказал итальянец еврею. — Вы приписываете Богу несправедливость. Бог не может любить один народ больше других. Напротив, если он даже и покровительствовал прежде Израилю, то вот уже тысяча во-

семьсот лет прошло с тех пор, как Бог разгневался и в знак своего гнева прекратил существование его и рассеял этот народ по земле, так что вера эта не только не распространяется, но только кое-где остается. Бог не оказывает предпочтения никакому народу, а призывает всех тех, которые хотят спастись, в лоно единой римско-католической церкви, вне которой нет спасения.

Так сказал итальянец. Но бывший тут протестантский пастор, побледнев, отвечал католическому миссионеру:

— Как можете вы говорить, что спасение возможно только в вашем исповедании? Знайте же, что спасены будут только те, которые, по Евангелию, будут служить Богу в духе и истине по закону Иисуса.

Тогда турок, служащий в суратской таможне, который тут же сидел, куря трубку, с важным видом обратился к обоим христианам.

— Напрасно вы так уверены в истине своей римской веры, — сказал он. — Ваша вера уже около шестисот лет тому назад заменена истинною верою Ма-

гомета. И, как вы сами видите, истинная вера Магомета все больше и больше распространяется и в Европе, и в Азии, и даже в просвещенном Китае. Вы сами признаете, что евреи отвержены Богом, и доказательством тому приводите то, что евреи в унижении и вера их не распространяется. Признайте же истинность веры Магомета, потому что она находится в величии и постоянно распространяется. Спасутся только верующие в последнего пророка божия, Магомета. И то только последователи Омара, а не Али, так как последователи Али — неверные.

При этих словах персидский богослов, принадлежащий к secte Али, хотел возразить. Но в кофейной в это время поднялся великий спор между всеми бывшими тут иностранцами разных вер и исповеданий. Были тут христиане абиссинские, индийские ламы, измаилиты и огнепоклонники.

Все спорили о сущности Бога и о том, как нужно почитать его. Каждый утверждал, что только в его стране знают ис-

Б. де Сен-Пьер — Суратская кофейная

тинного Бога и знают, как надо почитать его.

Все спорили, кричали. Один только бывший тут китаец, ученик Конфуция, сидел смиро-но в углу кофейной и не вступал в спор. Он пил чай, слушал, что говорили, но сам молчал.

Турок, заметив его среди спора, обратился к нему и сказал:

— Поддержи хоть ты меня, добрый китаец. Ты молчишь, но ты мог бы сказать кое-что в мою пользу. Я знаю, что у вас в Китае вводятся теперь разные веры. Ваши торговцы не раз говорили мне, что ваши китайцы из всех других вер считают магометанскую самой лучшей и охотно принимают ее. Поддержи же мои слова и скажи, что ты думаешь об истинном боге и его пророке.

— Да, да, скажи, что ты думаешь, — обратились к нему и другие.

Китаец, ученик Конфуция, закрыл глаза, подумал и потом, открыв их, выпростал руки из широких рукавов своей одежды, сложил их на груди и заговорил тихим и спокойным голосом.

— Господа, — сказал он, — мне кажется, что самолюбие людей более всего другого мешает их согласию в деле веры. Если вы потрудитесь меня выслушать, я объясню вам это примером.

Я выехал из Китая в Сурат на английском пароходе, обошедшем вокруг света. По пути мы пристали к восточному берегу острова Суматры, чтобы набрать воды. В полдень мы сошли на землю и сели на берегу моря в тени кокосовых пальм, недалеко от деревни жителей острова. Нас сидело несколько человек из различных земель.

Пока мы сидели, к нам подошел слепой.

Человек этот ослеп, как мы узнали после, оттого, что слишком долго и упорно смотрел на солнце. А смотрел он так долго и упорно на солнце потому, что захотел понять, что такое солнце. Он хотел это узнать, чтобы завладеть светом солнца.

Бился он долго, пускал в дело все науки, хотелось ему захватить несколько лучей солн-

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

ца, поймать их и закупорить в бутылку.

Долго он бился и все смотрел на солнце и ничего не мог сделать, а сделалось с ним только то, что от солнца у него заболели глаза и он ослеп.

Тогда он сказал себе:

— Свет солнечный не жидкость, потому что если бы он был жидкостью, то можно было бы переливать его, и он колебался бы от ветра, как вода. Свет солнечный тоже не огонь, потому что, если бы это был огонь, он бы тух в воде. Свет тоже не дух, потому что он виден, и не тело, потому что нельзя им двигать. А так как свет солнечный не жидкость, не твердое, не дух, не тело, то свет солнечный — ничто.

Так он рассудил и в одно время оттого, что все смотрел на солнце и все думал о нем, потерял и зрение и разум.

Когда же он стал совсем слеп, тогда уже совершенно уверился в том, что солнца нет.

С этим слепцом подошел и его раб. Он посадил своего господина в тень кокосового дерева, поднял с земли кокосовый орех и стал из него делать ноч-

ник. Он сделал светильню из волокна кокосового, выжал из ореха масло в скорлупу и обмакнул в него светильню.

Пока раб делал свой ночник, слепой, вздохнув, сказал ему:

— Ну, что, раб, правду я тебе сказал, что нет солнца? Видишь, как темно? А говорят — солнце... Да и что такое солнце?

— А не знаю я, что такое солнце, — сказал раб. — Мне нет до него дела. А вот свет знаю. Вот я сделал ночник, мне и будет светло, и тебе могу им службу оказать, и все найти в своем шалаше.

И раб взял в руку свою скорлупу. — Вот, — говорит, — мое солнце.

Тут же сидел хромой с костылем. Он услыхал это и засмеялся.

— Ты, видно, от рождения слеп, — сказал он слепому, — что не знаешь, что такое солнце. Я тебе скажу, что оно такое: солнце — огненный шар, и шар этот каждый день выходит из моря и каждый вечер садится в горах нашего острова; это мы все видим, и ты, бы видел, если бы был зрячий.

Рыбак, сидевший тут же, услыхал эти слова и сказал хромому:

— И видно же, что ты нигде не был дальше твоего острова. Если бы ты был не хром да поехал бы по морю, ты бы знал, что солнце садится не в горах нашего острова, а как выходит из моря, так вечером опять и садится в море. Я говорю верно, потому что каждый день вижу это своими глазами.

Услыхал это индеец.

— Удивляюсь, — сказал он, — как может умный человек говорить такие глупости. Разве можно, чтобы огненный шар спускался в воду и не потухал? Солнце вовсе не огненный шар, а солнце — божество. Божество это называется Дева. Божество это ездит на колеснице по небу вокруг золотой горы Сперувя.

Бывает, что злые змеи Рагу и Кету нападают на Деву и проглатывают его, и тогда делается темно. Но жрецы наши молятся о том, чтобы божество освободилось, и тогда оно освобождается. Только такие невежественные люди, как вы, никогда не ездили дальше своего

острова, могут воображать, что солнце светит только на их остров.

Тогда заговорил бывший тут же хозяин египетского судна.

— Нет, — сказал он, — и это неправда, солнце не божество и не ходит только вокруг Индии и ее золотой горы. Я много плавал и по Черному морю, и по берегам Аравии, был и на Мадагаскаре, и на Филиппинских островах, — солнце освещает все земли, а не одну Индию, оно не ходит кругом одной горы, но оно встает у островов Японии, и потому и острова те называются Япен, то есть на их языке — рождение солнца, и садится оно далеко, далеко на западе, за островами Англии. Я это хорошо знаю, потому что и сам видел много и слышал много от деда. А дед мой плавал до самых краев моря.

Он хотел еще говорить, но английский матрос нашего корабля перебил его.

— Нет земли, кроме Англии, — сказал он, — где бы лучше знали о том, как ходит солнце. Солнце, мы все это знаем в Англии, нигде не встает и нигде

не ложится. А оно ходит беспрестанно вокруг земли. Мы это хорошо знаем, потому что сами вот только что обошли вокруг земли и нигде не натолкнулись на солнце. Везде оно так же, как здесь, утром показывается и вечером скрывается.

И англичанин взял палку, начертил на песке круг и стал толковать, как ходит солнце по небу вокруг земли. Но он не сумел растолковать хорошо и, показав на кормчего своего корабля, сказал:

— Он, впрочем, более меня учен и лучше вам все это растолкует.

Кормчий был человек разумный и слушал разговор молча, пока его не спросили. Но теперь, когда все обратились к нему, он начал говорить и сказал:

— Все вы обманываете друг друга и сами обманываетесь. Солнце не вертится вокруг земли, а земля вертится вокруг солнца и сама еще вертится, поворачивая к солнцу в продолжение двадцати четырех часов и Японию, и Филиппинские острова, и Суматру, на ко-

торой мы сидим, и Африку, и Европу, и Азию, и множество еще других земель. Солнце светит не для одной горы, не для одного острова, не для одного моря и даже не для одной земли, а для многих таких же планет, как и земля. Все это каждый из вас мог бы понять, если бы смотрел вверх на небо, а не себе под ноги и не думал бы, что солнце светит только для одного него или для одной его родины.

Так сказал мудрый кормчий, много ездивший по свету и много смотревший вверх на небо.

— Да, заблуждения и несогласия людей в вере — от самолюбия, — продолжал китаец, ученик Конфуция. — Что с солнцем, то же и с Богом. Каждому человеку хочется, чтобы у него был свой особенный бог или, по крайней мере, бог его родной земли. Каждый народ хочет заключить в своем храме того, кого не может обять весь мир.

И может ли какой храм сравниться с тем, который сам Бог построил для того, чтобы

Б. де Сен-Пьер — Суратская кофейная

соединить в нем всех людей в одно исповедание и одну веру?

Все человеческие храмы сделаны по образцу этого храма — мира Божия. Во всех храмах есть купели, есть своды, светильники, образа, надписи, книги законов, жертвы, алтари и жрецы. В каком же храме есть такая купель, как океан, такой свод, каков свод небесный, такие светильники, каковы солнце, луна и звезды, такие образа, каковы живые, любящие, помогающие друг другу люди? Где надписи о благости Бога, столь же понятные, как те благодеяния, которые повсюду рассеяны Богом для счаствия людей? Где такая книга закона, столь ясная каждому, как та, которая написана в его сердце? Где жертвы, подобные тем жертвам самоотречения, которые любящие люди приносят своим ближним? И где алтарь,

подобный сердцу доброго человека, на котором сам Бог принимает жертву?

Чем выше будет понимать человек Бога, тем лучше он будет знать его. А чем лучше будет знать он Бога, тем больше будет приближаться к нему, подражать его благости, милосердию и любви к людям.

И потому пусть тот, который видит весь свет солнца, наполняющий мир, пусть тот не осуждает и не презирает того суеверного человека, который в своем идоле видит только один луч того же света, пусть не презирает и того неверующего, который ослеп и вовсе не видит света.

Так сказал китаец, ученик Конфуция, и все бывшие в кофейной замолчали и не спорили больше о том, чья вера лучше.

Рассказ является переложением одноименной новеллы французского писателя Жака Анри Бернардена де Сен-Пьера (1737—1814) «Le café de Surate», написанной в 1791 году. Толстой, не меняя содержания рассказа, опустил некоторые детали и упростил язык. Впервые опубликован в журнале «Северный вестник», 1893, № 1. В 1906 году включен Толстым в «Круг чтения».

Н. С. Лесков

Под Рождество обидели

Житейские случаи.

На этом месте я хотел рассказать вам, читатели, не о том, о чем будет беседа. Я хотел говорить на Рождество про один из общественных грехов, которые мы долгие веки делаем сообща всем миром и воздержаться от него не хотим. Но вдруг подвернулся неожиданный случай, что одного моего знакомого, — человека, которого знает множество людей в Петербурге, — под праздник обидели, а он так странно и необыкновенно отнесся к этой обиде, что это заслуживает внимания вдумчивого человека. Я про это и буду рассказывать, а вы прослушайте, потому что это такое дело, которое каждого может касаться, а меж тем оно не всеми сходно понимается.

Есть у меня давний и хороший приятель. Он занимается одним со мною делом. Настоящее его имя я называть вам не стану, потому что это будет ему неудобно, а для вас, как его ни зовут, — это все равно: дело в том, каков он человек, как его обидели и как он отнесся к обидчикам и к обиде.

Человек, про которого я говорю, не богатый и не бедный, одинок, холост и хотя мог бы держать для себя двух прислуг, но не держит ни одной. И это делалось так не по скромности, а он стеснялся — какого нрава или характера поступит к нему служащий человек, да и что этому человеку делать при одиноком? Искучается слуга от чего-то делать и начнет приadirаться и ссориться и выйдет от него не угодье, а только од-

ни досаждения. А сам приятель мой нрава спокойного и уступчивого, пошутить не прочь, а от спора и ссор удаляется.

Для своего удобства он устроил так, что нанял себе небольшую квартирку в надворном флигеле, в большом и знатном доме на набережной, и прожил много лет благополучно. Хозяйства он никакого дома не держит, а необходимые послуги ему делал дворник. Когда же нужно уйти со двора, приятель запрет квартируную дверь, возьмет ключ в карман и уходит.

Квартира небольшая, однако, в три комнатки и помещается во втором этаже, — посреди жилья, и лестница как раз против дворницкой. Такое расположение, что, кажется, совсем нечего опасаться и, как я говорю, — много лет прошло совершенно благополучно, а вдруг теперь под рождество случилась большая обида.

Здесь, однако, я возьму на минуточку в сторону и скажу, что мы с этим приятелем видимся почти всякий день, и на днях говорили о том, что слу-

чились раз в нашем родном городе. А случилась там такая вещь, что один наш тамошний купец ни за что не согласился быть судьею над ворами и вот что об этом рассказывают.

Давно в этом городе жили-были три вора. Город наш издавна своим воровством славится и в пословицах поминается. И задумали эти воры обокрасть кладовую в богатом купеческом доме. А кладовая была каменная и окон внизу в ней не было, а было только одно очень маленькое оконце вверху, под самою крышей. До этого оконца никак нельзя было долезть без лестницы, да если и долезешь, то нельзя было в него просунуться, потому что никак взрослому человеку в крохотное окно не протиснуться.

А воры, как наметили этого купца обокрасть, так уж от своей затеи не отстают, потому что тут им было из-за чего потрудиться: в кладовой было множество всякого добра — и летней одежды и меховых шапок, и шуб, и подушек пуховых, и холста и сукон — всего набито от потолка до самого до-

полу... Как смелому вору такое дело бросить?

Вот воры и придумали смешную штуку.

Один вор, бессемейный, говорит другому, семейному:

— Я хорошее средство придумал: у тебя есть сынишка пяти годов — он еще маленький, и тельцем мягок, — он в это окно может притиснуться. Если мы его с собой возьмем — мы с ним можем все это дело обдействовать. Уведи ты мальчишку от матери и приведи с собою под самое рождество — скажи, что пойдешь помолиться к заутрене, да и пойдем все вместе действовать. А как придем, то один из нас станет внизу, а другой влезет на плечи, а третий этому второму на плеча станет, и такой столб сделаем, что без лестницы до окна достанем, а твоего мальчонку опояшем крепко веревкою, и дадим ему скрытный фонарь с огнем да и спустим его через окно в середину кладовой. Пусть он там оглядится и распояшется, и пусть отбирает все самое лучшее и в петлю на веревку завязывает, а

мы станем таскать, да все и повытаскаем, а потом опять дитя само подпояшется, — мы и его назад вытащим и поделим все на три доли с половиною: нам двоим поровну, а тебе с младенцем против нас полторы доли, и от нас ему сладких закусочек, — пускай отрок радуется и к ремеслу заохотится.

Отец-то вор — хорош, видно, был — не отказался от этого, а согласился; и как пришел вечер сочельника, он и говорит жене:

— Я ноне пообщался сходить в монастырь ко всемощной, — там благолепное пение, собери со мной паренька. Я его с собой возьму — пусть хорошее пение послушает.

Жена согласилась и отпустила парня с отцом. А тогда все три вора в монастырь не пошли, а сошлись в кабаке за Московскою заставою и начали пить водку и пиво умеренно; а дитя положили в уголке на полу, чтобы немножечко выспалось; а как ночь загустела и целовальник стал на засов кабак запирать, — они все встали, зажгли фонарь и ушли, и ребенка с собой повели, да

все, что затевали, то все сделали. И вышло это у них сначала так ловко, что лучше не надо требовать: мальчонка оказался такой смышленый и ловкий, что вдруг в кладовой осмотрелся и быстро цепляет им в петлю самые подходящие вещи, а они все вытаскивают, и наконец столько всякого добра натаскали, что видят — им втроем уж больше и унести нельзя. Значит, и воровать больше не для чего.

Тогда нижний и говорит среднему, а средний тому, который наверху стоит:

— Довольно, братцы, — нам на себе больше не снести. — Скажи парню, чтобы он опоясался веревкою, и потянем его вон наружу.

Верхний вор, который у двух на плечах стоял, и шепчет в окно мальчику:

— Довольно брать, больше не надобно... Теперь сам себя крепче подпояшь да и руками за канат держись, а мы тебя вверх потянем.

Мальчик опоясался, а они стали его тащить и уже до самого до верха почти вытащили, как вдруг, — чего они впопы-

мах не заметили, — веревка-то от многих подач о края кирпичной кладки общипалася и вдруг лопнула, так что мальчишка назад в обворованную кладовую упал, а воры от этой неожиданности потерявши равновесие и сами попадали... Сразу сделался шум, и на дворе у купца заметались цепные собаки и подняли страшный лай... Сейчас все люди проснутся и выскочат, и тогда, разумеется, ворам гибель. К тому же как раз сближался время, что люди станут скоро вставать и пойдут к заутрене и тогда непременно воров изловят с поликою.

Воры схватили кто что успел зацепить и бросились наутек, а в купеческом доме все вскочили, и пошли бегать с фонарями, и явились в кладовую. И как вошли сюда, так и видят, что в кладовой беспорядок и что очень много покрашено, а на полу мальчик сидит, сильно расшибленный, и плачет.

Разумеется, купеческие молодцы догадались, в чем дело, и бросились под окно на улицу

и нашли там почти все вытащенное хозяйское добро в целости, — потому что испуганные воры могли только малую часть унести с собой...

И стали все суетиться и кричать, что теперь делать: давать ли знать о том, что случилось, в полицию или самим гнаться за ворами? А гнаться впопыхах-то не знать в какую сторону, да и страшно, потому что воры ведь, небось, на всякий случай с оружием и впопыхах убьют человека как курицу. У нас в городе воры учёные, — шапки по вечерам выходили снимать и то не с пустыми руками, а с такой инструментиной вроде щипцов с петелькою, — называлась "кобылкою". (Об ней в шуйских памятках писано.) А купец, у которого покражу сделали, отличный человек был — умный, добрый и рассудительный, и христианин; он и говорит своим молодцам:

— Оставьте, не надо. Чего еще! Все мое добро почти в целости, а из-за пустяка и гнаться не стоит.

А молодцы говорят:

— То и есть правда: нам Господь дитя на уличенье злодеев оставил. Это перст видимый: по нем все укажется, каких он родителей, — тогда все и объявится.

А купец говорит:

— Нет, не так: дитя — молодая душа неповинная, он не добром в соблазн введен — его выдавать не надобно, а прибрать его надобно; не обижайте дитя и не трогайте: дитя — Божий посол, его надо согреть и принять как для Господа. Видите, вон он какой... познобившись весь, да и трясется, испуганный. Не надо его ни о чем расспрашивать. Это не христианское дело совсем, чтобы дитя ставить против отца за доказчика... Бог с ним совсем, что у меня пропало, они меня совсем еще не обидели, а это дитя ко мне Бог привел, вы и молчите, может быть, оно у меня останется.

И так все стали молчать, а спрашивать этого мальчика никто не приходил, и он у купца и остался, и купец его начал держать как свое дитя и приучать к делу. А как он имел добрую и справедливую душу,

то и дитя воспитал в добром духе, и вышел из мальчика прекрасный, умный молодец и все его в доме любили.

А у купца была одна только дочь, а сыновей не было, и дочь эта, как вместе росла с воровским сыном, то с ним и слюбилась. И стало это всем видимо.

Тогда купец сказал своей жене:

— Слушай, пожалуйста, дочь наша доспела таких лет, что пора ей с кем-нибудь венец принять, а для чего мы ей станем на стороне жениха искать. Это ведь дело сурьезное, особенно как мы люди с достатками и все будут думать, чтобы взять за нашей дочерью большое приданое, и тогда пойдет со всех сторон столько вранья и притворства, что и слушать противно будет.

Жена отвечает:

— Это правда, так всегда уже водится.

— То-то и есть, — говорит купец, — еще навернется какой-нибудь криводушник да и прикинется добрым, а в душе совсем не такой выйдет. В человека не влезешь ведь: загу-

бим ведь мы девку как ясочку, и будем потом и себя корить и ее жалеть, да без помощи. Нет, давай-ка устроим степеннее.

— Как же так? — говорит жена.

— А вот мы как дело-то сделаем: обвенчаем-ка дочку с нашим приемышем. Он у нас доморошенный, парень ведомый, да и дочь — что греха таить — вся она к нему пала по всем мыслям. Повенчаем их и не скнемся.

Согласились так и повенчали молодых; а старики дожили свой век и умерли, а молодые все жили и тоже детей нажили и сами тоже состарились. А жили все в почете и в счастии, а тут и новые суды пришли, и довелось этому приемышу — тогда уже старику — сесть с присяжными, и начали при нем в самый первый случай судить вора. Он и затрепетал и сидит слушает, а сам то бледнеет, то краснеет и вдруг глаза закрыл, но из-под век у него побежали по щекам слезы, а из старой груди на весь зал раздалися рыдания.

Председатель суда спрашивает:

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

— Скажите, что с вами?

А он отвечает:

— Отпустите меня, я не могу людей судить.

— Почему? — говорят, — это круговой закон: правым должно судить виноватого.

А он отвечает:

— А вот то-то и есть, что я сам не прав, а я сам несудимый вор и умоляю, дозвольте мне перед всеми вину сознать.

Тут его сочли в возбуждении и каяться ему не дозволили, а он после сам рассказал достойным людям эту историю, как в детстве на веревке в кладовую спускался и пойман был и помилован, и остался как сын у своего благодетеля, и всех это его покаяние тронуло и никого во всем городе не нашлось, кто бы решился укорить его прошлюю неосужденою виною, — все к нему относились с почтением по-прежнему, как он своею доброю жизнью заслуживал.

Поговорили мы об этом с приятелем и порадовались: какие у нас иногда встречаются нежные и добрые души.

— Утешаться надо, — говорю, — что такое добро в людях есть.

— Да, — отвечает приятель, — хорошо утешаться, а еще лучше того — надо самому наготове быть, чтобы при случае знать, как с собой управиться.

Так мы говорили (это на сих днях было), а назавтра такое случилось, что разве как только в театральных представлениях все кстати случается.

Приходит ко мне мой приятель и говорит:

— Дело сделано.

— Какое?

— У меня неприятности.

Думаю: верно что-нибудь маловажное, потому что он мужик миттельный.

— Нет, — говорит, — неприятность огромная: кто-то обидно покой мой нарушил. Вышел я всего на один час, а как вернулся и стал ключ в дверь вкладывать, а дверь сама отворилась... Смотрю, на полу ящик из моего письменного стола лежит и все высыпано... золотая цепочка валяется и еще кое-что ценное брошено, а взяты заветные вещи и золотые

часы, которые покойный отец подарил, да древних монеток штук шестьсот, да конверт, в котором лежало пятьсот рублей на мои похороны и билет на могилу рядом с матерью...

Я и слова не нахожу, что ему сказать от удивления.

— Что это? Вчера говорили про историю, а сегодня над одним из нас готово уже в таком самом роде повторение.

Точно на экзамен его вызвали.

— Ну-ка, мол, вот ты вчера чужой душой утешался, — так покажи-ка, мол, теперь сам, какой в тебе живет дух довлеющий?

Присел я молча и спрашиваю:

— Что же вы сделали?

— Да ничего, — отвечает, — покуда еще не сделал, да не знаю и делать ли? Говорят, надо явку подавать...

И спрашивает меня поприятельски: каков мой совет? А что тут советовать? Про явки ему уже сказано, а в другом роде — как советовать? Пропало не мое, а его добро — чужую обиду легко прощать...

— Нет, — говорю, — я советовать не могу, а если хотите, я могу вам сказать, как со мною раз было подобное и что дальше случилося.

Он говорит: пожалуйста, расскажите.

Я рассказал, что раз со мною и с вором случилося.

Сделал я раз себе шубу, и стала она мне триста рублей, а была претяжелая. Так, бывало, плечи отсадит, что мочи нет. Я и взял с нею дурную привычку — идучи все ее с плеч спускать и от того скоро обил в ней по-дол. Утром в рождественский сочельник служанка говорит мне:

— Шуба подбилася: я попортновски мех подшить не умею, посажу на игле, весь по-дол станет морщиться; дворник говорит, что рядом в доме у него знакомый портнишка есть — очень хорошо починку делает; не послать ли к нему шубу с дворником? Он к вечеру ее назад принесет.

Я отвечаю: «Хорошо». Девушка и отдала мою шубу дворнику, а дворник отнес ее

рядом в дом, своему знакомому портнишке.

А сочельник пришел с оттепелью, капели капали: вечером мне шуба не понадобилась — в пальто было в пору.

Я про шубу забыл и не спросил ее, а на рождество слышу, в кухне какой-то спор и смущение: дворник бледный и испуганный, не с праздником поздравляет, а рассказывает, что моей шубы нет и сам портнишка пропал... Просит меня дворник, чтобы я подал явку. Я не стал подавать, а он от себя подал.

Он подал явку, а шубы моей, разумеется, все нет как нет, и говорят, что и портного нет... Жена у него осталась с двумя детьми, — один лет трех, а другой грудной... Бедность, говорят, ужасающая: и женщина и дети страшные, испитые, — жили в угле, да и за угол не заплочено, и еды у них никакой нет. А про мою шубу жена говорит, будто муж шубу починил и понес ее, чтобы отдать, да с тех пор и сам не возвращается... Искали его во всех местах, где он мог быть, и не нашли... Пропал портнишка,

как в воду канул... Я подосадовал и другую шубу себе сделал, а про пропажу забывать стал, как вдруг неожиданно на первой недели великого поста прибегает ко мне дворник... весь впопыхах и лепечет скороговоркою:

— Пожалуйте к мировому, я портнишку подсмотрел... подсмотрел его, подлеца, как он к жене тайно приходил, и сейчас его поймал и к судье свел. Он там у сторожа... Сейчас разбор дела будет... скорее, пожалуйста... подтвердить надо... ваша шуба пропала.

Я поехал... Смотрю, действительно сторож бережет какого-то человека худого, тощего, волосы как войлок, ноги портновские — колесом изогнуты, и весь сам в отрепочках, — починить некому и общий вид какой-то полумертвый.

Судья спрашивает меня: пропала ли у меня шуба, какая она была и сколько стоила?

Я отвечаю по правде: была шуба такая-то, заплочена была триста рублей, а потом ношена и сколько стоила во время пропажи — определить не могу;

может быть, на рынке за нее и ста рублей не дали бы.

Судья стал допрашивать портного — тот сразу же во всем повинился: «Я, — говорит, — ее подшил и к дворнику понес, чтобы отдать и деньги за работу получить... На грех дворника дома не было и дверь была заперта, а господина я не знал по фамилии, ни где живут, а у нас в сочельник в семье не было ни копеечки. Я и пошел со двора, да и заложил закладчику шубу, а на взятые под залог деньги купил чайку-сахарцу, пивка-водочки, а потом утром испугался и убежал, и последние деньги пропил и с тех пор все путался». А теперь он и не знает, где и квиток потерял, и закладчика указать не может.

— Виноват, пропала шуба.

— А сколько, по-вашему, шуба стоила?

Портной не стал вилять и говорит:

— Шуба была хорошая.

— Да сколько же именно она могла стоить?

— Шуба ценная...

— Сто рублей она могла, например, стоить?

Портной себя превосходит в великодушии.

— Больше, — говорит, — могла стоить.

— И полтораста стоила?

— Стоила.

Словом — молодец портной: ни себя, ни меня не конфузит.

Судья и зачитал: "по указу", и определил портного на три месяца в тюрьму посадить, а потом, чтобы он мне за шубу деньги заплатил.

Вышло, значит, мне удовлетворение самое полное, и больше от судьи ожидать нечего.

Я пошел домой, портнишку повели в острог, а его жена с детьми завыли в три голоса.

Чего еще надобно?

Дал Бог мне, что я вскоре же заболел ревматизмом, который по-старинному, по-русски называли "комчугою". Верно ей дано это название! Днем эта болезнь еще и так и сяк — терпеть можно, а как ночь придет, так она начинает "комчить", и нет возможности ни на минуту уснуть. А как лежишь без сна, то невесть что припоминается

и представляется, и вот у меня из головы не идет мой портнишка и его жена с детьми... Он теперь за мою шубу в остроге сидит, а с бабой и детьми-то что делается?.. И при нем-то им было худо, а теперь, небось, беде уж и меры нет... А мне от всего этого суда и от розыска что в пользу прибыло? Ничего он мне никогда этот портнишка заплатить-то не может, да если бы я и захотел что-нибудь с него донимать по мелочи, так от всего от этого будет только "сумой пахнуть"...

Никогда я этого донимать не стану...

А зачем же была эта явка-то подана?

И это стало меня до того ужасно беспокоить, что я послал узнать: жива ли портнишка жена и что с нею и с детьми ее делается?

Дворник узнал и говорит: «Ее присуждено выселить и как раз их сегодня выгоняют: за ними за угол набралось уже шесть рублей».

— Вот те мне, и ахти мне!

А "комчуга" ночью спать не дает и в лица перекидается: за-

дренишь от усталости, а портнишка вдруг является и начинает холодным утюгом по больным местам как по болвашке* водить... И все водят, все разглаживают, да на суставах острым углом налегают...

И так он меня прогладил, что я поскорее дал шесть рублей, не полегчает ли если уж не на теле, то хоть на совести, — потому, так я уверен, что в бедствиях портновской семьи это моя жестокость виновата.

Жена портного оказалась дама чуткого сердца и пришла, чтобы меня благодарить за шесть рублей... А сама вся в лохмотьях, и дети голые...

Дал им еще три рубля...

А как ночь, так портнишка опять идет с холодным утюгом... и зачем это я только наделал?..

Рассердишься и начинаешь думать: а как же мне иначе было сделать? Ведь нельзя же всякому плуту подачку давать? Так все и сомневаются. А тут пасха пришла... Портному еще

* Болвашка — деревянная портновская колодка, на которой разтюкивают.

полтора месяца в тюрьме сидеть. Я уж давал его жене и по рублю, и по два много раз, а к пасхе надо что-нибудь увеличить им пенсию... Ну, по силам своим и увеличил, да жена его о себе иначе понимать стала, и на меня недовольна и сердится:

— Кормильца нашего, — говорит, — оковал: что я с детьми теперь сделаю. Ты нас убил — тебя Бог убьет.

И смешно, и досадно, и жалко, и совестно: несравненно бы лучше было, если бы моя шуба с портным вместе пропала с глаз моих. Было бы это тогда и милосерднее, да и выгоднее: а теперь если хочешь затворить уста матери голодных и холодных детей — корми воровскую семью, а то где твоя совесть-то явится? Заморить-то ведь это и палач может, а ты, небось, за один стол не хочешь сесть ни с палачом, ни с доносчиком...

Кормлю я кое-как семью портнишку, а на душе все противное... Чувствую, что будто я сделал что-то такое, хуже чем чужую шубу снес... И никак от этого не избавиться...

И вот под самую пасху, все пошли к утрене, а я больной остался один дома и только чуть-чуть задремал, как вдруг ко мне жалует орловский купец Иван Иванович Андросов... Старичок был небольшой, очень полный с совершенно белой головой, и лет сорок тому назад умер и схоронен в Орле. Последние годы перед своею кончиною он находился в чрезвычайной бедности, а имел очень богатого зятя, который каким-то неправдами завладел его состоянием. Отец мой этого старика уважал и называл "праведником", а я только помню, что он ходил в садах яблони прививать и у нас, бывало, если сядет в кресло, то уж никак из него не вылезет: он встает и кресло на нем висит как раковина на улитке. Никогда он ни о чем не тужил и про все всегда говорил весело, а когда люди ему напоминали про обиды от дочери и от зятя, то он, бывало, всегда одинаково отнекивался:

— Ну, так что ж!

— А вы бы, Иван Иванович, жаловались.

А он отвечает:

— Вот тебе еще что ж!

— А помрешь с голоду?

— Ну, так что ж!

— И схоронить будет некому.

— Вот тебе еще что ж!

Говорили: он глуп.

А он не был глуп: он пришел к нам на рождество и все ел вареники и похваливал.

— Точно, — говорит, — будто я тепленькими хлопочками напихался, и вставать не хочется.

И так и не встал с кресла, а взял да и умер, и мы его схоронили.

Ведь такой человек очевидно знал, что делал! «В бесстрашной душе ведь Бог живет».

Так-то бы, мол, кажись, и мне следовало сделать: Пропала! — «Ну, так что ж»... А жаловаться? — «Вот тебе еще что ж!» И куда сколько было бы всем нам лучше, и самому бы мне было спокойнее.

Тут как я это рассказал, мой обокраденный приятель и взял меня на слове.

— Вот, — говорит, — и я думал, так и я все так и сделаю. Ничего я никому не подам: и не хочу, чтобы начали тормошить людей и отравлять всем Христово рождество. Пропало и кончено: «Ну так что ж, да и вот тебе еще что ж»?

На этом он дело и кончил, и я ему ничего возражать не смел, но потом досталось мне мучение: в один день довелось мне говорить об этом со многими и ото всех пришлось слышать против себя и против его все несхожее. Все говорили мне:

— Это вы глупо обдумали!.. Так только поташка всем... Вы забыли закон!.. Всякий один другого исправлять должен и наказывать. В этом первое правило.

Читатель! будь ласков: вмешайся и ты в нашу историю, вспомяни, чему тебя учил сегодняшний новорожденный: наказать или помиловать?

Если ты хочешь когда-нибудь "со Христом быть" — то ты это должен прямо решить и как решить — тому и должен следовать... Может

быть, и тебя "под рождество обидели" и ты это затаил на душе и собираешься отплатить?.. Пожалуй, боишься, что если спустишь, так тебе стыдно будет... Это очень возможно, потому что мы плохо помним, в чем есть настояще "первое правило"... Но ты разберись, пожалуйста, сегодня с этим хорошенечко: обдумай — с кем ты выбираешь быть: с законниками ли разноглагольного закона, или с тем, который дал тебе "глаголы вечной

жизни"... Подумай! Это очень стоит твоего раздумья, и выбор тебе не труден... Не бойся показаться смешным и глупым, если ты поступишь по правилу того, который сказал тебе: «Прости обидчику и приобрети себе в нем брата своего».

Я тебе рассказал пустяки, а ты будь умен, — и выбери себе и в пустяках-то полезное, чтобы было тебе с чем перейти в вечность.

Обуянная соль

Литературная заметка.

Соль — добрая вещь, но если соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уж ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон.

Моя мимолетная беседа в рождественском номере «Петербургской газеты», к удивлению мо-

ему, не перестает беспокоить некоторых писателей и других серьезных особ, от которых я и получаю укоризны словесные,

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

письменные и печатные. Я рассказал, как обворованный не захотел искать вора, а мне хотят доказать, что этим дан дурной, "снобистический" пример, ибо прощать человеку преступление не должно, а непременно надо виновного судить и наказывать. В одной газете еще сильнее сказано: "следует казнить".

По твердости и решительности тона, каким это высказывается, я должен думать, что требование "казней" исходит от лиц совершенно чистых и безгрешных, которым не страшно поднять и бросить камень в виноватого, и я прежде всего признаю за ними в этом отношении их огромное надо мною преимущество: я не так чист сам, чтобы швырять камень в другого. Мне, может быть, не следовало бы и разъяснить, что ошибочно в этих суждениях, но я это сделаю не для себя, а для молодых писателей, перед которыми не только меня укоряют за "снобизм", но и порицают старый добрый литературный идеал, на место которого рекомендуют принять нечто другое, по моему мнению,

нимало не высшее, а, напротив, гораздо низшее и притом совершенно несвойственное духу, в каком следует вести рождественскую беседу.

Я чувствую себя призванным разъяснить, что идеал, которого я держался, вполне разумен и благороден, что простить обидчика гораздо выше, чем сказнить его, и что в рождественском рассказе, — с тех пор как эта литературная форма вошла в употребление, — всегда было принято представлять сюжет, смягчающий сердце, и трактовать этот сюжет в духе Евангелия, а не в духе политической экономии или Устава о предупреждении и пресечении преступлений.

В трех случаях, о которых я писал в рождественском номере, рассказано о двух людях, которые не захотели преследовать судом обидчиков, посягнувших на их собственность, и о третьем, который получил неудовольствия по поводу осуждения вора. Я отнюдь не порицал тех, кто ищет своих пропаж и предает похитителей судье и истязателю, а я только

рассказывал в день Рождества Христова о таких людях, которые были столь милостивы, что не захотели искать и наказывать своего обидчика. И мне кажется, что это нимало не преступно и не соблазнительно, ибо всем известно, что милосердие должно ставить выше отместки и прощение выше наказания. Я думаю, нет нужды называть, кто учил нас этому и сколько есть всем известных характерных текстов на эту тему. И до сих пор это не вызывало ни раздражения, ни спора, ни гнева в литературе. И на театре нам показывали, как купец Гордей Торцов прощал мота и пьяницу Любима, и в исторических рассказах передавали, как известный хлебосол Разумовский посыпал дорогой прибор гостю, на которого пало подозрение, что он украл одну ложку с этого прибора... Не полиции о нем заявил, а дослал ему то, что им было недобрано... И множество подобных вещей никогда не считались за "соблазн" и за "расшатывание порядков жизни", а теперь вдруг такой оборот, что такие же самые дви-

жения сердца почитаются за дурное и за вредное!..

Что за искушение!

Идеал и взгляд в нашей литературе нынче, значит, изменились, и изменились они не к лучшему, а к худшему, так как евангельский идеал, к которому до сих пор проникалась уважением литература, без сомнения, выше правды всякого судебника. Ставяясь склонять литературу к тому, чтобы она вместо заботы об умягчении сердец прилагала усилие внушать беспощадность к преступнику, есть дело недостойное доброго и рассудительного писателя. Как сделать, чтобы высший христианский идеал прощения привести в согласие с политическою экономией и Уставом о предупреждении и пресечении, — этого я не знаю и думаю, что это к обязанностям изобразительной литературы нимало и не относится; но я знаю, что литература должна искать высшего, а не низшего, и цели евангельские для нее всегда должны быть дороже целей Устава о предупреждении. Нам дано ясное указание: «Голос вопиет: урав-

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

нивайте стези, по которым идет спасение». Спасение же общее для всех «в любви, в прощении обид, в милосердии ко всякому — к своему и к самарянину», а цель и радость в том, что при общем смягчении сердец «мечи будут перекованы на сошники, и мир Божий водворится в сердцах всех людей», и, когда исправится в злобе своей человек, тогда он исправит всю природу до того, что «ягненок будет лежать возле льва, и лев не станет вредить ему». Мы чувствуем, что дело идет к этому, и верим тому, за кем хотим следовать, почитая учение его за самое совершенное и спасительное для человеческого рода.

Если же литература отступит от этого высокого и верного направления и предаст себя на служение целям политиче-

ской экономии или Уставов о пресечении, то она, несомненно, уклоняется от своего высшего назначения — «чувства добрые в сердцах чтоб пробуждать», и является в низшей роли, «как бы рабынею чуждого господина». И тогда ею уже нельзя осолять гнилость, а она будет то, что «обуянная соль, потерявшая свою соленость, которую остается выбросить вон».

К этому ее, очевидно, и толкают, и ногами на нее топают литературные слепцы, «отцепывающие комара и проглатывающие верблюда». Это может подавать молодым писателям самый дурной и вредный пример, и писатель, прошедший долгий путь жизни, обязан указать на эту опасность — что я и делаю.

Лесков, Николай Семенович (1831—1895) — классик русской литературы, был духовно близок Л. Н. Толстому и много лет поддерживал с ним переписку.

Под Рождество обидели

Впервые в "Петербургской газете", 1890, № 354. В сокращенном виде рассказ включен Л. Н. Толстым во 2-й том «Круга чтения» (М., «Посредник», 1906). Печатается по изд.: Н. С. Лесков. На краю света. Л., "Лениздат", 1985.

"Давний и хороший приятель" Лескова — историк-бытописатель Михаил Иванович Пыляев (1842-1899). Лесков, благодаря Л. Н. Толстого за "ободряющие строчки по поводу" своего рассказа, с юмором писал о затруднительном положении, в какое невольно попал "приятель": «Вдруг подвернулась эта история с М. И. Пыляевым. Я и написал все, что у нас вышло, без прибавочки и убавочки».

Обуюнная соль

Впервые в «Петербургской газете», 1891, 13 янв. Печатается по изданию: Н. С. Лесков. О литературе и искусстве. Л., 1984.

Статья написана в ответ на обвинения Лескова в проповеди милосердия к преступникам. «Обуюнная соль» была высоко оценена Л. Н. Толстым. 20-21 янв. 1891 г. Толстой писал Лескову: «Ваша защита — прелесть, помогай Вам Бог так учить людей. Какая ясность, сила и мягкость. Спасибо тем, кто вызвал эту статью. Пожалуйста, пришлите мне сколько можно этих номеров. Благодарный вам и любящий вас Л. Т.»

...в рождественском рассказе... — Лесков дает истолкование особого этического назначения жанра рождественского рассказа, который получил распространение в европейской и русской литературе во второй половине XIX в.

...купец Гордей Торцов прощал мота и пьяницу Любима... — персонажи пьесы А. Н. Островского «Бедность не порок» (1853).

...известный хлебосол Разумовский... — видимо, граф Алексей Кириллович Разумовский (1748-1822), с 1786 г. — сенатор, с 1810 г. — министр народного просвещения.

Е. И. Замятин

Арапы

Сказка

На острове на Буяне — речка. На этом берегу — наши краснокожие, а на том — ихние живут, арапы.

Нынче утром арапа ихнего в речке поймали. Ну, так хорош, так хорош: весь — филейный. Супу наварили, отбивных нажарили — да с луком, с горчицей, с малосольным нежинским... Напитались: послал Господь!

И только было вздремнуть легли — воп, визг; нашего увологли арапы треклятые. Туда-сюда, а уж они его освежевали и на угольях шашлык стряпают.

Наши им — через речку:

— Ах, людоеды! Ах, арапы вы этакие! Вы это что-ж, это, а?

— А что? — говорят.

— Да на вас что — креста, что ли, нету? Нашего, краснокожего, лопаете. И не совестно?

— А вы из нашего — отбивных не наделали? Энто чьи кости-то лежат?

— Ну что за безмозглые! Дак ведь мы вашего арапа ели, а вы — нашего, краснокожего. Нешто это возможно? Вот, дайка, вас черти-то на том свете поджарят!

А ихние, арапы, — глазищи белые вылупили, ухмыляются да знай себе — уписывают. Ну до чего бесстыжий народ: одно слово — арапы. И уродятся же на свет этакие!

Церковь Божия

Сказка

Порешил Иван церковь Богу поставить. Да такую — чтоб небу жарко, чертям тошно стало, чтоб на весь мир про Иванову церковь слава пошла.

Ну, известно: церковь ставить — не избу рубить, денег надо порядочно. Пошел промышлять денег на церковь Божию.

А уж дело к вечеру. Засел Иван в логу под мостом. Час, другой — затопали копыта, катит тройка по мосту: купец проезжий.

Как выяснистнет Иван Змей-Горынычем — лошади на дыбы, кучер — бряк озерь, купец в тарантасе от страху — как лист осиновый.

Успокоил кучера — к купцу приступил Иван:

— Деньги давай.

Купец — ну кляться-божиться: какие деньги?

— Да ведь на церковь, дурак: церковь хочу построить. Давай.

Купец клянется-божится: «сам построю». А-а, сам? Ну-ка?

Развел Иван костер под кустом, осенил себя крестным знамением — и стал купцу луchinкою пятки поджаривать. Не стерпел купец, открыл деньги: в правом сапоге — сто тыщ, да в левом еще сто.

Бухнул Иван поклон земной:

— Слава тебе, Господи! Теперь будет церковь.

И костер землей закидал. А купец охнуул, ноги к животу подвел — и кончился. Ну что поделаешь: для Бога ведь.

Закопал Иван обоих, за упокой души помянул, а сам в город: каменщиков нанимать, столяров, богомазов, золотильщиков. И на том самом месте, где купец с кучером закопаны, вывел Иван церковь — выше Ивана Великого. Кресты

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

в облаках, маковки синие с звездами, колокола малиновые, всем церквам церковь.

Кликнул Иван клич: готова церковь Божия, все пожалуйте. Собралось народу видимо-невидимо. Сам архиерей в золотой карете приехал, а попов — сорок, а дьяков — сорок сороков. И только это службу начали — глядь, архиерей пальцем Ивану вот так вот:

— Отчего, — говорит, — у тебя тут дух нехороший? Поди старушкам скажи: не у себя, мол, они на лежанке, а в церкви Божией.

Пошел Иван, старушкам сказал, вышли старушки; нет опять пахнет! Архиерей попам пальцем мигнул: заладили все

сорок попов; что такое? — не помогает. Архиерей — дьяконам: замахали дьякона в сорок сороков кадил: еще пуще дух нехороший, не продохнуть, и уж явственно: не старушками — мертвой человечиной пахнет, ну просто стоять невмочь. И из церкви народ, — дьякона тишком, а попы задом: один архиерей на орлеце посреди церкви да Иван перед ним — ни жив, ни мертв.

Поглядел архиерей на Ивана — насквозь, до самого дна — и ни слова ни сказал, вышел.

И остался Иван сам-один в своей церкви: все ушли, не стерпели мертвого духа

Евгений Иванович Замятин (1884-1937) — известный русский писатель, автор рассказов и повестей, глубокомысленных сказок и притч. В молодости участвовал в революционном движении. Во время Первой мировой войны за антивоенную повесть «На куличках» (1914) был привлечен к суду и отправлен в ссылку. Наибольшую известность получил его антиутопический роман «Мы» (1922) о будущем тоталитарном коммунистическом обществе. При жизни Замятина он был напечатан за рубежом и вызвал гонения в отношении автора; в 1931 г. писатель был вынужден эмигрировать.

Виталий Адаменко

Л. Н. Толстой самиздатом

В прошлом, 2014 году мы переписывались с известной исследовательницей творчества Л. Н. Толстого — Ириной Викторовной Петровицкой. Именно благодаря ее усилиям Полное собрание сочинений в 90 томах сейчас доступно всем пользователям интернета в электронной форме; она подготовила и издала сборники философских и публицистических работ Л. Н. Толстого. Беседовали мы о том, как в современных условиях сделать более доступным для людей его духовное наследие, и мне представился такой вариант.

В 2007 году на своем принтере я напечатал около двух десятков книжек Л. Н. Толстого тиражом в 5 экз., под маркой воображаемого издательства «Звезда» и подарил нашей областной библиотеке. В каталоге сейчас значится 16 из них.

На абонементе я смотрел, их иногда читают, но без особого ажиотажа. Недавно одну из них я решил пересобрать заново.

Можно в таком же духе все публицистические работы

Л. Н. Толстого распределить по небольшим брошюрам — 64-80 стр. — по хронологическому и тематическому порядку, включая переписку, фрагменты из дневников, интервью и некоторые воспоминания и несколько художественных произведений, которые почему-то в советское время не печатали — «Молитва», «Неверующий», «Детская мудрость» — в общем, всё, что сочтете нужным и с Вашиими комментариями.

Мне кажется, что таким об-

разом не стоит публиковать то, что всем известно — например, «Азбуку»; совсем уж недописанные наброски; и наоборот, большие по объему вещи, которые не поместятся в одну книжечку: как перевод Евангелий, «Так что же нам делать» и пр., если только отрывки из них. Я бы сейчас и отчеты о деньгах, потраченных на голодающих перепечатывать не стал. Но это Вы всё сами лучше меня решите.

А на последней странице брошюры обязательно сделать объявление, что если читателя эта брошюра заинтересовала, то он может поучаствовать в благотворительной акции — распечатать несколько экз. на своем принтере и подарить ближайшей библиотеке или школе, в которых таких произ-

ведений наверняка нет, да и вообще библиотеки у нас бедны.

Всё для тех, кто не пользуется интернетом.

Думаю, что несколько энтузиастов найдутся. И когда таких макетов наберется десяток, выставить у себя на сайте, сделать сообщение по всем упомянутым сообществам. Когда наберется хотя бы половина — разместить их на сайте торрентов. Всего будет, наверное, штук сто.

У виртуального издательства есть целый ряд преимуществ: финансовый вопрос отпадает; вопроса с авторским правом нет (пока речь идет о Толстом); с цензурой тоже нет; технический вопрос решается гораздо проще. И все преимущества децентрализации.

Размышления о пацифистском видео-канале и толстовской газете

В 2012-2013 (еще довоенных) годах между **Ильей Овчаренко**, последователем Л. Н. Толстого, и **Алексеем Трушниковым**, основателем электронной библиотеки «Вне насилия» («Антимилитария»), на странице социальной сети «В Контакте» состоялся следующий диалог. Привожу с некоторыми сокращениями:

Илья: *Есть такое предложение, как создание канала антимилитаристов на ютубе и выкладывать туда самый бескомпромиссный взгляд на армию и воинскую повинность. В частности, зачитывая что-то из библиотеки Антимилитари, дополняя картинками соответственно читаемому тексту, или фотографиями автора и его жизни. Известные имена быстро набирают просмотры (Толстой, Ганди, Кинг); я думаю, это может привлечь внимание и к самим работам, и к авторам для дальнейшего углубления в их понимание мира.*

Можно записывать озвучивание книг, статей, афоризмов на антивоенную тему и сводить в видео.

Также важно выкладывать истории тех кто, не боясь всяческих лишений и даже смерти, не шли в воинскую повинность, например, Дрожжин.

Т.е. наимпростейший алгоритм осуществления следующий:

- 1. создание аккаунта на ютуб Антимилитари;*
- 2. запись наиболее ясного и мудрого текста по антивоенной тематике;*

3. *свести его в видео формат через Вегас;*
4. *выложить на ютуб.*

В идеале можно также подключить людей из различных стран и регионов, которые бы в двух словах говорили, почему они не пойдут в армию, запись себя на видео и выкладывать на канале, можно также на разных языках.

Сделать отдельно плейлист для этого. Т.е. сделать большие интерактивности.

Алексей: Илья, да, это было б хорошо. Просто времени на проект не много получается. Смогу начать, а продолжить не смогу — то же не правильно. Тут надо объединяться, и тогда все сможем вместе-то!

Идея меня заинтересовала. Мысленно представил, что нужно для создания и ведения такого видео-канала: иметь подходящую внешность, голос; быть в курсе текущих событий; писать сценарий программы; знать техническую сторону дела; иметь достаточное количество свободного времени, чтобы выпускать программу регулярно и вовремя. Никаких из перечисленных способностей я в себе никогда не чувствовал, потому в диалог и не вступил. А с чисто технической и финансовой стороны все это не так сложно и не дорого. И среди тех, кто пользуется интернетом, такой видеожурнал был бы популярен.

Сейчас я могу добавить, что нечто подобное делает **Елена Попова** из организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» (<http://vk.com/haveright>). В записи участвует она и ее гости, — иногда не вживую, а по скайпу. Она отвечает на юридические вопросы, объявляет новости, зачитывает афоризмы и цитаты, относящиеся к сознательному отказу от службы в армии. Все достаточно просто и без затраты больших средств. Это еще не полноценный пацифистский видео-канал, но есть на что ориентироваться.

Размышления о пацифистском видео-канале и толстовской газете

С 2014 года Илья, не найдя себе помощников, стал сам, один, записывать свои видеообращения и выкладывать их на ю-тюбе.

Мы очень надеемся, что вскоре найдутся люди, которые воплотят в жизнь идею создания антивоенного видео-канала.

А что думают об этом наши читатели?

Прежде чем создавать наш Альманах, мы стали обсуждать, будет ли он востребован и не лучше ли вместо этого выпускать газету? Привожу здесь основные мысли в обобщенном виде.

Конечно, лучше было бы выпускать газету и в бумажном виде: она расширяла бы круг тех, кто не пользуется интернетом. В сети нашел такую информацию: по опросам ВЦИОМ (на 2009 г.) 79% россиян хотя бы иногда читают газеты — а скачивают книги из интернета или читают онлайн только 7%. Хотя за последние годы эта цифра могла существенно измениться, можно сказать: отмирание бумажной прессы идет, но когда еще будет.

Все религиозные и общественно-политические движения выпускают газеты или маленькие (до 64 стр.) журнальчики: размером почти с альбомный лист, богато иллюстрированные, с актуальными статьями, минимум переизданий старых текстов и пр.

Газету или тонкий журнал можно предложить человеку при реальном, не интернетовском общении, принести на какую-то встречу, раздавать — ничего такого невозможно с эл. версией.

С другой стороны, мне дорога мысль о переиздании ряда основных изданий «Посредника», публикации документов из архивов и воспоминаний толстовцев — для всего этого ни тонкий журнальчик, ни газета не подойдут. Нужен журнал по образцу толстых литературно-художественных, страниц около 200. Иначе все эти публикации туда не влезут или растянутся на десяток номеров. Из старых толстовских журналов больше всего этому соответствовал

детский журнал «Маяк» — выходил регулярно раз в месяц, около 100 страниц, до 1918 г. было выпущено более сотни номеров.

Толстый журнал небольшого формата и в 200 стр., если он когда-нибудь будет печататься на бумаге, тоже вполне можно раздавать при встрече. Только дорогоувато.

Газету можно сделать в 8 страниц формата А4 (альбомный лист), выпускать один раз в неделю (в худшем случае — один раз в месяц) и в бумажном виде. Напечатать один выпуск тиражом 1000 экз. стоило бы 6 тыс. руб. — не так много, на 1 раз в месяц — вполне можно найти из своих средств. Если появятся платные подписчики, можно перейти и к еженедельнику. Сколько будет стоить рассылка, распространение — зависит от того, как распространять.

Для издания газеты нужно в первую очередь самому постоянно писать. Большая часть газеты должна быть заполнена статьями, написанными сегодня, о сегодняшнем дне, специально для этой газеты. Соответственно, нужно постоянно быть в курсе текущих событий. Заниматься дизайном и иллюстрациями. Взять на себя ответственность не только юридическую, но и за своевременное наполнение газеты материалом, за проверку сообщаемой информации и пр. Организовать подписку и распространение газеты.

Можно начать выпуск и более общей газеты, не связанной непосредственно с именем Л. Н. Толстого. Пригласить людей, разделяющих ценности ненасилия и пацифизма, но при этом имеющих разные взгляды по остальным вопросам. Назвать ее «Голос ненасилия» или «Путь ненасилия».

Может быть, со временем, найдутся те, кто за это возьмется. Издание нашего Альманаха не закрывает дорогу кому-либо еще завтра же начать выпуск такого тонкого иллюстрированного журнальчика или газеты.

О библиотеке «ВНЕ НАСИЛИЯ»

(<http://antimilitary.narod.ru>)

В апреле 2002 года Алексеем Трушниковым был создан проект «Вне насилия». Изначально он «вырос из идеи создания страницы с антимилитаристскими текстами... Так как, когда я искал тексты по ненасилию, я не нашел ни одного сайта, где бы это все было собрано и тем более систематизировано. Поэтому решил заняться реализацией такого сайта. Данный проект посвящён антимилитаризму, ненасилию, а также вопросу формирования Активной гражданской позиции.

Теперь у Вас есть возможность не рыться в Интернете в поисках необходимой информации, а воспользоваться результатом моей работы».

Кроме классики: Г. Д. Торо, Л. Толстого, М. Ганди, М. Л. Кинга и др., здесь была размещена еще и информация по

Альтернативной гражданской службе. В 2000-2001 году Алексей был участником эксперимента по отработке альтернативной гражданской службы в пермской области и отстоял свое право на нее в судебном порядке. Дальнейшее участие в гражданских акциях и форумах, а также сборник «Антология ненасилия» и побудили к созданию этой страницы.

«Если же у вас есть что-то, чего нет в библиотеке, шлите мне на е-мейл — пусть это станет вашим вкладом в Мир Вне Насилия!» В начале 2004 года я, Виталий Адаменко, именно так и поступил. С того момента началось мое сотрудничество с Алексеем и его проектом. Впоследствии наши роли разделились так, что Алексей, как программист, оставил за собой решение всех технических вопросов, а «электронным библиотекарем» стал я.

За эти годы сайт значительно разросся и стал самым крупным собранием подобных текстов в интернете на русском языке. Только в 2014 году у нас появился серьезный «конкурент»: сайт «Христианский пацифизм»

(<http://christianpacifism.org>), руководимый Г. А. Гололобом, украинским баптистом.

Занимались мы библиотекой в свободное от работы время и на чистом энтузиазме, поэтому многое в нашей библиотеке остается недоделанным: начиная с дизайна и заканчивая устаревшей страницей внешних ссылок. С другой стороны, появилась коллекция антивоенных фильмов и песен; сайт подготавливает свои сборники в PDF. Списка всей имеющейся литературы как такового нет, но есть Указатели всех тех людей и организаций, о которых в библиотеке собрана информация. Материал расположен, в основном, по хронологическому принципу, начиная с событий 2.500-летней давности. Есть страница Избранных текстов, с которой всем рекомендую начать знакомство с нашей библиотекой, чтобы не утонуть в массе различной литературы.

Сайт успешно развивался, когда 3 октября 2015 года я обнаружил, что наш сайт удален. Никакого предупреждения с указанием причин мы с Алек-

О библиотеке «Вне насилия»

сеем не получали, администрации той системы, где была расположена библиотека, долгое время отвечать нам не хотели. Я в это время был в поездке, в Санкт-Петербурге, поэтому разбираться с ситуацией пришлось одному Алексею. А я написал свое «Заявление» по этому поводу и стал распространять его, в первую очередь среди своих знакомых. Алексей это «Заявление» одобрил. После его писем и активных действий, вплоть до прямого обращения к людям, ответственным за данный хостинг, 8 октября наш сайт был восстановлен. Как нас заверили, это была чисто техническая ошиб-

ка. Так это или не так, мы не знаем, но что-то не очень верим. Сейчас Алексей планирует наш переезд на другой адрес и деятельно готовится к нему. К тому же здесь посетителям мешает навязчивая реклама — сайт-то бесплатный, поэтому приходится платить разными неудобствами.

Было ли это происшествие технической ошибкой, случайностью? Не знаю, ничего определенного сказать не могу. Но наш сайт жил, сайт жив и, мы надеемся, будет жить и развиваться и дальше.

*В. Адаменко,
с поправками А. Трушникова*

По поводу исчезновения библиотеки «ВНЕ НАСИЛИЯ»

Во-первых, хотелось бы поблагодарить всех тех, кто здесь высказал свое сочувствие.

То, что библиотеки больше нет, я обнаружил 3 октября,

можно сказать, случайно: никакого предупреждения, никаких претензий нам системой "укоз" прислано не было. Мы с Алексеем Трушниковым просмотрели свои почтовые ящики

ОБЪЯВЛЕНИЯ, НОВЫЕ КНИГИ

ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА "ВНЕ НАСИЛИЯ"

[Главная](#)[Библиотека](#)[Указатели](#)[Кинозал](#)[Ссылки](#)[Группа в Контакте](#)

Данная библиотека создана в попытке ликвидировать вакуум философской литературы по ненасилию. Здесь есть труды, считающиеся классикой, литература по восточной философии, основа которой — непрчинение зла, а также произведения современных авторов. Надеюсь, эта библиотека поможет вам разобраться в том, что такое ненасилие, и как его можно претворить в жизнь.

С уважением, Алексей.

Библиотека поделена на разделы:

0. 1. Классика
? Ранний период

— никакого письма не обнаружили.

Алексей написал им запрос, чтобы выяснить причины удаления сайта. Но у нас есть уверенность, что они нам не ответят и содержимое библиотеки не вернут. Так как предупреждения от них мы не получали, то я и не могу сказать, нарушили ли мы какие-нибудь их правила. Скорее всего, нет. А в последние дни — определенно нет. Последнее время там ничего нового не делалось, потому что я сейчас не дома, не в своем городе, и доступ к интернету у меня ограниченный.

Вероятно, дело в содержании, в тематике самой библиотеки. Были ли среди выставленных там текстов экстремистские в узком и точном смысле этого слова, то есть

включенные в соответствующий список? Специально не проверял, но думаю, что таких не было. Насколько понимаю, изо всех пацифистских текстов в список экстремистской литературы попадают лишь издания Свидетелей Иеговы. Да и то по решению суда, а не просто чьего-то "мнения". Писания всех остальных: адвентистов, анархистов, хиппи и мн. др. до сего времени экстремизмом не считались. Так что удалять или блокировать наш сайт за содержание его текстов никаких законных причин не вижу. Соответственно, если он был удален именно по этой причине, то нам на наш запрос они ничего ответить и не смогут, им просто нечего ответить.

То, что удалили наш сайт — это неприятно, но не слишком.

О библиотеке «Вне насилия»

Половина его текстов уже была растищена, скопирована на ряде других сайтов, страниц, сообществ, — чему я, конечно, рад. Почти все тексты у меня есть в копиях в разных местах. Но даже если одна десятая часть собранного там бесследно пропала, то для меня, как коллекционера, это, конечно, печально; но для меня, как распространителя определенных взглядов, это несущественно. Все основные тексты никуда не делись, они уже давно ходят по интернету.

Алексей попробует восстановить сайт в другом месте и, вероятно, еще лучше, чем был. Не связываясь с "народами", "указами" и пр. Я не программист, но даже за эти дни нашлись два профессиональных программиста, которые предложили свою помощь в пересоздании библиотеки на новом месте — большое им спасибо. Причем сами предложили, без моей просьбы. А если я открыто попросил бы помощи, полагаю, нашлись бы и еще помощники. А уж если написать в "Интернационал Противников Войны"...

Но даже если бы не нашлось программистов, и не было бы возможности восстановить

библиотеку, то я бы не остался без дела. Например, занялся бы составлением текстов для Википедии, от чего меня библиотека отвлекала. Популярность, посещаемость страниц Википедии несомненно выше, чем была у нашей библиотеки, так что удаление нашего сайта никак не может остановить распространение наших взглядов, а скорее наоборот. Это я обращаюсь уже к тем, кто его прихлопнул.

Если бы я сам был автором текстов этой библиотеки, и провозвестником исключительно своих собственных идей то, может быть, имело бы смысл прихлопнуть не сайт, а меня. Но я всего лишь собиратель чужих статей и книг, написанных разными людьми, напечатанных и известных уже очень давно.

По моим представлениям, история ненасилия и пацифизма насчитывает уже две с половиной тысячи лет. Этих взглядов, в той или иной степени, в начале прошло века придерживались около миллиона человек, а сейчас в мире порядка ста миллионов человек. Смутно же, в глубине своей души, несовместимость убийства, любого убийства че-

ОБЪЯВЛЕНИЯ, НОВЫЕ КНИГИ

ловека, с христианством, с гуманизмом, вообще с чем-либо человеческим, осознается практически всеми людьми. Есть ли у нас причины для пессимизма?

Так что если мы правы, и наш сайт удалили именно за взгляды, а не по какой-то чисто технической причине, то тем, кто это сделал, следовало бы задуматься: не занимаются ли они бесполезным делом, таким детским озорством, ни на что существенно не влияющим?

P.S.: Если кто в нашей библиотеке что-нибудь не дочитал, или хотел прочитать, обращайтесь прямо ко мне — я постараюсь найти и прислать эти тексты вам на почту.

С уважением,
Виталий Адаменко,
adamenko77@gmail.com.

05.10.15

Предисловие к «толстовской» странице Библиотеки:

Эта страница целиком будет посвящена произведениям Льва Николаевича Толстого (1828–1910), относящимся к теме "ненасилие", его жизни и жизни его последователей — "толстовцев".

Л. Н. Толстой больше всех остальных в нашем европейском, христианском мире писал на тему ненасилия. Но "Нет пророка в своем отечестве", и потому в интернете проще найти **подобную страницу на английском языке**, чем на русском. Его взгляды более известны, более уважаемы на Востоке и на Западе, чем у нас, а недостатка в тех, кто перевирает его слова, по-прежнему нет. Хотелось бы, чтобы эта страница насколько возможно способствовала исправлению ситуации.

С уважением, Виталий.

* См.: <http://www.nonresistance.org/tolstoy.html>.

Новые книги

Лев Н. Толстой. Дневники – избрано. 1881 – 1910 / Л. Н. Толстой.
Дневники – Избранное. 1881 – 1910. Съставител/редактор Йордан Йорданов. Превод: Елена В. Рачева. Издател: НЧ „Ясна поляна – 2014”, Варна. – Двуязычное издание. – 333 стр.

Всем этим бумагам, кроме дневников последних годов, я, откровенно говоря, не приписываю никакого значения... Дневники же, если я не успею более точно и ясно выразить то, что я записываю в них, могут иметь некоторое значение, хотя бы в тех отрывочных мыслях, которые изложены там. И потому издание их, если выпустить из них все случайное, неясное и излишнее, может быть полезно людям [...]

Л.Н. Толстой
13/26 мая 1904 г

Дневники Льва Толстого занимают 13 томов 90-томного собрания сочинений, издание которых началось в 1928 году (в печатном виде) и закончилось оцифровкой в рамках проекта «Весь Толстой в один клик» в 2014 году.

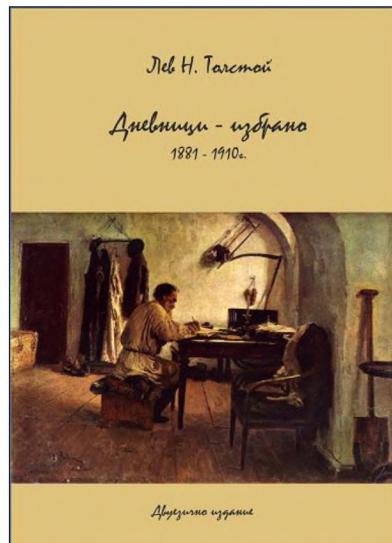
Несмотря на максимальную открытость, попытки «подступиться» к духовному наследию писателя, которые чаще всего предпринимаются после зна-

комства с его художественными произведениями в рамках школьной программы, очень часто наталкиваются на элементарную нехватку времени и знаний: где именно, в каком месте многотомного издания, читатель может найти то самое ценное, важное и сокровенное, что сам Толстой в конце своей жизни полагал «имеющим значение»...

Да и кто из современников или последователей великого

реформатора взял бы на себя смелость решать, что имеет значение, а что нет – когда начиная с 20-х годов прошлого века целая армия «толстоведов» убедительно и твердо доказала несостоятельность «философских» рассуждений «выжившего из ума старика», и последующие годы эта линия только поддерживалась – в струе общих гонений на религию и теологию, идущих вразрез с марксистско-ленинской философией.

Сегодня мы перешагнули порог третьего тысячелетия и перешли на качественно иной – информационный – уровень взаимодействия с окружающим миром: любые сведения о событиях, предметах и явлениях прошлого и современности открыты, доступны и практически бесплатны. Однако тенденция замалчивания духовно-философского и социального наследия писателя, к сожалению (и к удивлению), продолжается – разве что носит не показательно-репрессивный характер, а связана скорее с общей бездуховностью эпохи.

Лев Н. Толстой

Дневники - изображено

1881 - 1910.

Афористично изданы

Толстой-философ сегодня – это:

а) «неформат» – его дневники и публистика в целом чрезвычайно объемны и плохо структурированы, вдобавок они не развлекают и «не корямят»

б) идеологически не близко и даже чуждо – как национал-патриотическим, так и либерально-демократическим ценностям, что отражается не только на политике государственных институтов «имени Льва Толстого» (музеев, библиотек, школ, вузов и т.д.), но и в обычной, повседневной жизни.

Новые книги: Дневники Л.Н.Толстого

Как таковой, Толстой присутствует сегодня практически везде – причем, в масштабах доселе невиданных. Но за фасадом культуры и просвещения от нас скрывают самое главное – голос разума и любви.

Дневники 1881-1910 гг. Избранное

Это первое издание дневников Льва Толстого, аккумулирующее ключевые положения его духовных поисков и делающее их доступными для широкого круга читателей.

150 страниц на русском и примерно столько же на болгарском языке – религиозно-философские и социальные выводы последних трех десятилетий жизни Толстого, замечательно и тонко отобранные Йорданом Йордановым, современным последователем и рас-

пространителем идей Толстого в Болгарии.

«Дневники» включают в себя электронное и печатное издания, подготовленные стараниями неравнодушных людей – без какой бы то ни было поддержки со стороны бизнеса, государства, общественных институтов, без участия научного сообщества и экспертов от культуры и цензуры. Это редкая и уникальная возможность открыть для себя и внутри себя «свободное, всемогущее, вневременное, внепространственное» – буквально на одном дыхании. И остаться навсегда благодарным тем, кто нашел в себе силы и ответственность выполнить просьбу писателя – с вниманием, любовью и подлинной верой в человека.

A. Ф.

Скачать эту книгу в эл. виде можно на странице:

<http://exodus.today/130815>.

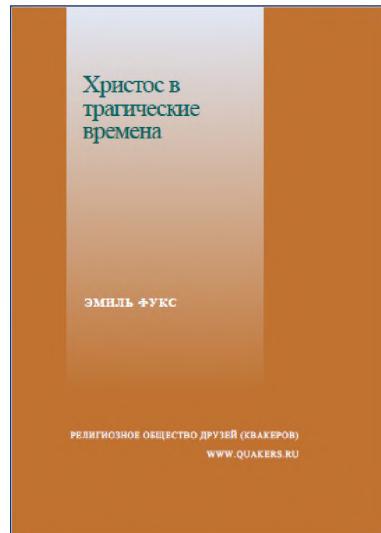
Для заказа бумажной версии книги пишите на:
chitaliste2014@gmail.com.

Эмиль Фукс. **Христос в трагические времена.** Издание религиозного Общества Друзей (квакеров). Самара, 2015. – 36 стр.

В 2014 году появился перевод одной замечательной книги. Это и размышления и воспоминания автора о самом тяжелом периоде его жизни – о жизни в Германии при нацистах.

Эмиль Фукс родился в 1874 году. Уже во время Первой мировой войны Фукс стал убежденным пацифистом, а в 1925 он присоединился к немецкому Обществу Друзей (квакеров). Квакеры верят, что в каждом человеке есть частичка Духа Божьего, и потому все мы равнозначны, равно достойны уважения, и никакой человек не вправе убить другого человека. Истинная религия не может быть выучена по книгам и ритуалам, но внутренне раскрывается каждому человеку индивидуально, посредством Духа живого. Каждый обладает определенной свободой выбора и сам решает за себя.

В 1931 году Эмиль Фукс стал профессором религиоведения в Киле. После прихода нацистов к власти он был не

только уволен, но и приговорен к 10 месяцам тюрьмы за «антиправительственную пропаганду». После, уже находясь под наблюдением Гестапо, Фукс помогал преследуемым людям бежать из нацистской Германии. Он потерял жену и дочь, а оставшимся членам его семьи, разделявшим взгляды своего отца, грозила смертельная опасность. Его младший сын вынужден был скрываться, опасаясь студенческого самосуда за свои антифашистские

Новые книги: Э. Фукс. Христос в трагические времена

взгляды.

Как пишет автор рецензии в «Русском журнале»: «Для Эмиля Фукса, как и для многих, это время было временем ужаса и страдания. Однако Эмиль смог не только сохранить веру, но и найти в ней поддержку и ответы на те вопросы, которые люди часто задают себе в моменты отчаяния: как Бог допустил это? Как можно радоваться чему-то после того, что произошло? Как и ради чего жить теперь? Книга Эмиля Фукса... — короткое «руководство к действию». Речь идет об истинных ценностях, о том, как оставаться христианином и выстоять перед лицом страшных событий, о смирении и любви... суметь сохранить чистое сердце, стремиться к миру, противостоять насилию и не идти на компромисс с собственной совестью: «До тех пор, пока Бог остается концепцией, в которую мы верим чисто умозрительно, а тем

временем в реальной жизни нашей основной целью по-прежнему является зарабатывание денег и завоевание влияния и власти, мы никогда не преодолеем внутренней слабости — раболепия».

Эмиль Фукс пережил войну и падение нацистского режима. Его дети оказались в эмиграции, а он остался в ГДР, преподавал социологию и теологию в университете Лейпцига. В 1957-59 издал подробные воспоминания о своей жизни в Третьем Рейхе. Будучи активным членом Христианско-демократического союза, много усилий приложил для того, чтобы в ГДР была введена альтернативная служба, — для социалистических стран это было исключением. Умер Эмиль Фукс в 1971 году, а через четыре года улица рядом с университетом была названа в его честь.

B. A.

Впервые напечатано в газете «Альтернативщик», № 48, июнь 2015. Книга Э. Фукса пока еще есть в наличии; за получением обращайтесь в нашу редакцию.

Воззвание

от Золотова Бориса Александровича из Углича.

Он является последователем духовного учения Л. Н. Толстого. Распространяет сборник «Толстовский листок» («Запрещенный Толстой»):

Ищу энтузиастов, которые пошли бы на создание "трезвой деревни". Все вопросы обсудим по телефону или в письмах.

Мой телефон в Угличе 8 (48532) 47161

Адрес: 152601, г. Углич, Ярославской области,
пос. Отрадный, д. 4, кв. 49.

Б. А. Золотов родился в городе Ярославле в 1940 г. В 37 лет перебрался в деревню, чтобы вести ту жизнь, которая представлялась ему наиболее правильной. А в 1990 г. он познакомился с учением Л. Н. Толстого и почувствовал, насколько оно ему близко. Борис Александрович до сих пор живет в деревне, время от времени навещая дочь в г. Угличе. По хозяйству ему помогает односельчанин, его сверстник. Б. А. Золотов по-прежнему ждет единомышленников; будет рад и просто общению с близкими по духу людьми.

На первой обложке: Н. Н. Ге. Портрет Л. Н. Толстого (1884).

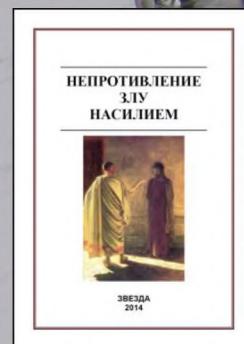
Лев Николаевич изображен в своем доме в Хамовниках (Москва), работающий над рукописью книги «В чем моя вера?». В семье писателя это изображение считалось лучшим «по сходству и силе выражения лица, несмотря на опущенные глаза».

На задней обложке: г. Самара, зима 2014 года, фото В. А.

Электронная библиотека «Вне насилия» предлагает своим читателям сборник «*Непротивление злу насилием*». (80 стр., PDF):

<http://antimilitary.narod.ru/samizdat.htm>

Здесь в небольшой брошюре представлены фрагменты из произведений Л. Н. Толстого, его предшественников: У. Л. Гаррисона, А. Баллу, его последователей: А. И. Архангельского, Е. И. Попова, П. В. Ольховика; а также цитаты из ранних христианских авторов: Киприана, Оригена, Тертуллиана, Лактанция и др., — излагающие христианское учение о непротивлении злу насилием.

«Толстовский Альманах» доступен для скачивания в электронной форме:

На сайте электронной библиотеки «Вне насилия»:

<http://antimilitary.narod.ru/samizdat.htm>

На сайте «Зеленая палочка»:

<http://zpalochka.narod.ru/bibl.html#TA>

На странице социальной сети «В Контакте»:

https://vk.com/religious_anarchism

Свои замечания и предложения просим читателей направлять в нашу редакцию по эл. адресу:

Tolst.Almanah@gmail.com

THE
WATER
FALLS
OF
THE
MISSISSIPPI